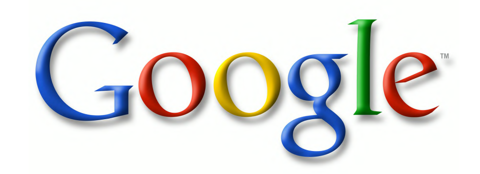
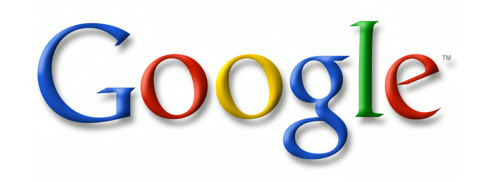
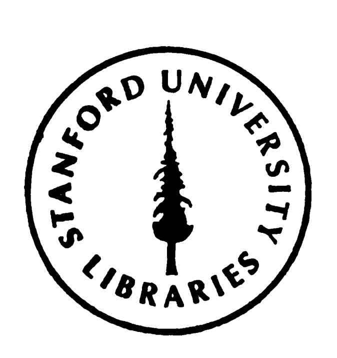

Google

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

МАТЕРІАЛЫ

для

ИСТОРІИ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

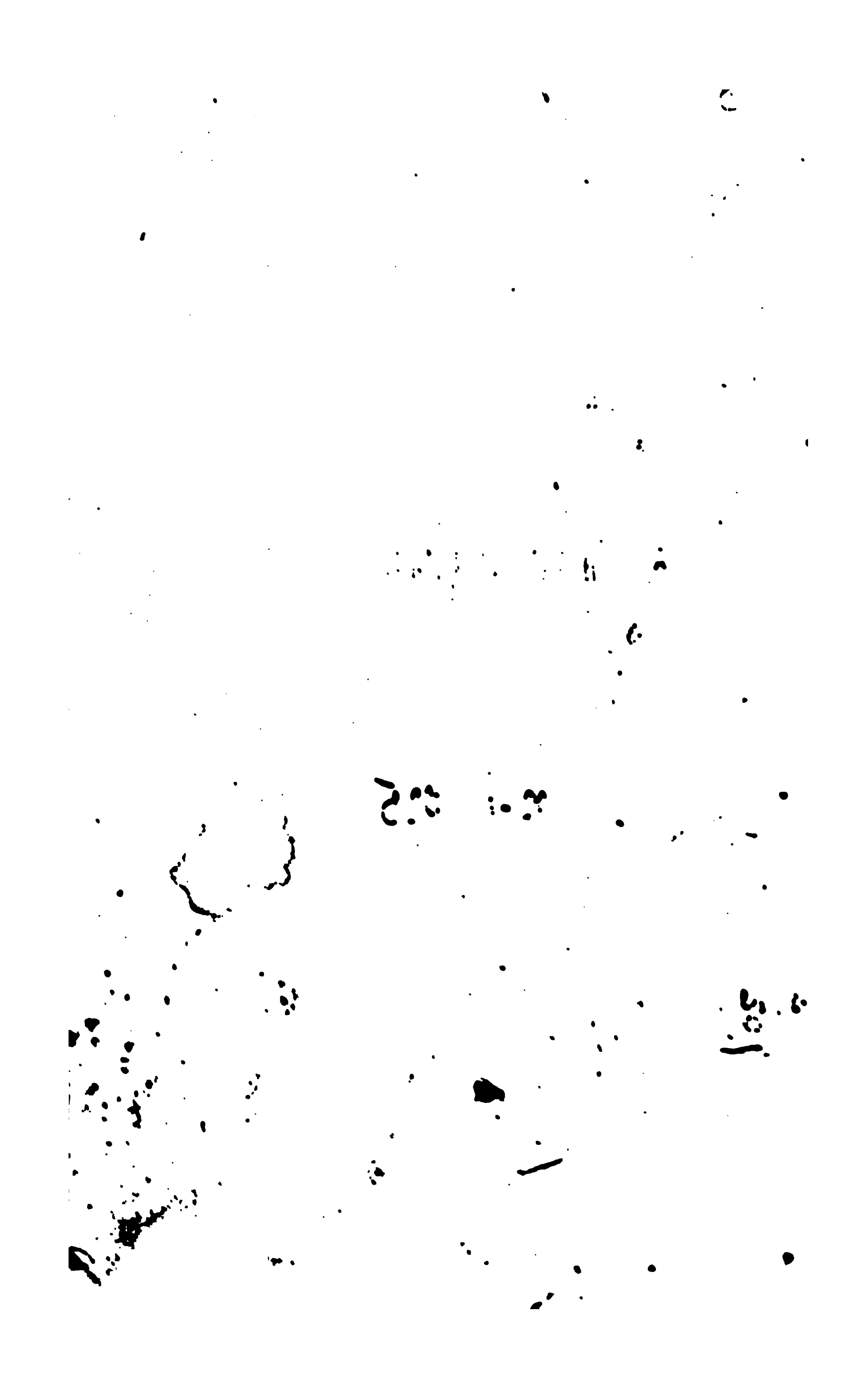
I

МАГНИЦКІЙ.

Е. ѲЕОКТИСТОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КИСЕЛЕВИЧА.
1865.

84

МАГНИЦКІЙ.

Печатать позволяется.
С.-Петербургъ, 14-го октября 1864 г.
Цензоръ *Клемеевъ*.

МАГНИЦКІЙ.

Печатать позволяется.

С.-Петербургъ, 14-го октября 1864 г.

Цензоръ *Клеиеев*.

Получивъ доступъ къ весьма любопытнымъ и необнародованнымъ еще документамъ, авторъ намѣревается представить публикѣ цѣлый рядъ очерковъ по исторіи просвѣщенія въ Россіи. При этомъ онъ не въ состояніи, конечно, стѣсняться ни сроками въ появленіи этихъ очерковъ, ни внутреннею связью между ними. Такъ напримѣръ издавши матеріалы для біографіи Магницкаго, онъ занимается въ настоящую минуту разработкою документовъ, относящихся къ дѣятельности князя Адама Чарторыйскаго по Виленскому учебному округу.

I.

Лѣтъ тридцать тому назадъ имя Магницкаго пользовалось большою, хотя и далеко не лестною, извѣстностью въ обществѣ. Теперь оно почти совсѣмъ забыто. Разказы о немъ его современниковъ не проникаютъ изъ тѣснаго кружка лицъ въ массу публики; въ печати нельзя указать ни на одно произведеніе, гдѣ находилось бы сколько-нибудь обстоятельное упоминаніе объ его дѣятельности. Въ превосходной монографіи о Сперанскомъ барона Корфа сообщены нѣкоторыя подробности о томъ времени его службы когда состоялъ онъ при этомъ государственномъ человѣкѣ и дѣйствовалъ совершенно въ его видахъ; Н. А. Поповъ представилъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1859 г. томъ XXIII) въ статьѣ: *Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани*, краткій очеркъ его управленія казанскимъ университетомъ, на ос-

нованіи различныхъ періодическихъ изданій того времени. Если присоединить къ этому нѣсколько документовъ, обнародованныхъ въ *Русскомъ Архивѣ* (1864 г.), то вотъ, кажется, и все что было писано о Магницкомъ. А между тѣмъ личность его заслуживаетъ внимательнаго изученія и сама по себѣ, и по направленію, котораго онъ держался, — направленію, явившемуся далеко не случайнымъ въ исторіи тогдашняго общества.

Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій, происходившій, по словамъ барона Корфа, отъ хорошей, хотя и не достаточной фамиліи, родился въ 1778 году. Окончивъ блестящимъ образомъ курсъ наукъ въ Московскомъ университетѣ, онъ поступилъ сначала на службу въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, потомъ продолжалъ ее по министерству иностранныхъ дѣлъ въ Вѣнѣ и Парижѣ; возвратившись въ 1802 г. въ Россію, занималъ онъ различныя должности до тѣхъ поръ пока не сошелся съ Сперанскимъ и не сдѣлался ближайшимъ повѣреннымъ смѣлыхъ предначертаній и плановъ этого государственнаго мужа. Съ этого времени начинается извѣстность Магницкаго. Говорить объ этомъ періодѣ его жизни мы считаемъ излишнимъ: изъ сочиненія барона Корфа можно безошибочно заключить, что дѣятельность его не отличалась самостоятельнымъ характеромъ, что онъ былъ не болѣе какъ исполнителемъ идей замѣчательнаго человѣка, возбудившаго противъ себя

столь глубокія антипатіи въ тогдашнемъ обществѣ, исполнителемъ талантливымъ, въ которомъ нельзя было отрицать ни остроумія, ни живости, ни прилежанія къ труду. Магницкій палъ вмѣстѣ съ Сперанскимъ: онъ былъ сосланъ въ Вологду, гдѣ оставался отъ 1812 до 1816 года, то есть до назначенія своего воронежскимъ вице-губернаторомъ. Еслибы въ это время совершенно прекратилась его дѣятельность, онъ унесъ бы съ собою репутацію ревностнаго поборника широко задуманныхъ преобразованій, главныхъ двигателемъ которыхъ былъ Сперанскій. Судба рѣшила иначе. Послѣ кратковременнаго исправленія должности воронежскаго вице-губернатора и затѣмъ гражданскаго губернатора въ Симбирскѣ, Магницкій перешелъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, гдѣ занялъ мѣсто члена главнаго правленія училищъ и затѣмъ попечителя Казанскаго учебнаго округа. Въ этотъ-то періодъ своей дѣятельности, т. е. отъ 1819 до 1826 года, успѣлъ онъ составить себѣ печальную извѣстность какъ неутомимый поборникъ обскурантизма и ревностный гонитель всякой свободы мысли и слова въ нашемъ отечествѣ, связавшій свое имя съ цѣлымъ рядомъ стѣснительныхъ мѣръ.

Уже въ то время, когда Магницкій трудился подъ руководствомъ Сперанскаго, имъ овладѣло, какъ выражается баронъ Корфъ, « лихорадочное стремленіе къ власти, почестямъ и богатству. » Одно время могъ

онъ мечтать о возможности удовлетворенія этихъ страстей; онъ пользовался званіемъ статсъ-секретаря въ государственномъ совѣтѣ; въ качествѣ директора коммиссіи составленія военныхъ уставовъ и уложеній имѣлъ онъ личные доклады у государя: все улыбалось, повидимому, этому честолюбивому человѣку, едва преступившему тридцатилѣтній возрастъ, какъ вдругъ катастрофа Сперанскаго разбила разомъ всѣ его надежды. Магницкій не упалъ, однако, духомъ: получивъ возможность снова начать службу, рѣшился онъ достигнуть во что бы то ни стало предположенной имъ цѣли, не гнушаясь никакими средствами, служа самымъ противнымъ убѣжденіямъ. Изображать его дѣятельность въ это время значило бы рисовать картину темныхъ интригъ, клеветъ, доносовъ, неблаговидныхъ отношеній его къ различнымъ лицамъ, отъ которыхъ ожидалъ онъ покровительства и милостей. Все это крайне любопытно какъ для характеристики самого Магницкаго, такъ и тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ игралъ онъ роль, но для всего этого мы не имѣемъ необходимыхъ матеріаловъ; почти ничего не знаемъ мы о тѣхъ проискахъ, которыми пріобрѣлъ онъ благосклонность князя А. Н. Голицына; столь же мало извѣстно намъ объ отношеніяхъ его къ Аракчееву, причинившихъ отчасти, какъ говорятъ, выходъ князя Голицына изъ министерства народнаго просвѣщенія; наконецъ отношенія его къ различнымъ сослужи-

цамъ его по министерству, къ попечителямъ учебныхъ округовъ, къ членамъ главнаго правленія училищъ, ко многимъ лицамъ, сдѣлавшимся жертвами его происковъ — все это покрыто пока тайной, и обо всемъ этомъ можно судить не иначе какъ по догадкамъ и по отрывочнымъ разказамъ современниковъ. Н. А. Поповъ, въ упомянутой нами выше статьѣ, говоритъ, что переписка между Магницкимъ и членами Казанскаго университета того времени до сихъ поръ еще хранится у нѣкоторыхъ лицъ. Весьма желательно было бы видѣть обнародованіе этой переписки, и теперь, кажется, уже наступила для этого удобная минута, тѣмъ болѣе, что едва ли находятся еще въ живыхъ тѣ, которымъ повѣрялъ Магницкій свои мысли и побужденія. Въ ожиданіи этого мы рѣшаемся представить очеркъ служебныхъ занятій Магницкаго по министерству народнаго просвѣщенія на основаніи тѣхъ документовъ, которые находились въ нашемъ обладаніи: документы эти, какъ увидитъ читатель, относятся, такъ сказать, лишь къ оффиціальной дѣятельности Магницкаго, къ той, которая проявлялась наружу, о которой можно судить на основаніи его собственныхъ донесеній, отчетовъ, а также докладныхъ записокъ генералъ-майора Желтухина, получившаго въ 1826 году предписаніе осмотрѣть Казанскій университетъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя нами, могутъ служить, слѣдовательно, не болѣе какъ матеріаломъ для подробной біографіи

Магницкаго: тѣмъ лицамъ, которыя знакомы съ закулисною хроникой того времени, предоставляемъ мы пополнить ихъ подробностями о таинственныхъ похожденіяхъ этого «нравственнаго феномена», какъ называли его, не оставившихъ слѣдовъ въ архивахъ министерства и Казанскаго университета.

Чтобы оцѣнить характеръ дѣятельности Магницкаго, необходимо обратить вниманіе на тѣ обстоятельства, среди которыхъ она развивалась. Извѣстно, какія мрачныя послѣдствія имѣла для всей Германіи смерть Коцебу, павшаго въ мартѣ 1819 года отъ руки студента Занда. Исторія Вартбургскаго празднества, злодѣйское покушеніе Карла Леннига противъ президента фонъ-Ибелля въ связи съ упомянутымъ сейчасъ убійствомъ — все это возбудило тревогу въ правительствахъ и заставило ихъ обратить подозрительное вниманіе на состояніе умовъ. Назначена была, такъ называемая, центральная коммиссія для изслѣдованія демагогическихъ замысловъ, а между тѣмъ въ совѣщаніяхъ министровъ всѣхъ германскихъ государствъ, происходившихъ въ Карлсбадѣ, принятъ былъ цѣлый рядъ мѣръ противъ свободы преподаванія въ университетахъ: автономія университетовъ получила сильный ударъ, профессоры и студенты были отданы повсюду подъ надзоръ уполномоченныхъ отъ правительства чиновниковъ; и если, по донесенію этихъ чиновниковъ, профессоръ нарушалъ общественное спокойствіе и порядокъ,

то онъ былъ немедленно удаляемъ, и никакое изъ германскихъ государствъ не могло давать ему каѳедры; исключенные студенты не были принимаемы въ другіе университеты и т. д. Одновременно съ этимъ, введена была цензура для всѣхъ періодическихъ изданій и принимались другія административныя распоряженія, отличавшіяся такимъ же стѣснительнымъ характеромъ.

Новый порядокъ вещей въ Германіи не замедлилъ отразиться и на нашемъ отечествѣ. Магницкій вступилъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія въ званіи попечителя Казанскаго учебнаго округа, въ то самое время, когда распространилась мысль о необходимости подчинить университетское преподаваніе строгому надзору, и онъ явился ревностнымъ поборникомъ этой мысли. Онъ не нуждался въ постороннихъ побужденіяхъ и внушеніяхъ, — напротивъ, инниціатива всѣхъ стѣснительныхъ мѣръ шла преимущественно отъ него. Ему казалось вполнѣ возможнымъ, опираясь на могущественное содѣйствіе князя Голицына, измѣнить всю систему образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и построить ее, по собственному его выраженію, «на актѣ священнаго союза»; нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ мечталъ сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ для правительства, внушить ему высокое понятіе о предполагаемыхъ имъ преобразованіяхъ и такимъ образомъ открыть себѣ широкій путь къ почестямъ и славѣ.

Магницкій не могъ не сознавать, что всѣ люди съ истиннымъ образованіемъ и независимымъ образомъ мыслей будутъ противъ него, но онъ имѣлъ причины не смущаться недоброжелательствомъ; въ рукахъ его было сильное орудіе противъ враговъ — клеветы, доносы, противъ которыхъ не было средствъ оградить себя предосторожностью и добросовѣстнымъ исполненіемъ своего долга.

Выдерживая борьбу съ многочисленными противниками, Магницкій старался образовать около себя кружокъ людей, который дѣйствовалъ бы съ нимъ въ однихъ видахъ. Вскорѣ удалось ему найдти себѣ ревностнаго союзника между членами главнаго правленія училищъ: мы говоримъ о Руничѣ. Человѣкъ этотъ, по отзывамъ многихъ, знавшихъ его лично, отличался умомъ живымъ, но не способнымъ сосредоточиться ни на какомъ вопросѣ, совершеннымъ отсутствіемъ твердости характера, и вмѣстѣ съ тѣмъ честолюбіемъ и жаждою почестей не оправдываемыми ни его способностями, ни познаніями. Онъ сдѣлался послушнымъ исполнителемъ внушеній Магницкаго, его креатурою, его вѣрнымъ отголоскомъ. Магницкій ревностно содѣйствовалъ его возвышенію, съ одной стороны, потому что могъ опираться на него въ главномъ правленіи училищъ, съ другой — потому что находилъ положительно выгоднымъ утверждать, мало-по-малу, свою систему не въ одномъ только Казанскомъ, но и въ другихъ университетахъ.

До какой степени готовъ былъ Руничъ служить вѣрнымъ орудіемъ Магницкаго, доказалъ онъ въ исторіи профессора Куницына, о которой считаемъ не лишнимъ упомянуть здѣсь подробнѣе. Въ 1820 году, директоръ Царскосельскаго лицея, генералъ Энгельгардтъ обратился къ министру съ просьбою поднести императору Александру экземпляръ только что изданнаго Куницынымъ сочиненія: *Право естественное*. Когда книга эта поступила на предварительное разсмотрѣніе главнаго правленія училищъ, то встрѣчена была сначала весьма благопріятными приговорами; одинъ изъ членовъ, г. Фуссъ, представилъ подробный разборъ ея, въ заключеніе котораго говорилъ, что она заслуживаетъ вполнѣ быть поднесенною государю. Чрезъ нѣсколько дней, однако, Руничъ поспѣшилъ представить свой отчетъ объ этой книгѣ слѣдующаго содержанія:

«Прочитавъ доставленную ко мнѣ, при выпискѣ изъ журнала ученаго комитета главнаго правленія училищъ, книгу, подъ заглавіемъ: *Право естественное*, сочиненіе профессора Царскосельскаго лицея, Куницына, поставляю обязанностью изложить, ниже сего, мое мнѣніе, касательно ея духа и ученія, не только опасныхъ, но и разрушительныхъ въ отношеніи къ основаніямъ вѣры и достовѣрности Св. Писанія: и къ сему побуждаюсь не одними внушеніями совѣсти, но и правилами, изложенными въ *Наставленіи для руководства ученаго комитета*, учреж-

деннаю при главномъ правленіи училищъ, гдѣ сказано: «главное и существенное служеніе состоитъ «въ томъ, чтобы народное воспитаніе, основу и за«логъ благосостоянія государственнаго и частнаго «*посредствомъ лучшихъ учебныхъ книгъ* направить «къ истинной и высокой цѣли: къ водворенію въ «отечествѣ нашемъ постояннаго согласія между *вѣ*«*рою, вѣдѣніемъ* и *властью;* или между христіан«скимъ благочестіемъ, просвѣщеніемъ умовъ и су«ществованіемъ гражданскимъ.»

«Выборъ, составленіе и распространеніе учебныхъ книгъ, соотвѣтствующихъ вполнѣ выше сего указанной и безъ всякаго сомнѣнія *спасительной* цѣли, ввѣрены въ особенности ученому комитету, который, обозрѣвая весь кругъ христіанскаго, учебнаго и гражданскаго воспитанія, обязанъ всѣ вообще стихійныя книги, употребляемыя и нововводимыя, разсматривать, повѣрять и соображать *по буквальному содержанію и духу*, примѣняя и устремляя свои осужденія къ главному концу, предположенному правительствомъ въ просвѣщеніи россійскаго юношества: и все противное или чуждое священной цѣли отклонять отъ системы преподаванія.

«Далѣе, въ семъ же наставленіи для руководства ученаго комитета, Священное Писаніе указано какъ источникъ всего. Итакъ, всякое ученіе, всякая система, всякая наука, немогущая выдержать пробы на семъ оселкѣ, необходимо слѣдуетъ быть отвер-

гнута, какъ опасная, вредная и совершенно противоположная благотворнымъ видамъ христіанскаго правительства и благосклоннымъ попеченіямъ государя, по сердцу и духу благочестивѣйшаго. Съ сей точки зрѣнія приступаю я къ разсмотрѣнію учебной книги, введенной въ употребленіе въ одномъ изъ первѣйшихъ учебныхъ заведеній.

«Въ упоминаемомъ наставленіи для руководства ученаго комитета во второмъ правилѣ, о книгахъ и сочиненіяхъ философскихъ и о правѣ естественномъ, сказано, что: «комитетъ, въ преподаваніи объ умозрительномъ законодательствѣ и ѳеоріи о естественномъ правѣ, обязанъ допускать тѣ токмо книги, «кои не восписуютъ добродѣтелей и учрежденій гражданскихъ *чуждому* источнику, однимъ словомъ «тѣ, кои не противорѣчатъ практическому христіанству; что жъ до ѳеоріи о естественномъ правѣ касается, такія, которыя не основаны на ложномъ понятіи о нѣкоемъ первобытномъ состояніи человѣка»; —и ниже, что «ученіе сіе можетъ быть излагаемо «учащимся въ видѣ ипотезы, облегчающей ходъ «науки, такъ какъ въ географіи полагаются линіи «на шарѣ земномъ для удобнѣйшаго исчисленія времень и разстояній. Но въ то время неосновательность сей ипотезы надлежитъ обнаружить и сдѣлать очевидною.»

«Вотъ основаніе и руководство, держась которыхъ нахожу, что книга, поступившая на разсмотрѣніе

комитета, по духу своему не соотвѣтствуетъ ни одному изъ тѣхъ условій, подъ коими преподаваніе ѳеорій объ естественномъ правѣ допущено быть можетъ. Она, начиная съ заглавнаго ея листа, представляетъ довольно странную надпись, которая изъ виду выпущена быть не можетъ. Сказано, что право сіе есть сочиненіе профессора Куницына. Но если право естественное, приведенное въ ѳеорію, составляетъ науку, то сіе доказываетъ, что она уже существовала и имѣетъ своихъ классическихъ авторовъ, съ которыхъ настоящій сочинитель могъ только списывать или переводить, что и замѣчается изъ многихъ несвойственныхъ языку нашему оборотовъ его слога, слѣдовательно, ѳеорію права не сочинить, а развѣ собрать или издать можно, иначе сочиненная наука не наукою, а произвольнымъ вымысломъ будетъ. Держась сего правила, при изложеніи и собираніи началъ и основаній всякой науки, надлежитъ не только ознакомить во введеніи читателя съ происхожденіемъ науки, но и указать на источники, изъ коихъ составленная ѳеорія почерпнута, а самыя положенія науки утвердить ссылками на автора; какъ равно такими же ссылками и указаніями на сочиненія о правѣ естественномъ слѣдуетъ подкрѣпить и собственныя примѣчанія и нововыводимыя заключенія. Все сіе упущено въ книгѣ г. Куницына, — и дѣйствительно, читатель, незнакомый съ ѳеоріей права естественнаго и сочиненіями, въ

коихъ оно предлагается, почтетъ книгу г. профессора собственнымъ его открытіемъ. Приведя выше сего правила, данныя въ руководство ученому комитету, мнѣ не слѣдовало бы и распространяться далѣе насчетъ книги, о которой говорю здѣсь, ибо стоитъ прочесть хотя одно изъ озаглавленныхъ мною мѣстъ, чтобъ увидѣть, что она есть не что иное, какъ сборъ пагубныхъ лжеумствованій, которыя, къ несчастію довольно извѣстный, Русоъ ввелъ въ моду и кои волновали и еще волнуютъ горячія головы поборниковъ правъ человѣка и гражданина минувшаго и наступившаго столѣтій; ибо взявъ съ послѣдствій сего философизма во Франціи, то-есть, съ актовъ и конституцій отъ 1796 года до императорства Бонапартова и сличивъ ихъ съ наукою, г. Куницынымъ нынѣ изложенною, увидимъ только раскрытіе ея и приложеніе къ гражданскому порядку. Маратъ былъ не что иное, какъ искренній и практическій послѣдователь сей науки.

«И вся книга есть не что иное, какъ пространный кодексъ правъ, присвоеныхъ какому-то естественному человѣку, и опредѣленій совершенно противоположныхъ ученію Св. откровенія. Вездѣ чистыя начала какого-то непогрѣшающаго разума признаются единственною, законною повѣркой побужденій и дѣяній человѣческихъ. Здѣсь міргражданство, по существу своему, почитается происходящимъ изъ тѣхъ же началъ, на коихъ основано и самое право

естественное. Здѣсь утверждается, что нѣтъ истинъ самостоятельныхъ, по которымъ бы опредѣлять возможно было понятіе о добрѣ и злѣ, о позволенномъ и непозволенномъ. Здѣсь говорится о какомъ-то внутреннемъ чувствѣ, похожемъ на совѣсть. Здѣсь утверждается, что совокупленіе людей для достиженія общей цѣли не можетъ иначе произойдти, какъ чрезъ договоръ, ибо никто не имѣетъ первоначальнаго права принуждать другихъ желать того, чего самъ желаетъ и дѣйствовать для цѣлей, имъ назначенныхъ. Здѣсь супружество почитается союзомъ между двумя лицами различнаго пола для *исключительнаго сожитія* (часть II, листъ 29, § 285). Здѣсь допускается наложничество, названное бракомъ, заключеннымъ *на временное сожитіе*, по началамъ права не признаваемое незаконнымъ, но только противнымъ почему-то какой-то нравственной природѣ человѣка. Ниже (§ 294) брачный договоръ между ближними родственниками не почитается у мѣста потому только, что оный противенъ какимъ-то внутреннимъ должностямъ человѣка. Въ случаѣ же брака между такими лицами предполагается, что какое-то благородное чувствованіе родственнаго расположенія пожертвовано будетъ какому-то другому чувствованію низшаго разряда, хотя, впрочемъ, по началамъ права естественнаго доказать и нельзя, существуетъ ли въ природѣ врожденное отвращеніе между восходящими и нисходящими родственниками, между братьями и се-

страни. Ниже (§ 306) одна должность воспитывать дѣтей признается основаніемъ родительской власти надъ дѣтьми, а въ § 310 опредѣляется срокъ родительской власти, которая должна уменьшаться вмѣстѣ съ должностью воспитывать дѣтей, когда сіи получатъ достаточныя силы къ труду и употребленіе разума, при которомъ могутъ уже располагать своими поступками сами, и потому выходятъ изъ родительской власти, а родители перестаютъ имѣть должность ихъ воспитывать. Право сіе о бракѣ, власти родительской и повиновеніи дѣтей, высокое существо такого естественнаго человѣка заимствуетъ отъ животныхъ безсловесныхъ. Се человѣкъ сей!

«Надлежало бы списать всю книгу при исчисленіи всѣхъ подобныхъ мѣстъ, столько же отвратительныхъ, какъ и ядовитыхъ: но я ограничился указаніемъ на сіи главнѣйшія, какъ такія, которыя, очевидно, свидѣтельствуютъ святотатственное нападеніе на божественность Св. откровенія, тѣмъ болѣе опасное, что оно покрыто широкимъ плащомъ философіи. Ибо слово Божіе всякую власть объявляетъ властью отъ Бога: бракъ таинственнымъ и не разрывнымъ союзомъ отъ самого Творца установленнымъ и благословеннымъ; обязанности дѣтей чтить родителей своихъ — условіемъ и къ достиженію долголѣтія на земли и самого вѣчнаго блаженства.

«Здѣсь кончаются замѣчанія мои на пагубное заблужденіе автора; но за симъ представляется вопросъ,

какимъ образомъ опасное сіе ученіе можно будетъ допустить въ одномъ изъ первѣйшихъ заведеній нашихъ, отъ котораго, по ускоренію въ немъ самаго производства воспитанниковъ, должны мы ожидать командующихъ нашими арміями и министровъ? Какимъ образомъ допустить ученіе сіе въ университетахъ? На чемъ основана существенная необходимость вводить въ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе сей науки вообще? Какъ ожидать укорененія вѣры, вѣдѣнія и покорности властямъ тамъ, гдѣ въ юные, способные къ принятію первыхъ впечатлѣній, сердца и умы, или предварительно или вмѣстѣ съ ученіемъ Божественнаго Спасителя вперятся теоріи безбожныя, умозрительныя системы и понятія о мнимой возможности сдѣлать человѣка совершеннымъ посредствомъ одной языческой нравственности, вручая ему подъ названіемъ права естественнаго оружіе, которое именно устремлено къ тому, чтобы всякое сверхъестественное чувство истребить въ человѣчествѣ, представляя отношенія Бога къ человѣку, наоборотъ, сомнительными, и погасить вѣру, открывающую тайную, но неразрывную связь вещественнаго міра съ духовнымъ?

„Я, съ моей стороны, признавая основательность спасительныхъ заключеній, преподанныхъ въ руководство ученому комитету и держась ихъ безусловно, заключаю, что представленная директоромъ Царскосельскаго лицея книга, подъ заглавіемъ:

Право естественное, не достойна сей отличной чести, какъ содержащая ученію евангельскому противное, которая потому и подлежитъ запрещенію и безъ потери времени долженствуетъ быть изъята изъ употребленія, какъ и всѣ въ духѣ ея составленныя; ибо публичное преподаваніе наукъ, по безбожнымъ системамъ, не можетъ имѣть мѣста въ благословенное царствованіе благочестивѣйшаго государя, давшаго торжественный, предъ лицомъ всего человѣчества, обѣтъ управлять врученнымъ ему отъ Бога народомъ по духу Слова Божія.

«Злой духъ тьмы носится надъ вселенною, силясь мрачными крылами своими заградить отъ смертныхъ свѣтъ истинный, просвѣщающій и освѣщающій всякаго человѣка въ мірѣ. Счастливымъ почту себя, если по слову одного почтеннаго соотечественника моего, вырву хотя одно перо изъ чернаго крыла противника Христова.»

По выслушаніи мнѣнія Рунича большинство членовъ поспѣшило согласиться съ нимъ. Книга Куницына была запрещена, изъята изъ продажи и отобрана какъ изъ библіотекъ, такъ и отъ частныхъ лицъ, успѣвшихъ ее пріобрѣсти. Происшествіе это имѣло еще ту важность, что особенное вниманіе правительства обращено было съ этихъ поръ на преподаваніе естественнаго права; положено было вытребовать отъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній руководства, письменныя или печатныя, этой науки, и, разсмо-

трѣвъ ихъ, составить руководство одинаковое и обязательное для всѣхъ, основанное на уваженіи къ религіи и существующему порядку. Только два члена, Магницкій и Руничъ, не согласны были съ этимъ опредѣленіемъ главнаго правленія училищъ. «Достаточно и неоспоримо доказана, утверждали они, совершенная ничтожность мнимой науки естественнаго права, не говоря уже объ явномъ вредѣ, отъ произвольнаго преподаванія и лживыхъ толковъ, столь удобно входящихъ въ составъ ученія, съ нѣкотораго времени токмо вымышленнаго, и безъ коего римская, французская и другія монархіи въ продолженіе многихъ столѣтій славились своимъ правовѣдѣніемъ и знаменитыми правовѣдцами.» Посему предлагали они «запретить безусловно преподаваніе естественнаго права не отлагая далѣе, нынѣ же, во всемъ государствѣ.» Мы увидимъ, что мысль эта сдѣлалась любимою мыслію Магницкаго и что въ послѣдствіи онъ возбудилъ, по поводу ея, жаркій споръ, окончившійся не прежде, какъ съ его паденіемъ.

Ровно черезъ годъ послѣ запрещенія книги Куницына, произошла въ С.-Петербургскомъ университетѣ исторія, надѣлавшая еще болѣе шуму. Мы говоримъ объ обвиненіи профессоровъ: Германа, Раупаха, Галича и адъюнкта Арсеньева, во вредномъ и возмутительномъ преподаваніи наукъ статистики, всеобщей исторіи и философіи. При самомъ началѣ этого дѣла, попечитель С.-Петербургскаго округа

С. С. Уваровъ, подалъ просьбу объ отставкѣ и исправленіе его должности поручено было Руничу. О томъ, какъ Руничъ велъ дѣло обвиненныхъ профессоровъ, въ какой степени безпристрастно относился онъ къ нимъ, читатели могутъ составить себѣ понятіе изъ записокъ, помѣщенныхъ въ *Чтеніяхъ Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ* (1862 г. *кн. третья*). Для характеристики самого Рунича, помѣщаемъ здѣсь докладъ его министру народнаго просвѣщенія о преніяхъ, отчетъ о которыхъ можно найдти въ упомянутомъ сейчасъ изданіи:

«На основаніи предписанія вашего сіятельства, отъ 30-го октября 1821 года, писалъ Руничъ, С.-Петербургскій университетъ, подъ председательствомъ моимъ, имѣлъ три чрезвычайныя засѣданія 3, 4 и 7-го чиселъ сего мѣсяца.

«Подношу у сего выписки изъ журналовъ двухъ первыхъ засѣданій и подлинный журналъ послѣдняго, присовокупляя къ сему подлинные отвѣты профессоровъ: Германа, Раупаха, Галича и Арсеньева, подлинныя же мнѣнія членовъ университета и, наконецъ, копію съ предложенія моего общему собранію, прочтеніемъ котораго открыто было первое засѣданіе 3-го числа.

«Я не въ состояніи описать здѣсь встрѣченныхъ мною на первомъ шагу затрудненій, коими вопросы самые неумѣстные, разсужденія и заключенія къ

настоящему предмету не относящіяся, пререканія, и пренія самыя неприличныя положили основаніе и продолжили засѣданіе перваго собранія съ 10 часовъ утра до 9 вечера; втораго — отъ 11 утра до 4 пополудни и третьяго отъ 6 вечера до 4 часовъ пополуночи. Въ самомъ началѣ обнаружилась цѣль съ какою пріискивались всякаго рода затрудненія, чтобъ остановить ходъ дѣла, — затрудненія, которыхъ предвидѣть и ожидать было невозможно. Цѣль сія единственно состояла въ томъ, чтобъ опровергнуть законность и достовѣрность выписокъ, изъ тетрадей студентовъ сдѣланныхъ, на коихъ основаны вопросы, по сличеніи всѣхъ вообще тетрадей и повѣркѣ ихъ съ собственными тетрадями профессоровъ и печатными книгами, по коимъ они лекціи преподавали, въ главномъ правленіи училищъ составленныя и отъ вашего сіятельства, при предписаніи, ко мнѣ препровожденныя. До призванія профессоровъ къ отвѣтамъ въ присутствіе, профессоръ Балугіанскій сдѣлалъ мнѣ вопросъ, который свидѣтельствовалъ достаточно, какое неблагонамѣренные члены желали дать направленіе сему дѣлу, и который состоялъ именно въ томъ, «*что нужно было бы знать, какіе суть виды правительства, и съ какимъ намѣреніемъ требуются отъ профессоровъ отвѣты?*» Само собою разумѣется, что вмѣсто отвѣта на сіе, я замѣтилъ неприличіе такого вопроса, приказавъ записать оный въ журналъ; и остановилъ сіе единственно по убѣж-

денію г. директора университета, побѣждаемаго желаніемъ отклонить новое препятствіе къ разсужденію о самомъ дѣлѣ, и тѣмъ избавить университетское сословіе отъ упрека, даже и несправедливаго, въ личностяхъ и забвеніи благопристойности, и по увѣренію самого профессора Балугіанскаго, *что онъ не то хотѣлъ сказать, что сказалъ, и не умѣлъ выразить своихъ мыслей!*

«Упорная наглость Раупаха, дерзкій, возмутительный и противозаконный поступокъ его, обнаружившійся въ безусловномъ и весьма долго продолжавшемся отрицаніи возможности дать отвѣты на предложенные ему вопросы, отъ вашего сіятельства ко мнѣ препровожденные, и объявленіе, *что нельзя его принудить къ исполненію такого закона, который превышаетъ возможность*, было не что иное, какъ раскрытіе того плана, съ которымъ оба профессора сіи явились въ собраніе университета, и вслѣдствіе коего, нѣкоторые члены защищали ихъ требованіе. Сей планъ состоялъ единственно въ томъ, чтобъ опорочивъ и отвергнувъ законность и достовѣрность актовъ правительства, и подвергнувъ вопросные пункты ученому разбору, превратить судебный ходъ дѣла въ школьное словопреніе, и такимъ образомъ остановить, при самомъ его началѣ, изслѣдованіе важнѣйшаго для блага всѣхъ учебныхъ заведеній Имперіи обличенія вредности преподаваемыхъ ими ученій. Средство не новое, извѣстное

всякому, кто нибудь случай производить слѣдствія уголовныя, но крайне затрудняющее ходъ всякаго дѣла; ибо какую правильность можно дать оному тогда, когда акты, къ обвиненію служащіе, упорно и безусловно отвергаются? Я не почиталъ себя въ правѣ дать согласіе на то, чтобы по желанію Раупаха, которое поддерживали многіе члены, выдать ему помянутыя записки на продолжительное время на домъ, для опроверженія тѣхъ обвиненій, которыя въ вопросахъ заключались; ибо положительными государственными законами сіе воспрещается, а потому, какъ средство, къ которому обратились профессоры Германъ и Раупахъ, требованіе ихъ и запирательство признаны многими членами законными, на томъ основано и сужденіе. Сіе произвело раздѣленіе мнѣній и сдѣлало бы всякое рѣшительное заключеніе совершенно невозможнымъ и преднамѣренный умыселъ неминуемо достигъ бы своей цѣли; посему я нашелся принужденнымъ предметы совѣщанія превратить въ вопросы, допустя противъ воли условную подлинность выписокъ изъ лекцій профессоровъ Германа и Раупаха, по содержанію коихъ вопросы въ главномъ правленіи училищъ составлены были. Изъ выписокъ изъ журналовъ ваше сіятельство усмотрѣть изволите въ какомъ порядкѣ вопросы одинъ за другимъ слѣдовали и какія по онымъ отъ нѣкоторыхъ членовъ противодѣйствующей партіи даны мнѣнія. Подлинный же

журналъ 7-го числа свидѣтельствуетъ, что не только законность актовъ представлялась сомнительною, а акты недостаточными, но и самыя права мои, какъ попечителя и предсѣдателя, подвергались нападенію и ограниченію. Дерзкое покушеніе профессора Шарнуа отвергнуть законное право, которое я имѣлъ, предлагать вопросы, къ поясненію дѣла служащіе, было последнею доской кораблекрушенія. Поступокъ сей конференція оцѣнила; самое же намѣреніе его было послѣднимъ усиліемъ остановить дѣло, принявшее при всѣхъ противодѣйствіяхъ должное направленіе. Шарнуа надѣялся, что нѣкоторые члены пристанутъ къ его мнѣнію, и дѣло получитъ другой оборотъ. Цѣль сія неминуемо имѣла бы успѣхъ, когда бы я не ввелъ въ надлежащія границы дерзостнаго чужеземца, и когда бы наибольшая часть членовъ университета единогласно не осудила противозаконнаго поступка его, который положено предать сужденію высшаго начальства.

« За симъ нужнымъ считаю для поясненія протоколовъ обратиться къ слѣдующимъ замѣчаніямъ:

«Профессоръ Раупахъ, отвергая безусловно вопросы основанные на его ученіи, забылъ, что собственноручными своими тетрадями обличенъ быть можетъ и что онѣ скоро уничтожатъ неправильныя его отговорки и запирательства; а потому и заключилъ его въ простомъ отрицаніи, забывъ и то, что пра-

вительству не нужны критическія его замѣчанія и ученое защищеніе своей системы, какъ частнаго лица; но что оно въ правѣ запретить всякому преподавателю распространеніе вредныхъ ученій, какъ скоро найдетъ таковыми оныя.

«Профессоръ Германъ далъ отвѣты отъ него требуемые: и хотя поведеніе его не представляло ничего предосудительнаго, со всѣмъ тѣмъ содержаніе его отвѣтовъ столько же для самого правительства, какъ и для университета оскорбительно, ибо отрицая все то, въ чемъ онъ тетрадями студентовъ уличается, онъ объявилъ, что вредныя мѣста въ послѣднихъ находящіяся почитаетъ произвольно включенными предшествовавшими ему преподавателями, забывая, что до него статистика въ университетѣ не преподавалась, что потому такъ называемыхъ имъ уставныхъ тетрадей (cahiers de fondation) и быть не могло, если же и были, то принадлежатъ къ его же произведенію. Сверхъ того, самые германизмы, въ тетрадяхъ студентовъ, обличаютъ собственные его обороты. Объявленіе, что метода его преподаванія статистики можетъ быть оцѣнена одними только знатоками сей науки, по его мнѣнію весьма важной, есть заключеніе и для правительства, и для самого университета оскорбительное и свидѣтельствующее недовѣрчивость его къ познаніямъ лицъ разсматривавшихъ его ученіе. Все сіе служитъ самымъ яснымъ доказательствомъ, какъ трудно было положить

преграду возникавшимъ и безъ того при всякомъ словѣ пререканіямъ и сужденіямъ, при которыхъ только условно допускалась законность актовъ правительства, да и самыя права президента ограничивались превратнымъ толкованіемъ одного члена! Все сіе принадлежитъ къ явленіямъ необыкновенныхъ, и я въ первый разъ въ жизни моей, въ продолженіе 25-лѣтней службы, нашелся въ печальной необходимости выслушивать изъявленіе подозрѣній на правительство, и защищать права онаго! Со всѣмъ тѣмъ, какъ противная сторона ни усиливалась остановить дѣйствія благотворныхъ распоряженій вашего сіятельства и положеній главнаго правленія училищъ,—истина восторжествовала, и ученія профессоровъ Германа и Раупаха большею частію членовъ, *условно;* экстраординарнаго профессора Галича и адъюнкта Арсеньева, ***положительно*** признаны опасными и вредными; сами же они, какъ преподаватели, кромѣ Галича, *условно*, незаслуживающими довѣрія.

«Поступокъ экстраординарнаго профессора Галича, изъясненный въ протоколѣ чрезвычайнаго засѣданія 4 числа, и поразившій все собраніе, не подлежитъ суду человѣческому. Внутренность сердца одному Богу извѣстна. Наружность совершенно на сторонѣ его и никто не рѣшился бросить на него камень. Общее собраніе университета возложило на меня ходатайствовать у вашего сіятельства о сей блуждавшей овцѣ дому Израилева, которую великій

пастырь овецъ, поколику слѣпотствующій умъ человѣческій судить можетъ, кажется подъялъ на раменa своп. И я сладостнѣйшею поставляю себѣ обязанностью къ просьбѣ университета присовокупить и мою убѣдительнѣйшую объ оказаніи Галичу испрашиваемой ему милости. Время покажетъ чистоту и искренность его обращенія; съ радостію и готовностію берусь лично наблюдать за тѣмъ, и за величайшее счастіе почту, если онъ докажетъ на опытѣ то, въ чемъ настоящее положеніе его подаетъ нѣкоорый поводъ сомнѣваться. Строгая осторожность будетъ руководствовать меня въ дальнѣйшемъ опредѣленіи рода ученыхъ его занятій по университету. Галичъ далъ мнѣ сверхъ того обѣщаніе въ непродолжительномъ времени изготовить изданную имъ *Исторію системъ философскихъ* съ опроверженіями, а въ предувѣдомленіи описать самое свое обращеніе и тѣмъ торжественно запечатлѣть чистоту и истину онаго!

«Сознаніе профессора Галича лучше всякихъ доводовъ свидѣтельствуетъ, что опасныя и вредныя ученія, въ которыхъ профессоры Германъ, Раупахъ, Галичъ и адъюнктъ Арсеньевъ обвиняются, дѣйствительно были въ университетъ допущены,—сколько бы злоумышленіе противное доказывать ни усиливалось. Да отнесется сіе торжественное признаніе въ лжемудріи ко славѣ Спасителя міра, котораго ученіе есть одно истинное! При благотворныхъ видахъ

благочестивѣйшаго отца отечества, неусыпномъ попеченіи вашего сіятельства и полезнѣйшихъ во благу Россіи трудахъ достойнѣйшихъ членовъ главнаго правленія училищъ, безъ сомнѣнія, совершится желаніе всеавгустѣйшаго монарха нашего: чтобы истинное просвѣщеніе на благочестіи основано было; и тогда науки, озаренныя свѣтомъ откровенія, послужатъ къ утвержденію благоденствія общаго и частнаго. Конецъ прошедшаго столѣтія и начало наступившаго кровавыми письменами начертали въ исторіи Европы ужасныя происшествія, которыхъ она была позорищемъ и которыя породили ученое вольнодумство, умозрѣнія лжеименнаго разума и мнимое просвѣщеніе, подъ широкимъ плащомъ котораго скрывались во всѣ времена или невѣжество, или злоумышленіе.

«Засѣданіе 7 числа назначено было единственно для подписанія журналовъ обоихъ предыдущихъ собраній. Протестаціи профессоровъ Шармуа и Деманжа, дерзкія по содержанію своему, основанныя на ложныхъ вымыслахъ и оскорбительныя для всего сословія университета, заставили возобновить дѣло о поступкѣ перваго и были поводомъ къ продолженію засѣданія до глубокой ночи. Въ сіе засѣданіе еще съ большею силою обнаружились тѣ же сомнѣнія, тѣ же пререканія, тѣ же придирки къ словамъ и превратное толкованіе предписанія вашего сіятельства, при коемъ препровождены вопросы.

«Профессоръ Балугіанскій требовалъ перемѣны въ журналѣ словъ, выражающихъ кратко смыслъ 2-го вопроса, предложеннаго мною въ первомъ засѣданіи, внесенныхъ въ общемъ сводѣ поданныхъ голосовъ въ заключеніе журнала, и объяснявшихъ самый вопросъ касательно выдачи актовъ Герману и Раупаху. Сему требованію уступлено было единственно для прекращенія преній, отвлекавшихъ отъ главной цѣли. Послѣ сего профессоръ Балугіанскій утверждалъ, что поданное имъ собственноручное мнѣніе, въ превратномъ смыслѣ записано въ журналѣ; и когда оное ему было предъявлено, оказалось, что онъ утверждалъ не правильно: тогда онъ сказалъ, что написавъ слово (professaient), онъ думалъ написать: (qui professeraient ou qui auraient professé) и объявилъ, что на журналъ прежнихъ засѣданій подастъ новое мнѣніе. Когда же требовалось его мнѣніе о поступкѣ Шармуа, то отрицаясь дать оное, присовокупилъ, что «*присутствіе университета превращается въ инквизицію*». Желая освободиться единожды навсегда отъ подобныхъ замѣчаній, я приказалъ было записать въ журналъ слова г. Балугіанскаго; и отложилъ опять по убѣжденію только г. директора, дѣйствовавшаго и въ семъ случаѣ по тѣмъ же побужденіямъ, съ какими дѣйствовалъ въ первомъ засѣданіи; а не потому, что г. Балугіанскій изъяснялъ латинское слово *inquisitio*, русскимъ: *изслѣдованіе*: ибо оно безъ всякаго сомнѣнія не въ

семъ смыслѣ сказано и по содержанію матеріи сказано быть не могло.

«За симъ долгомъ поставляю присовокупить, что секретарь конференціи, экстраординарный профессоръ Бутырскій, въ первое собраніе 3-го числа прислалъ записку, что по болѣзни явиться не можетъ, почему, по общему назначенію, должность секретаря поручена была экстраординарному профессору Плисову; когда же въ засѣданіи, 4-го числа, оказалось, что Плисовъ неблагонамѣренными покушеніями своими не заслуживаетъ должнаго къ секретарю довѣрія, тогда составленіе журналовъ поручено иному ординарному профессору Толмачеву, подъ непосредственнымъ руководствомъ директора университета, который и принялъ вслѣдствіе того на себя наблюденіе за правильностію редакціи журналовъ собранія и храненіе подлинныхъ актовъ, принадлежащихъ къ сему важнѣйшему дѣлу. Предосторожность сія оправдана послѣдствіями. Нѣтъ затрудненія, которое не было бы употреблено для затмѣнія истины; не оставлена ни одна прицѣпка, чтобъ остановить ходъ дѣла и показать неправильность онаго.

«Заключаю такимъ образомъ донесеніе мое о трехъ чрезвычайныхъ засѣданіяхъ университета. Журналъ и подлинные голоса служили основаніемъ оному. Духъ партій при семъ случаѣ обнаружился и дѣлается очевиднымъ по собственноручнымъ мнѣніямъ членовъ конференціи и по поступку профессоровъ

Шарнуа и Деманжа, изъ коихъ послѣдній прислалъ ко мнѣ и просьбу объ увольненіи его отъ занимаемой должности и званія, у сего въ оригиналѣ на усмотрѣніе вашего сіятельства подносимую.

«9-го и 10-го числа прислали ко мнѣ профессора: Плисовъ, Чижовъ, Соловьевъ, Грефе и Балугіанскій протесты противъ журнала 3-го ноября, которые не что̀ иное суть, какъ раскрытіе того плана, который обнаружился при самомъ началѣ сужденія объ отвѣтахъ профессоровъ Германа и Раупаха. Они основаны на игрѣ словъ, уверткахъ и изворотахъ, къ тому клонящихся: 1-е, чтобы доказать, что правительство несправедливо обвиняетъ сихъ профессоровъ, основавъ заключенія свои о ихъ вредныхъ и опасныхъ ученіяхъ на актахъ недостаточныхъ; 2-е чтобы привесть въ подозрѣніе рѣшеніе сего дѣла, послѣдовавшее по большинству голосовъ, усиливаясь доказать, будто бы все производство онаго имѣло противозаконное направленіе. Здѣсь не должно выпустить изъ виду и того, что, изъ числа протестующихъ, профессоры Балугіанскій и Плисовъ преподавали также въ университетѣ политическія науки, и тетради студентовъ, слушавшихъ у нихъ лекціи, находятся въ рукахъ правительства. Сверхъ того, г. Балугіанскій, бывшій ректоромъ, защищая обличаемыхъ преподавателей, защищаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и себя въ томъ, что такія опасныя и вредныя теоріи въ университетѣ преподавались и

терпимы были. Впрочемъ, истина въ самыхъ протестахъ сихъ является очевидною: ученія, признанныя правительствомъ вредными, и протестующіе признаютъ таковыми, не соглашаясь съ правительствомъ въ томъ только, что сіи ученія, по справедливости, не могутъ быть обвиняемымъ профессорамъ приписаны.

«При семъ случаѣ непремѣннымъ поставляю долгомъ убѣдительнѣйше просить ваше сіятельство объ обращеніи высокомонаршаго Государя Императора вниманія на полезную службу и ревностное содѣйствіе мнѣ, въ трудномъ дѣлѣ преобразованія здѣшняго университета, директора онаго и благороднаго при ономъ пансіона, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кавелина, по всей справедливости заслуживающаго признательность начальства и награду, назначеніе которой предоставляю усмотрѣнію вашего сіятельства. Вслѣдъ за симъ не премину представить равномѣрно и о другихъ чиновникахъ университета, заслуживающихъ поощреніе, какъ по своимъ способностямъ и знаніямъ, такъ и по нравственнымъ качествамъ и усердію къ общему благу, въ которыхъ, въ продолженіе шестимѣсячнаго управленія моего университетомъ, я имѣлъ неоднократные случаи удостовѣриться.»

Достаточно сличить донесеніе, выписанное нами, съ подлинными протоколами, о которыхъ читатель можетъ составить себѣ вполнѣ вѣрное понятіе по

запискамъ, напечатаннымъ въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей*, чтобы понять, какую роль игралъ Руничъ во всемъ этомъ дѣлѣ. Еще лучше можно убѣдиться въ неблаговидности этой роли, разсматривая лекціи профессоровъ, подвергшихся обвиненію. Мы не въ состояніи, конечно, перепечатать эти лекціи, но всякій, имѣвшій, подобно намъ, возможность видѣть ихъ, долженъ согласиться, что по большей части онѣ заключаютъ въ себѣ мысли, которыя въ настоящее время не поразили бы никого своею новизной или опаснымъ направленіемъ. Трудно повѣрить, чтобы профессоръ Германъ возбудилъ противъ себя гоненіе тѣмъ, что въ лекціяхъ статистики доказывалъ вредъ чрезмѣрнаго выпуска ассигнацій. Трудно повѣрить, что въ тѣхъ же самыхъ лекціяхъ фраза такого рода: «русскій крестьянинъ отличается нравственностью весьма хорошею и *бережливостью неизвѣстною народамъ, живущимъ подъ желѣзнымъ игомъ рабства*», подала поводъ обвинять его, будто бы этотъ намекъ о рабствѣ относилъ онъ именно къ русскому народу. Профессоръ исторіи, излагая крестовые походы, говорилъ: «наслѣдники дикихъ сѣверныхъ народовъ увидѣли образованность Константинопольскаго двора, увидѣли тамъ блестящую христіанскую церковь, но не видѣли спора между этою церковью и гражданскою властью. Они увидѣли въ Азіи, Африкѣ нравы и обычаи дикихъ наро-

въ Азіи, Африкѣ нравы и обычаи дикихъ народовъ. Словомъ, крестоносцы возвратились въ Европу гораздо болѣе просвѣщенными, нежели какъ они были при отправленіи въ Палестину.» Кто бы могъ предположить, что слова эти обратили на себя особое вниманіе Рунича и отмѣчены имъ, въ числѣ другихъ, красными чернилами? «Не слѣдуетъ думать, говорилъ Раупахъ, чтобы реформація была только дѣломъ Лютера или Кальвина; она была результатомъ общественнаго мнѣнія. Сіе общее мнѣніе было — со стороны народа, что разныя злоупотребленія вошли въ церковь, со стороны владѣющихъ государей, что надо постановить преграду папской власти.» Слова эти подведены были подъ тотъ пунктъ, въ которомъ профессоръ Раупахъ обвинялся въ неуваженіи къ религіи.

Характеръ дѣятельности, обнаруженный Руничемъ въ исторіи петербургскихъ профессоровъ, могъ служить достаточнымъ доказательствомъ, что Магницкій нашелъ въ немъ вѣрнаго себѣ сподвижника. Оба они шли неизмѣнно однимъ путемъ, слѣдовали одной программѣ, пока одновременно не обрушилась надъ ними кара за превышеніе власти и расхищеніе казеннаго имущества.

II.

Въ 1819 году, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, князь А. Н. Голицынъ, получивъ весьма неблагопріятныя извѣстія о положеніи дѣлъ въ Казанскомъ университетѣ, счелъ необходимымъ обратить на него особенное вниманіе. Съ высочайшаго разрѣшенія поручено было члену главнаго правленія училищъ, дѣйствительному статскому совѣтнику М. Л. Магницкому, осмотрѣть подробно это заведеніе. Во все время пребыванія своего въ Казани, Магницкому предоставлены были права попечителя учебнаго округа; университетскій совѣтъ обязанъ былъ удовлетворять безотлагательно всѣмъ его требованіямъ; сношеніямъ университета съ министромъ предназначено было происходить не иначе какъ чрезъ его посредство. Пользуясь досугомъ, Магницкій долженъ былъ осмотрѣть, по возможности, и нѣкоторыя училища Казанскаго округа.

Какого же рода инструкціи даны были Магницкому для исполненія возложенной на него задачи? Главнѣйшія изъ нихъ выражены были министромъ слѣдующимъ образомъ:

1. Нужно войдти по университету въ разсмотрѣніе учебной части, въ какомъ она состояніи, сколько находится учащихся, приноситъ ли съ своей стороны университетъ ту пользу, какую отъ учрежденія его ожидать должно было, и есть ли дѣйствительно надобность, чтобъ университетъ въ Казани существовалъ?

2. Относительно зданій университета также разсмотрѣть, достаточны ли оныя для его помѣщенія или нѣтъ, какихъ требуютъ исправленій или пристроекъ, какія изъ нихъ на первый разъ необходимо нужны, и всему тому представить вѣрные планы и счеты.

3. Нужно войдти внимательно въ хозяйственную часть, изслѣдовать, достаточна ли сумма на содержаніе его опредѣленная и т. п.

«Вы мнѣ представите, сказано было въ предписаніи министра Магницкому, свое мнѣніе обо всемъ, изъ коего должно открыться, можетъ ли Казанскій университетъ съ пользою существовать и впредь, а въ случаѣ, еслибъ университетъ долженствовалъ быть упраздненнымъ, то присовокупите предположеніе ваше, на какомъ основаніи должны быть

управляемы учебныя заведенія, къ округу казанскому причисленныя.»

Предписаніе, изъ котораго приведены эти строки, дано было 10 февраля 1819 года. Немедленно отправился Магницкій, находившійся тогда въ Симбирскѣ, въ Казань, а 9 апрѣля того же самаго года, по возвращеніи его въ Петербургъ, представлено было имъ подробное донесеніе о состояніи осмотрѣннаго имъ университета.

Ничто не можетъ быть мрачнѣе картины, нарисованной Магницкимъ! Учебная часть Казанскаго университета, по его словамъ, находилась въ крайнемъ упадкѣ: изъ числа 25 профессоровъ и адъюнктовъ не болѣе *пяти* пользовались уваженіемъ и имѣли вліятельный голосъ; всѣ остальные были люди «запутанные въ дѣлахъ и неблагонадежные;» они состояли или изъ иностранцевъ, не знавшихъ ни русскаго языка, ни русскихъ законовъ, или изъ молодыхъ русскихъ профессоровъ и адъюнктовъ, «добрыхъ и благонравныхъ, но воспитанныхъ, по большей части, весьма снисходительно тѣми самыми, кои дѣлали злоупотребленія, а потому голоса ихъ всегда подкрѣпляли зло по самому невинному побужденію почтенія и благодарности»; между старыми профессорами особенно дурною репутаціей пользовался профессоръ и вмѣстѣ съ тѣмъ директоръ Казанской гимназіи, Яковкинъ. «Запутанность его счетовъ, говорилъ Магницкій, проходила безъ за-

нѣчанія; безпорядокъ и самовольство хозяйственнаго управленія оставались безъ надлежащаго отчета; ученики гимназіи, недоученые, принимались, по его покровительству, въ студенты, безъ строгаго испытанія. Дѣти частныхъ людей, жившіе у него на пансіонѣ, допускались къ лекціямъ профессоровъ, подъ названіемъ слушателей, и не ходя на лекціи, а почислившись на оныхъ три года, получали или званіе студентовъ или аттестаты.» Между тѣмъ, вліяніе Яковкина было столь сильно, что, по словамъ Магницкаго, онъ *угнеталъ* университетъ. «Подобное состояніе совѣта, обратившагося въ посмѣяніе самихъ его членовъ, говорилось въ докладѣ, изъясняетъ всѣ замѣченныя министерствомъ безпорядки и неустройства лицъ и заведеній, сму подчиненныхъ.»

Магницкій нашелъ раздѣленіе наукъ на факультетахъ неправильнымъ и несообразнымъ съ уставомъ, а преподаваніе ихъ въ весьма жалкомъ состояніи. Каѳедры богословія не существовало вовсе. «Изъ справокъ по сему случаю, читаемъ въ отчетѣ, открылось, что еще въ 1814 г. покойный ректоръ Браунъ заявилъ совѣту о лжеумствованіи студентовъ и просилъ, для отвращенія онаго, открыть лекціи закона Божія. Совѣтъ представилъ о семъ попечителю, но не получилъ разрѣшенія. Потомъ въ 1818 году профессоръ Гарадчанниовъ входилъ съ подобнымъ же представленіемъ но опять безъ успѣха.»

Чтобы дать понятіе о представленной Магницкимъ характеристикѣ профессоровъ, приведемъ нѣкоторые изъ его отзывовъ собственными его словами: «Профессоръ философіи Срезневскій, воспитанникъ здѣшняго Педагогическаго института, слѣдуя системѣ Якоба *), руководствуется духомъ не весьма полезнымъ, и по счастію, преподаетъ лекціи такъ дурно, что ихъ никто не понимаетъ. Просидя въ классѣ его два часа, спросилъ я студентовъ, въ чемъ лекція того дня состояла, и ни одинъ не зналъ сего. Полагая, что присутствіе мое могло быть причиною сего страннаго разсѣянія, сдѣлалъ я нѣкоторые вопросы изъ исторіи философіи, которую они прежде слушали, но и въ томъ ни отъ кого изъ нихъ удовлетворительнаго отвѣта не получилъ. Нѣтъ ничего жалостнѣе преподаванія Россійскаго уголовнаго права профессоромъ Врангелемъ. Ни понятія о преподаваемомъ имъ предметѣ, ни познанія языка россійскаго, на которомъ преподаетъ, онъ не имѣетъ. Поучась въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ университетахъ, вступилъ онъ юнкеромъ въ коммиссію составленія законовъ и, переѣхавъ въ Казань, изъ юнкеровъ коммиссіи въ пять лѣтъ сдѣлался профессоромъ. Онъ зять г. Яковкина. Профессоръ дипломатики и политической экономіи Цеплинъ есть человѣкъ самый

*) Преподаваніе философіи по этой системѣ предписано было самимъ министерствомъ.

пустой и читаетъ лекціи политики, самой тщетной и почти не существующей науки. Профессоръ сельскаго домоводства и технологіи, Брейтенбахъ, преподаетъ лекціи *сихъ тщетныхъ наукъ* весьма недостаточно на нѣмецкомъ языкѣ. Профессоръ Ариндьдъ, человѣкъ не знающій латинскаго языка и не умѣющій доселѣ собрать остова тѣла человѣческаго, читаетъ лекціи хирургіи. Каѳедра профессора анатоміи, физіологіи и судебной медицины, вопреки всякому порядку и университетскому уставу, занята *студентомъ* Отсолигомъ, подъ руководствомъ декана факультета. Сей молодой человѣкъ можетъ быть хорошимъ ученикомъ, но не учителемъ.»

Мы сочли не лишнимъ привести эти отзывы, ибо нѣкоторые изъ нихъ представятъ много любопытнаго, когда сравнимъ ихъ съ позднѣйшими отзывами Магницкаго о тѣхъ же самыхъ лицахъ. Вообще въ его приговорахъ о профессорахъ, въ особенности, когда онъ судилъ о преподавателяхъ по ихъ направленію, противорѣчія встрѣчались на каждомъ шагу. Выразивъ, напримѣръ, какъ мы видѣли выше, весьма неблагосклонное сужденіе о профессорѣ Срезневскомъ, «руководствующемся духомъ не весьма полезнымъ и излагающемъ предметъ свой столь дурно, что никто его не понимаетъ», Магницкій говоритъ въ другомъ мѣстѣ отчета, что Срезневскій «обладаетъ хорошо русскимъ языкомъ, изъясняетъ съ дарованіемъ,» и что «не укроется онъ отъ вниманія на-

чальства, какъ самая пріятная надежда того, что обѣщаетъ въ будущемъ.»

Если преподаватели университета возбудили горькія нареканія Магницкаго, то нравственное направленіе студентовъ представляется имъ еще въ болѣе невыгодномъ свѣтѣ. «Признаюсь вашему сіятельству, говоритъ онъ въ докладѣ своемъ министру, что, не взирая на вопль ученыхъ и полуученыхъ цѣлой Европы противъ намѣренія основать зыблющійся храмъ наукъ на единомъ твердомъ краеугольномъ камени, я не постыдился спросить у студентовъ, наученныхъ профессоромъ философіи управляться *нравственнымъ закономъ* *), слыхали ли они что либо о законѣ Божіемъ, письменномъ и откровенномъ, и, къ величайшему удивленію, нашелъ, что многіе изъ нихъ не знаютъ числа заповѣдей; другіе отвѣчали мнѣ, что Богъ написалъ ихъ на двухъ, а не на трехъ скрижаляхъ, потому что такъ Ему было угодно; и несмотря на то что въ росписаніи наукъ занимаются они яко бы разборомъ Одиссеи, ни одинъ изъ тѣхъ, коихъ вопрошалъ я, не знаетъ что значитъ слово *Евангеліе*. Между тѣмъ какъ сочиненія Вольтера выбросилъ я изъ библіотеки, отобранной, для чтенія студентовъ, ихъ инспекторомъ.» На этотъ недостатокъ религіознаго образованія студентовъ съ

*) Намекъ на рѣчь, произнесенную профессоромъ философіи Срезневскимъ въ торжественномъ собраніи университета, о которой сейчасъ будемъ говорить подробнѣе.

особенною силою указывалъ Магницкій университетскому совѣту. «Какимъ образомъ, спрашивалъ онъ, могъ студентъ, не имѣющій достаточнаго понятія о заповѣдяхъ, быть студентомъ? Какимъ образомъ гг. экзаминаторы пропустили въ святилище наукъ людей, не знающихъ краткаго катехизиса? Развѣ забыли они, что почти вчера, не далеко отъ сего самаго университета, пылали домы и храмы столицы нашей, зажженные пламенниками такъ называемаго просвѣщенія? Развѣ забыли, что сей самый городъ недавно еще затѣсненъ былъ несчастными жертвами безбожія образованнѣйшаго народа? Время уже вникнуть въ цѣль правительства, которое хочетъ, и хочетъ непреоборимо, положить единымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія — *благочестіе.* Время стать на ряду съ просвѣщеннѣйшими народами, кои не стыдятся уже свѣта откровенія. Въ Парижѣ издается новый переводъ пророчествъ Исаіи; вся Англія учится оригинальному языку Библіи; Германія, благодаря Канту, пришедшему чрезъ лабиринтъ философіи къ преддверію храма вѣры, ищетъ мудрости въ одной Библіи,—и мы ли одни останемся полвѣкомъ назади? Начальство требуетъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ благочестивыхъ; ученость же безъ вѣры въ Бога откровеннаго не токмо не нужна ему, но и почитается имъ вредною.»

Съ негодованіемъ замѣчаетъ Магницкій, что «изъ людей, такъ образованныхъ, выпущено уже въ 15

губерній 43 учителя.» — «Происшедшій отъ сего вредъ, говоритъ онъ, весьма важенъ и, по моему мнѣнію, не скоро исправленъ быть можетъ.»

Экзамены поступающихъ въ университетъ отличались, по словамъ отчета, непростительнымъ послабленіемъ. Студентамъ приходилось пріобрѣтать самыя необходимыя, первоначальныя познанія, которыя усвоиваются обыкновенно въ низшихъ классахъ гимназій. «Вмѣсто сего неправильнаго доучиванія, говоритъ Магницкій, слѣдовало бы отвергать недоученныхъ, но тогда университетъ не имѣлъ бы студентовъ, а безъ студентовъ и профессоры не могли бы получать своихъ окладовъ, и университетъ не могъ бы сохранить того призрака существованія, который, съ сидящими на лекціяхъ учениками, подъ названіемъ студентовъ, могъ онъ имѣть доселѣ.» Но особенно вопіющими злоупотребленіями отличались экзамены вступающимъ на службу гражданскимъ чиновникамъ. Важная обязанность эта возложена была на комитетъ, состоявшій изъ профессоровъ: Яковкина (о которомъ упомянуто выше), Врангеля (женатаго на дочери Яковкина) и Бартельса, не знавшаго ни слова по русски. Испытанія, дѣлаемыя ими, происходили, по большей части, на дому, и вошли въ пословицу во всемъ округѣ. «Примѣрный въ семъ родѣ, самый злоупотребительный экзаменъ, говоритъ Магницкій, сдѣланъ былъ титулярному совѣтнику Ящерову, который, будучи по Симбирской

губерніи, за человѣка неученаго мнѣ лично извѣстенъ, дѣлалъ ошибки противъ русской грамматики, именно въ правописаніи, а получилъ аттестатъ въ знаніи краснорѣчія; разрѣшалъ задачи алгебры, вовсе ему неизвѣстныя, а на вопросы о правахъ и политической экономіи давалъ отвѣты, совершенно смысла не заключавшіе, и не умѣвъ пересказать даже того, что ему о сихъ отвѣтахъ сказывали. Злоупотребленіе сего экзамена извѣстно даже въ публикѣ казанской, но между тѣмъ г. Ящеровъ получилъ аттестатъ и по оному чинъ 8 класса.»

Въ доказательство, какимъ опаснымъ духомъ пропитано было преподаваніе въ университетѣ, представилъ Магницкій, на благоусмотрѣніе министра, рѣчь, подъ заглавіемъ: *Разсужденія о разныхъ системахъ нравоученія, сравненныхъ по ихъ началамъ*, которая произнесена была въ 1817 году (за два года до ревизіи) профессоромъ философіи Іосифомъ Срезневскимъ. Считаемъ не лишнимъ изложить здѣсь вкратцѣ ея содержаніе. Цѣль ея — опредѣлить истинную систему нравственности, которой долженъ человѣкъ слѣдовать въ своей жизни, а для этого, говоритъ авторъ, «надлежитъ разсмотрѣть разныя системы нравоученія и изслѣдовать начала, служащія для нихъ основаніемъ.» Сначала разсматривается система, названная въ рѣчи *системою воспитанія или обыкновенія*, основаніемъ которой «служитъ мысль, что дѣйствія наши сами по себѣ ни добры,

ни злы, и нѣтъ другаго различія между добродѣтелью и порокомъ, которое полагаетъ принятый какимъ-нибудь обществомъ людей образъ поведенія.» За симъ слѣдуетъ «*система гражданскаго постановленія*, слѣдуя которой, добромъ нравственнымъ называется то, что повелѣваютъ или, по крайней мѣрѣ, позволяютъ гражданскіе законы, а зломъ — что они запрещаютъ». Существуетъ, кромѣ того, продолжаетъ авторъ, «система *эвдемонизма или эгоизма*, въ которой признается добромъ то, что доставляетъ удовольствіе нашей чувствительности, и зломъ, что причиняетъ ей непріятность,» и, наконецъ, «*система нравственнаго оптимизма*, откуда выводится такое правило: старайся, сколько возможно, объ усовершенствованіи себя и своего состоянія; сохраненіе и образованіе всѣхъ твоихъ силъ для твоихъ цѣлей да будетъ первымъ твоимъ закономъ.» Всѣ эти системы считаетъ авторъ одинаково неудовлетворительными и не могущими внушить человѣку истинныхъ нравственныхъ правилъ для руководства въ жизни. Нравственное чувство, продолжаетъ онъ, должно основываться на внушеніяхъ разума. «Поелику разумъ есть источникъ нашихъ свободныхъ дѣйствій, то идея нравственнаго закона должна быть ему сродна, такъ что если онъ еще и не понимаетъ его точно, однакоже невольно съ нимъ соображается въ тѣхъ случаяхъ, когда умолкнетъ голосъ страстей. И какъ разумъ есть способность, дарованная намъ

самимъ Богомъ, вмѣсто руководителя на пути жизни сей, то нравственный законъ есть выраженіе святѣйшей воли Божіей, есть законъ божественный. И такъ, что̀ сообразно съ нравственнымъ закономъ, то должно составлять добродѣтель и все то будетъ порокъ, что оному противорѣчитъ. Что же повелѣваетъ и что запрещаетъ сей законъ? Какъ выразить главное его правило? Онъ есть законъ разума, слѣдовательно, долженъ быть одинъ для всѣхъ существъ разумныхъ; иначе разумъ въ разныхъ недѣлимыхъ самъ бы съ собою противорѣчилъ, что противно его природѣ. Отсюда выходитъ такое практичное правило: *Поступай такъ, какъ бы ты желалъ, чтобы всѣ нравственныя существа поступали.* Вотъ въ чемъ состоитъ вся сила нравственнаго закона.» Въ другомъ мѣстѣ авторъ поясняетъ такимъ образомъ свою мысль: «Цѣль нравоученія, показать истинное въ семъ мірѣ его предназначеніе, изъяснить его должности и представить надежныя къ исполненію оныхъ средства, дабы тѣмъ способствовать утвержденію нравственнаго и гражданскаго порядка, есть цѣль толико высокая, что выше ея на землѣ сей поставить ничего не можно. Но не научаетъ ли.... не влечетъ ли насъ къ сей цѣли сама природа? Положимъ, что чувственныя наши склонности не достойны быть ея въ семъ случаѣ орудіями. Но она дала намъ разумъ, который, чувствуя истину и предполагая высочайшаго виновника и блюстителя нрав-

ственнаго закона, тѣмъ самымъ уже обязываетъ насъ во всемъ оному повиноваться; дала свободу, которая дѣлаетъ насъ способными умѣрять свои страсти и располагать ими по правиламъ разсудка; дала совѣсть, которая удовольствіемъ награждаетъ насъ за исполненіе и раскаяніемъ наказываетъ за нарушеніе нашихъ обязанностей; наконецъ, вдохнула намъ стыдъ, сіе отвращеніе отъ всеобщаго презрѣнія, которому неминуемо подвергается пренебрегающій свою должность. *Неужели не довольно для насъ сихъ руководителей?*» Послѣднія слова, подчеркнутыя чернилами въ экземплярѣ, доставленномъ Магницкимъ, выражали, по мнѣнію его, основную мысль автора, и мысль весьма вредную для общества: ибо если нравственное чувство можетъ руководствоваться только внушеніями разсудка и врожденнымъ человѣку инстинктомъ, то къ чему же служитъ законъ откровенной религіи?

Обращаясь къ разсмотрѣнію хозяйственной части Казанскаго университета, Магницкій нашелъ ее болѣе чѣмъ въ неудовлетворительномъ состояніи. Правда, говоритъ онъ, наличныя суммы хранятся довольно порядочно; но злоупотребленія при заготовленіи и закупкѣ разныхъ потребностей для заведенія очевидны и прикрыты только соблюденіемъ извѣстныхъ формъ. Университетскіе дома, числомъ пять, пришли въ упадокъ, хотя и отпущена была при прежнихъ министрахъ значительная сумма для поддержанія ихъ

въ надлежащемъ видѣ. Учащіеся чрезмѣрно стѣснены въ помѣщеніи, и даже слушаютъ лекціи въ спальняхъ, между тѣмъ какъ чиновники университета живутъ весьма просторно. Полиція университета, внутренняя и внѣшняя, найдена въ безпорядкѣ и разстройствѣ. Библіотека, состоявшая изъ 17,500 томовъ, пожертвованныхъ княземъ Потемкинымъ и докторомъ Франкомъ, страдаетъ неполнотою и расположена неправильно. «Ничего не можетъ быть постыднѣе, говоритъ Магницкій, для публичнаго учебнаго заведенія, какъ то, что при Казанскомъ университетѣ называется анатомическимъ театромъ. Онъ есть изба, довольно неопрятная, съ русскою печью, въ которой стоитъ на столѣ ящикъ съ инструментами, и недалеко небольшой шкапъ съ набранными, какъ бы по случаю, человѣческими разныхъ частей костями, изъ коихъ нѣкоторыя объѣдены крысами. Есть только полный скелетъ четвероногаго пѣтуха и двухъ утокъ. Причиною того, что нѣтъ остатковъ человѣческихъ тѣлъ, мужескаго и женскаго, сказано мнѣ медико-хирургомъ, что три мужскія тѣла, два женскія, одинъ медвѣдь и лошадь размачиваются уже три года, въ особенномъ домѣ, который купленъ для сего городомъ.» Изъ двухъ типографій, находившихся при университетѣ, одна — русская — стоившая до 45 тыс. руб. сер., обременена была долгами и пришла въ совершенный упадокъ. Печатались въ ней мелкія сочиненія, которыя не приносили ровно ни-

какого дохода; въ особенности бѣдственно было состоянiе гимназiи, «столько обезславленной своимъ неустройствомъ, говоритъ Магницкiй, что жители казанскiе, дѣтей своихъ отдаютъ предпочтительно въ находящiйся въ этомъ городѣ частный пансiонъ.» Гимназiя эта находилась подъ управленiемъ профессора Яковкина, котораго Магницкiй поспѣшилъ немедленно удалить.

Вслѣдствiе произведеннаго имъ осмотра Казанскаго университета, Магницкiй пришелъ къ слѣдующему заключенiю:

1) Казанскiй университетъ, пользовавшiйся всѣми правами и преимуществами, ему присвоенными, и свято со стороны правительства сохраненными, нарушившiй съ своей стороны коренныя обязанности свои и тѣмъ, въ продолженiи нѣсколькихъ лѣтъ, разодравшiй грамоту ему дарованную условно (ибо утвержденъ совокупно съ нею и уставъ, обязанности его опредѣляющiй), злоупотребившiй сумму 2 милiона рублей *), причинившiй очевидный вредъ не только отъ себя непосредственно, но и въ обширномъ округѣ, — по непреложной справедливости и по всей строгости правъ, подлежитъ уничтоженiю.

2) Уничтоженiе сiе можетъ быть двухъ родовъ: a) въ видѣ прiостановленiя университета и b) въ видѣ публичнаго его разрушенiя.

*) Такая сумма, по разсчету, израсходована была на университетъ со времени его основанiя 5 ноября 1805 года.

Слѣдовало бы, говоритъ Магницкій, предпочесть послѣднее по такимъ причинамъ:

«Ежели пріостановить его, подъ видомъ недостатка профессоровъ или другихъ подобныхъ, то нѣтъ сомнѣнія, что истинное намѣреніе его уничтоженія не сокроется; ученые всей Европы, столь ожесточенные обличеніемъ вредныхъ послѣдствій нынѣшняго ихъ просвѣщенія, будутъ клеветать на правительство, приписывая единому дѣйствію власти то, что сдѣлано по самой строгой справедливости. Ежели же будетъ заявлено публично, что университетъ (который, впрочемъ, въ ряду государственныхъ установленій, по самому его уставу, не болѣе значитъ какъ коллегія) нарушилъ свои обязанности, что можно доказать статьями самаго его устава; злоупотребилъ права, ему дарованныя, и не принесъ ожидаемой отъ него, въ продолженіи 14 лѣтъ, пользы, что все можетъ быть доказано математически, тогда пусть всѣ возможные университеты судятъ приговоръ сей. Все честное и благомыслящее изъ современниковъ и потомства будетъ на сторонѣ правительства. Актъ объ уничтоженіи университета тѣмъ естественнѣе покажется нынѣ, что безъ всякаго сомнѣнія всѣ правительства обратятъ особенное вниманіе на общую систему ихъ учебнаго просвѣщенія, которое, сбросивъ скромное покрывало философіи, стоитъ уже посреди Европы съ поднятымъ кинжаломъ!»

Магницкій совѣтовалъ закрыть университетъ и «раз-

мѣстить приличнымъ образомъ то малое количество достойныхъ его чиновниковъ», которымъ онъ приложилъ списокъ. «Вмѣсто университета, говоритъ онъ, можно было бы, въ главномъ изъ его зданій, помѣстить гимназію, которая, сохраняя, какъ то было до университета, названіе императорской, получила бы новое, обширнѣйшее и лучшее образованіе. Какъ гимназію, такъ и пансіонъ при ней, слѣдуетъ поручить надежному и благочестивому чиновнику, который безотлучно находился бы при нихъ. Преподаваніе закона Божія, то-есть той части священной исторіи, богословія догматическаго и нравственнаго и археологіи, которая нужна каждому человѣку, какого бы состоянія онъ ни былъ, поручить, по выбору преосвященнаго, кому либо изъ отличнѣйшихъ духовныхъ особъ. Къ управленію гимназіи присоединить можно центральное татарское училище, которое управляло бы прочими и образовало для нихъ учителей; но вмѣстѣ, будучи подъ вліяніемъ христіанскаго управленія, безъ малѣйшаго вида стѣсненія совѣсти магометанъ, подавало бы способъ, съ нужною осторожностью, дѣйствовать къ неприлѣтному и постепенному ихъ отклоненію отъ Алкорана».

Наконецъ, Магницкій предлагалъ устроить изъ суммы, отпускаемой до тѣхъ поръ на содержаніе университета, большой *медико-хирургическій институтъ* со всѣми къ нему принадлежностями, какъ-то

анатомическимъ театромъ, клиническими медицинскою и хирургическою больницами и скотоврачебнымъ отдѣленіемъ.

Съ цѣлью сдѣлать болѣе нагляднымъ результатъ произведеннаго имъ обозрѣнія Казанскаго университета, Магницкій изобразилъ его въ слѣдующей таблицѣ:

Краткое представленіе отчета по обозрѣнію Казанскаго университета.

«*Учебная часть*. Изъ 25 профессоровъ, его составляющихъ, не можно выбрать одной трети.

«Академическій кругъ не полонъ и въ безпорядкѣ, многія лекціи выдуманы, другія двойныя, для размѣщенія на жалованныхъ профессоровъ и адъюнктовъ.

«Ни профессоры, ни студенты на лекціи не ходятъ исправно.

«Метода преподаванія самая дурная и давно вездѣ оставленная.

«*Хозяйственная часть*. Въ совершенномъ безпорядкѣ. Большія суммы растрачены, въ противность общимъ и частнымъ университетскимъ постановленіямъ, безъ торговъ и подрядовъ. Университетъ покупаетъ дрова возами на площади, а свѣчи въ лавочкѣ.

«Матеріалы для строеній были закупаемы также.

«Безпорядокъ неслыханный и даже въ самомъ маломъ частномъ хозяйствѣ нестерпимый.

«*Нравственная часть*. Студенты не знают заповѣдей; а научась въ классѣ философіи что есть какой-то *нравственный законъ*, по системѣ Якоба, руководствуются симъ закономъ, безъ всякаго надзора, ибо инспекторъ и числа ихъ не знаетъ; получаютъ деньги на свое содержаніе и одежду и живутъ въ университетѣ, какъ въ нѣкоторомъ родѣ постоялаго двора. Выходятъ по произволу; а недавно былъ примѣръ, что и возвращаются безъ одного глаза.

«*Библіотека* порядочная, ибо составлена изъ книгъ князя Потемкина и доктора Франка, но не разобрана какъ должно.

«*Кабинетъ естественной исторіи*. Случайно небранный и для лекцій недостаточный.

«*Физическій* — тоже.

«*Анатомическій*. Нѣтъ остова человѣческаго и есть пѣтуха и двухъ утокъ.

«*Ботаническій садъ*. Только по издержкамъ на него существуетъ, а въ самомъ дѣлѣ состоитъ изъ двухъ теплицъ, самыми простыми растеніями наполненныхъ.

«*Лабораторія* самая недостаточная.

«*Институтъ педагогическій* существуетъ на бумагѣ.

«*Хирургическій* — тоже.

«*Повивальный* — тоже.

«*Обсерваторія*. Шалашъ, надстроенный на каменномъ погребѣ, въ которомъ есть нѣкоторые хорошіе инструменты.

«*Типографіи.* Татарская въ довольно хорошемъ положеніи; но доходъ разхищенъ и правительство для распространенія Алкорана издерживаетъ около двухъ тысячъ.

«Русская въ самомъ дурномъ положеніи и за 55 тысячъ рублей, которыхъ стоила, напечатала 77 мелкихъ сочиненій, въ которыхъ 9 заслуживаютъ вниманія, и нѣкоторыя и противны религіи.

«*Заключеніе.* Университетъ, находясь въ самомъ разстроенномъ положеніи, въ 14-й годъ его учрежденія, пользы не принесъ никакой, денегъ издержалъ 2 милліона рублей и вредъ въ обширномъ управленіи своемъ произвелъ не малый.

«*Въ какомъ положеніи казанская гимназія.* По всѣмъ частямъ управленія въ такомъ же какъ университетъ. Садовникъ учитъ по французски.

«Ученикъ 16-ти лѣтъ не знаетъ наизусть символа вѣры; а хозяйственная еще хуже и безпорядочнѣе нежели въ университетѣ.»

Магницкому сообщена была, во время его пребыванія въ Казани, краткая историческая записка о тамошнемъ университетѣ: онъ испестрилъ ее своими замѣтками, и мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ нѣкоторыми изъ нихъ, ибо замѣтки эти достаточно показываютъ, какъ враждебно относился Магницкій къ самому существованію этого заведенія:

Выдержки изъ записки.	*Замѣчанія Магницкаго.*
«Въ 1805 году, для удобнѣйшаго расположенія университета, пріобрѣтены три дома и пространное мѣсто.	«Нѣтъ еще ни профессоровъ, ни достаточнаго числа слушателей, а покупаются уже три дома!
«Въ 1806 году положено основаніе Общества Любителей Отечественной Словесности.	«Общество и доселѣ совершенно пустое!
«Въ 1807 году опредѣлены въ университетъ два профессора и два учителя изящныхъ искуствъ, а слушателей поступило 28 человѣкъ.	«Черезъ два года два профессора прибавились, а полнаго университета еще нѣтъ.
«Университетъ имѣлъ въ этомъ году первое публичное засѣданіе въ которомъ говорены были на латинскомъ и россійскомъ языкахъ рѣчи.	«Не взирая на то, что нѣтъ университета, есть уже и публичныя собранія и рѣчи!
«Въ новозаведенной университетской типографіи напечатана первая книга: *Татарская грамматика.*	«Вотъ произведеніе университета въ четыре года (то-есть въ первые четыре года его существованія).
«Въ 1812 году профессоръ Эрдманъ изслѣдовалъ открытые близь города Тетюшъ цѣлительныя воды, а магистръ Дуваевъ отправленъ былъ въ Оренбургскую губернію для изслѣдованія и описанія натра, покрывающаго значительное пространство земли.	«Самое пустое порученіе.
«Въ 1816 году учрежденъ комитетъ для составленія ученыхъ записокъ, въ который и поступило значительное число оныхъ.	«Который доселѣ ничего еще не сдѣлалъ, кромѣ сбора весьма маловажныхъ записокъ, отъ разныхъ чиновниковъ изъ округа получаемыхъ.»

Въ такомъ родѣ были всѣ замѣчанія Магницкаго. Министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ препроводилъ докладъ о Казанскомъ универ-

ситетѣ для разсмотрѣнія его въ главномъ управленіи училищъ. Не можемъ не выписать здѣсь вполнѣ слѣдующее *мнѣніе*, представленное по этому поводу тогдашнимъ попечителемъ с.-петербургскаго округа, С. С. Уваровымъ.

«Дѣло о будущей судьбѣ Казанскаго университета выходитъ изъ предѣловъ обыкновенныхъ нашихъ разсужденій. Доселѣ министерство просвѣщенія, руководствуясь духомъ августѣйшаго покровителя наукъ, занималось основаніемъ и усовершенствованіемъ высшихъ училищъ и распространеніемъ всѣхъ способовъ ученія. Нынѣ мы разсуждаемъ объ уничтоженіи одного изъ Россійскихъ университетовъ, съ толикимъ трудомъ сооруженныхъ; я надѣюсь, что разсужденіе сіе будетъ первое и послѣднее сего рода.

«Во всякомъ случаѣ, если правительство съ величайшею осмотрительностью приступаетъ къ изслѣдованію обвиненій, падающихъ на одно лицо, и не прежде произноситъ строгій приговоръ винѣ его, какъ по совершенному удостовѣренію въ оной, то кольми паче должно оно быть осторожно въ рѣшительныхъ мѣрахъ, принимаемыхъ относительно цѣлаго государственнаго сословія, назначаемаго, предъ лицомъ отечества, къ *политической смерти*.

«Донесеніе г. д. с. с. Магницкаго къ г. министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія содержитъ два предмета: наблюденія по хозяйственной и наблюденія по ученой части. Неустройства по хозяй-

ственной или, лучше сказать, по правительственной части Казанскаго университета давно обращали на себя вниманіе министерства, но нельзя не отдать справедливости ясному изложенію оныхъ въ вышеупомянутомъ донесеніи. Нельзя также не одобрить совершенно, предполагая, что сіе сдѣлалось по силѣ данной инструкціи, удаленіе профессора Яковкина, съ давнихъ лѣтъ угнетавшаго университетъ и въ конецъ раззорившаго гимназію. Сей мѣры давно желали всѣ благомыслящіе.

«Разсуждая о дѣлѣ государственномъ въ сословіи, учрежденномъ отъ лица правительства, прилично отдѣлять все, что принадлежитъ къ собственному образу мыслей и къ частной теоріи каждаго. Вслѣдствіе чего я постараюсь изслѣдовать лишь одну мѣру, намъ предлагаемую, ибо въ заключеніи г. д. с. с. Магницкаго о будущей участи Казанскаго университета содержится все то, что подлежитъ нашему разсужденію; все прочее есть личная собственность наблюдателя, и какъ каждая другая собственность — неприкосновенна.

«Я не принимаю на себя сказать рѣшительно, какъ членъ сего правленія, слѣдуетъ ли уничтожить или нѣтъ Казанскій университетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сей способъ исправленія есть легчайшій, но каждый членъ главнаго правленія училищъ почувствуетъ, конечно, горесть при одной мысли о необходимости таковаго разрушенія, и съ прискор-

біемъ рѣшится подписать смертный приговоръ государственнаго установленія, занимающаго не последнее мѣсто въ возникающей системѣ нашего народнаго просвѣщенія.

«Но если надобно подписать сей смертный приговоръ, если действительно нѣтъ никакой возможности исправить Казанскій университетъ, то тогда, я смѣю сказать, слѣдуетъ произнести сей приговоръ не по формѣ, предлагаемой въ вышеупомянутомъ донесеніи, еще менѣе на основаніи обвиненій въ ономъ изложенныхъ.

«Вотъ собственныя слова г. члена главнаго правленія училищъ: (слѣдуетъ уже приведенная нами выписка изъ доклада Магницкаго, въ которой доказывается необходимость закрыть университетъ.)

«Если обвиненія справедливы, если по истинѣ Казанскій университетъ, разодравъ грамоту, ему дарованную, злоупотребилъ два милліона рублей, если особливо онъ нанесъ очевидный вредъ не только себѣ, но и цѣлому округу, распространеніемъ опаснѣйшихъ началъ, то Казанскій университетъ дѣлается *государственнымъ преступникомъ*, и я удерживаюсь отъ дальнѣйшихъ заключеній. Но успокоимся! Университетъ не что иное какъ многочисленное сословіе, составленное изъ людей, другъ отъ друга не зависящихъ, различествующихъ между собою мнѣніями, правилами, вѣрою и отчизною. Надобно доказать умышленный *заговоръ* между всѣми

членами онаго, чтобы запечатлѣть его клеймомъ безчестія. Оттого что онъ не выполнилъ надежды правительства, оттого что онъ можетъ-быть оказался *безполезнымъ*, не слѣдуетъ, называя его *вреднымъ*, искать въ немъ школу деизма и безнравственности. Обвиненія, объемлющія цѣлыя страны, равно ничтожны по своему пространству, коль скоро нельзя доказать существованіе умышленнаго заговора, въ коемъ участвовали цѣлыя сословія или цѣлые народы.

«Но если противъ приличія и противъ соразмѣрности тяжущихся сторонъ, правительство вдругъ предстало бы предъ лицомъ Европы въ видѣ обвинителя Казанскаго университета, и еслибы, по силѣ того же предположенія и по закону естественнаго правосудія, дано было бы право защиты Казанскому университету, то неужели взявшій на себя сей трудъ не могъ бы найдти въ мѣрахъ правительства относительно Казанскаго университета какихъ-либо недостатковъ? Не въ самыхъ ли мѣрахъ при учрежденіи онаго, не въ самомъ ли образѣ учрежденія находится зародышъ зла? Все ли было тщательно обдумано? Вниманіе правителей было ли неослабно обращено на благосостояніе университета? Однимъ словомъ, можно ли упрекнуть небрежно вспаханную бразду въ томъ, что погибли сѣмена, неосторожною рукою по ней разбросанныя?

«Остановимся на сей точкѣ. Казанскій универси-

теть, въ настоящемъ его видѣ, принесъ доселѣ весьма мало пользы и во многихъ отношеніяхъ требуетъ исправленія, но торжественно признать его вреднымъ (и вреднымъ въ смыслѣ донесенія) есть, по моему убѣжденію, нарушеніе всякой справедливости, ибо нѣтъ, я смѣю сказать, никакой соразмѣрности между доводами и заключеніями. Должны ли мы судить о духѣ цѣлаго университета по *одной рѣчи*, въ которой *одна фраза* подчеркнута, тогда какъ самъ г. ревизоръ, въ предложеніи, данномъ совѣту Казанскаго университета, поставляетъ сего же самаго профессора въ число тѣхъ, кои подаютъ высшему начальству «самую пріятную надежду того, что обѣщаетъ на будущее время?»

«То же самое относится къ 43 учителямъ, коихъ г. ревизоръ представляетъ якобы изъ опаснаго числа людей, въ которыхъ полуученость довершается невѣріемъ и самымъ глубокимъ невѣжествомъ въ законѣ Божіемъ. Такъ какъ г. ревизоръ не успѣлъ, конечно, въ весьма короткое время пребыванія своего въ Казани узнать 43 человѣка, разсѣянныхъ по 15 губерніямъ, то можно надѣяться, что строгость сего приговора смягчается, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ нѣкоторымъ.

«Я согласенъ съ тѣмъ, что если слѣдуетъ приступить къ уничтоженію Казанскаго университета, то надобно сіе сдѣлать открыто и безъ всякаго двоесмыслія, ибо правительство, ополчившись на

дѣло великое и благое, можетъ ли дорожить воплемъ журналистовъ? Въ такомъ случаѣ, г. ревизоръ думаетъ, что «ученые всей Европы, столь ожесточенные обличеніемъ вредныхъ послѣдствій мнимаго ихъ просвѣщенія, будутъ клеветать правительство.» Опять обвиненія, падающія на цѣлую массу! Но ученые *всей* Европы не имѣютъ, къ счастію, никакой нужды въ моемъ оправданіи. Однакоже, я смѣю сказать, что еслибы великодушный учредитель Казанскаго университета рѣшился, по уваженію предполагаемой необходимости, нанести ему смертный ударъ, и если какой-либо голосъ обвиненія поднялся бы въ Европѣ насчетъ правительства, то мы имѣемъ на сіе отвѣтъ рѣшительный, неоспоримое и торжественное оправданіе: *учрежденіе С.-Петербургскаго университета* *), довольно ясно знаменующее, что въ глазахъ вѣнценосцаго друга наукъ и человѣчества, пріобыкшаго не увлекаться крикомъ раздраженныхъ страстей, «общая система учебнаго просвѣщенія, сбросивъ скромное покрывало философіи, *не* стоитъ посреди Европы съ подъятымъ кинжаломъ.»

«Симъ оканчиваю на сей разъ мои замѣчанія. Я не имѣю въ виду убѣдить другихъ, ибо въ дѣлахъ столь сложныхъ и необыкновенныхъ довольно того,

*) Указъ объ учрежденіи университета въ С.-Петербургѣ состоялся 8-го февраля 1819 г.

чтобы спасти *свою* совѣсть и *свой собственный* разсудокъ. Я надѣюсь, впрочемъ, что почтенный предсѣдатель сего сословія, равно какъ и члены онаго, узнаютъ въ семъ безпристрастномъ и сколь можно умѣренномъ изложеніи моихъ мыслей, чистое чувство обязанностей, равно на насъ возложенныхъ.»

Существуетъ полное основаніе думать, что странная мысль Магницкаго объ уничтоженіи Казанскаго университета не встрѣтила, ни съ какой стороны, ни малѣйшаго сочувствія. Еслибы главному управленію училищъ выпало на долю обсуждать эту мѣру, то приговоръ его не могъ быть сомнителенъ. Къ счастію уже прежде, рѣшеніемъ Высочайшей власти, мѣра эта была отстранена окончательно: университетъ долженъ былъ продолжать свое существованіе, и главному управленію предстояло только придумать средства для устраненія злоупотребленій, указанныхъ въ донесеніи Магницкаго. Вообще позднѣйшій ходъ этого дѣла изложенъ слѣдующимъ образомъ въ постановленіи о преобразованіи Казанскаго университета:

«Г. министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія входилъ по поводу отчета д. с. с. Магницкаго со всеподданнѣйшимъ докладомъ *), и его ни-

*) Упоминаемый здѣсь докладъ министра, князя А. Н. Голицына, оканчивался слѣдующими словами: «О таковомъ отчетѣ въ обозрѣніи Казанскаго университета представляя вашему императорскому величеству, предварительно осмѣливаюсь испросить вашего разрѣшенія,

ператорскому величеству благоугодно было Высочайше повелѣть: 1) Для поддержанія Казанскаго университета въ существованіи его, немедленно принять надлежащія мѣры къ приведенію всѣхъ частей онаго въ должный порядокъ. Сіе начать тѣмъ, чтобы при университетѣ оставить только тѣхъ изъ профессоровъ, кои заслужили одобреніе по свидѣтельству при обозрѣніи бывшему, и изъ нихъ составить по способностямъ факультеты, хотя и не полные, но сколько возможность позволитъ, такъ какъ бы сей университетъ вновь устраивался. Прочихъ же профессоровъ, которые при обозрѣніи найдены не нужными, уволить отъ занимаемыхъ ими должностей. 2) За симъ, для пополненія факультетовъ, отыскать способныхъ профессоровъ въ другихъ учебныхъ округахъ, дабы предпочтительно были опредѣляемы изъ Русскихъ, а въ случаѣ недостатка, выписывать и изъ чужихъ краевъ, но только не иначе какъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ о нравственности ихъ. 3) Все сіе предложить на разсужденіе главному правленію училищъ.

изволите ли по всѣмъ изъясненнымъ здѣсь обстоятельствамъ находить нужнымъ, чтобъ университетъ существовалъ и былъ исправляемъ или уничтоженъ со всѣмъ, какъ заведеніе, стоящее только большаго иждивенія и не приносящее никакой пользы, которое со всѣмъ тѣмъ слѣдуетъ преобразовать во всѣхъ отношеніяхъ. Разрѣшеніе таковое вашего величества нужно необходимо нынѣ, дабы въ томъ и другомъ случаѣ можно было принять надлежащія мѣры при исправленіяхъ, какія послѣ упомянутаго обозрѣнія слѣдуетъ сдѣлать. Въ случаѣ уничтоженія онаго можно возвысить и улучшить состояніе Казанской гимназіи, присовокупя къ оной медико-хирургическое училище и классъ Татарскаго языка.»

«Вслѣдствіе сего Высочайшаго повелѣнія, главное правленіе училищъ, имѣвъ по отчету д. с. с. Магницкаго обсужденіе, учинило слѣдующія предположенія: 1) Ввести при Казанскомъ университетѣ преподаваніе богопознанія и христіанскаго ученія (которое съ самаго начала въ предметы университетскихъ преподаваній не было введено), опредѣливъ для сего наставника изъ духовныхъ. 2) Нѣкоторыхъ профессоровъ совершенно уволить отъ занимаемыхъ ими должностей, другихъ перевести на такія каѳедры, которыя болѣе соотвѣтствуютъ ихъ способностямъ. 3) Для экономической, полицейской и нравственной части опредѣлить при университетѣ особаго чиновника, подъ наименованіемъ директора, подобно тому какъ назначено сіе при С.-Петербургскомъ университетѣ. 4) Попечителю предоставить заняться составленіемъ проекта лучшаго образованія гимназіи, которая заключала бы собою и нынѣшнюю императорскую гимназію и главное народное училище.»

Такъ окончилась несчастная исторія Казанскаго университета. Въ 1819 году 14-го іюня утверждены были всѣ, приведенныя нами сейчасъ, постановленія главнаго правленія училищъ, и какъ бы въ дополненіе къ нимъ состоялась многозначительная мѣра: 8-го іюня того же самаго года, назначенъ былъ Магницкій, по представленію министра кн. Голицына, попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа.

III.

Крутой переворотъ насталъ для Казанскаго университета со времени назначенія Магницкаго въ должность попечителя. Ревизія этого заведенія въ 1819 г. обнаружила существованіе многихъ злоупотребленій, происходившихъ отъ упущенія по хозяйственной части, отъ низкаго уровня научныхъ знаній, отъ невыполненія нѣкоторыми профессорами лежавшихъ на нихъ обязанностей: необходимо было устранить указанные недостатки, но, приступая къ выполненію этой задачи, Магницкій понялъ ее весьма оригинальнымъ образомъ. По его мнѣнію, всѣ злоупотребленія Казанскаго университета имѣли одну причину — духъ вольнодумства и *лжемудрія*, проникнувшій въ его стѣны; онъ хотѣлъ явиться основателемъ совершенно новой системы образованія и доказывалъ, что лишь только система эта введена будетъ въ силу, какъ уничтожатся всѣ печальныя

явленія прежняго времени. Тему эту развивали безпрерывно и самъ Магницкій, и его приверженцы. Недостатки существовавшаго до 1819 г. устройства, говорили они, заключались въ ложномъ духѣ преподаванія, вслѣдствіе чего «высшее учебное сословіе уподоблялось кораблю безъ кормила, *влающемуся всяким вѣтромъ ученія.*» Университетъ, по ихъ словамъ, погибалъ, когда усилія Магницкаго «вызвали его изъ небытія къ бытію, изъ неустройства къ новому порядку; возсіялъ надъ нимъ свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка грядущаго въ міръ, возсіялъ надъ нимъ свѣтъ Христовъ, и тьма удалилась съ обманчивыми своими огнями.» *) «Будучи очевиднымъ свидѣтелемъ, говорилъ новый ректоръ университета, Никольскій, всѣхъ происшествій въ университетѣ почти отъ самаго его начала до сего времени, скажу откровенно, что дымъ кладезя бездны и надменныя волны лжемудрія, отъ которыхъ всѣ вещи двинулись съ мѣстъ своихъ, коснулись и нашего университета. А потому ни мало не удивительно, что онъ такъ скоро и такъ преждевременно состарѣлся и готовъ былъ умереть двоякою смертью, политическою и нравственною. Ему надлежало выпить полную чашу горести, правосудіемъ поднесенную, до самаго дна. Отъ Господа бысть

---

*) Отчетъ о состояніи учебномъ Казанскаго университета и его округа за 1820 и 1821 акад. годъ. *Казанскій Вѣстникъ*, кн. I.

сіе. Но университетъ счастливымъ почесть себя долженъ, что Господь наказуя наказалъ его, смерти же не предалъ.» *) Новыя судьбы ожидали, по словамъ оратора, это заведеніе, когда управленіе имъ перешло въ руки «истиннаго сына церкви и отечества.»

О характерѣ той системы, которой намѣревался слѣдовать Магницкій, можно составить себѣ понятіе по нѣкоторымъ правительственнымъ распоряженіямъ, которыя совпадали съ назначеніемъ его попечителемъ. При Казанскомъ университетѣ учреждена была особая должность директора, долженствовавшаго надзирать за хозяйственнымъ и полицейскимъ управленіемъ и нравственнымъ образованіемъ воспитанниковъ. Инструкціи, данныя этому чиновнику, точно также какъ и ректору университета, составленіе которыхъ поручено было Магницкому, представляютъ много любопытнаго.

«Душа воспитанія и первая добродѣтель гражданина есть покорность,» читаемъ мы въ этихъ инструкціяхъ, «посему послушаніе есть важнѣйшая добродѣтель юноши. Въ молодости только упражненіемъ покорности получаетъ воля ту мягкость, которая на всю жизнь остается, и для благосостоянія общественнаго столь необходима. Посему обязанность ди-

*) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи университета 1821 года 17-го января ректоромъ Никольскимъ. *Р.*

ректора есть непремѣнно наблюдать, чтобы уроки религіи о любви и покорности были исполняемы на самомъ дѣлѣ, чтобы воспитанники университета постоянно видѣли вокругъ себя примѣры строжайшаго чинопочитанія со стороны учителей и надзирателей, и чтобы малѣйшее нарушеніе онаго всегда было наказываемо, не взирая на званіе лицъ. Но такъ какъ одна религія связываетъ обязанности съ волею и досягая въ совѣсть, покоряетъ страсть, смиряетъ строптивость самолюбія, и между тѣмъ, какъ законы внѣшняго порядка предписываютъ покоряться властямъ, заставляетъ исполнять сіе не изъ одного страха, но изъ любви: то директоръ обязанъ главнѣйше наблюдать, подъ строжайшею личною отвѣтственностью, и всѣми способами власти ему даруемой, чтобы воспитанникамъ университета внушаемо было почтеніе и любовь къ святому евангельскому ученію. Для сего обязанъ онъ наблюдать: a) чтобы духъ вольнодумства ни открыто, ни скрытно не могъ ослаблять ученія Церкви въ преподаваніи наукъ философскихъ, историческихъ или литературы; b) чтобы ни подъ какимъ видомъ не распространяемы были въ университетѣ вредныя, либо соблазнительныя чтенія и бесѣды; c) чтобы студенты, отличающіеся христіанскими добродѣтелями, были предпочитаемы всѣмъ прочимъ; начальство университета пріемлетъ ихъ подъ особенное покровительство по службѣ и доставитъ имъ всѣ возможныя по оной преимуще-

ства; d) впрочемъ, какіе бы успѣхи ни оказывали воспитанники въ наукахъ, медали, отличившимся назначаемыя, не могутъ быть даны, ежели директоръ университета не одобряетъ ихъ поведенія; e) за симъ директоръ обратитъ особенное вниманіе на предупрежденіе всѣхъ тѣхъ пороковъ, коимъ подвергается юношество въ публичномъ воспитаніи, гдѣ вредные навыки дѣтства, сила страстей и дурныхъ примѣровъ сильно дѣйствуетъ на воображеніе и столь гибельныя производитъ послѣдствія. Выборъ честныхъ и богобоязливыхъ надзирателей, которые бы жили и постоянно находились въ комнатахъ студентовъ, недопускъ къ нимъ постороннихъ посѣтителей и гостей, надзоръ за увольненіемъ ихъ къ людямъ надежнымъ, сообщеніе съ полиціей для узнанія поведенія ихъ внѣ университета, запрещеніе вредныхъ чтеній и разговоровъ, суть способы къ огражденію нравственной ихъ чистоты, кои представляются директору подъ личною отвѣтственностью за доброе поведеніе и нравы университетскихъ воспитанниковъ.»

За тѣмъ слѣдуютъ предписанія касательно надзирателей и профессоровъ, которые должны всѣми своими дѣйствіями служить благотворнымъ примѣромъ для студентовъ.

Весьма любопытно все, что говорится въ инструкціяхъ о преподаваніи наукъ въ Казанскомъ университетѣ. «Всего важнѣе для правительства, читаемъ

мы, чтобы воспитаніе всего народа стояло на твердомъ основаніи христіанской религіи, чтобы вредный духъ времени, всеразрушающій духъ вольнодумства не проникнулъ въ тѣ священныя убѣжища, гдѣ воспитаніемъ настоящаго юношества обезпечиться должно счастіе будущихъ поколѣній. Слѣдовательно, университетъ не долженъ терять изъ виду, что самое существованіе его почитается нужнымъ единственно на семъ условіи.» Ученіемъ, собственно въ видахъ правительства, говорятъ инструкціи, называются пріобрѣтеніе познаній, для жизни въ обществѣ нужныхъ: «посему въ преподаваніи всѣхъ наукъ въ университетѣ долженъ быть одинъ духъ Св. Евангелія, ибо одинъ онъ есть начало всѣхъ частныхъ и гражданскихъ добродѣтелей, которыя во всякомъ другомъ духѣ суть токмо притворство гордости и своекорыстія. Крайне опасно было бы для университета, еслибы студенты, изученные Закону Божію въ классѣ онаго, услышали въ другихъ преступныя внушенія вольнодумства, скрывающагося нынѣ подъ столь разнообразными видами.» Согласно этимъ основнымъ правиламъ, излагается въ инструкціяхъ программа преподаванія главнѣйшихъ наукъ. Профессоръ *философіи* обязанъ излагать въ началѣ логику, — науку, которую Сократъ называлъ, «повиваніемъ разума,» но не вдаваясь при этомъ ни въ какія подробности, ибо логика «есть болѣе самое упражненіе нашихъ способностей, нежели наука, а

потому начала ея должны быть малочислены, кратки и ясны.» Затѣмъ приступлено будетъ къ историческому раскрытію системъ главнѣйшихъ философовъ, «указывая на жизнь ихъ въ томъ намѣреніи, чтобы слушатели, при самомъ изложеніи ученій разума, привыкли видѣть разницу между мудростію земною и небесною. Для избѣжанія же того смѣшенія идей, которое столь часто замѣчается въ воспитаніи, отъ несоображенія въ совокупности разныхъ философическихъ системъ, профессоръ обязанъ привести ихъ къ одному началу и показать, что условная система, служащая предметомъ умозрительной философіи, могла замѣнить истину христіанства до пришествія Спасителя міра; нынѣ же въ воспитаніи допускается, какъ полезное токмо упражненіе разума, для изощренія силъ его къ принятію прочихъ наукъ человѣческихъ, на философическихъ началахъ основанныхъ. Слушатели должны удостовѣриться, что все то, что не согласно съ разумомъ Священнаго Писанія, есть заблужденіе и ложь, и безъ всякой пощады должно быть отвергаемо; что тѣ только теоріи философскія основательны и справедливы, кои могутъ быть соглашаемы съ ученіемъ евангельскимъ: ибо истина едина, а безчисленны заблужденія.» Инструкція предлагаетъ начертать золотыми буквами тѣ изрѣченія изъ посланій апостольскихъ, которыя гласятъ о ненадежности человѣческихъ умствованій: «Блюдитеся, да никто же васъ будетъ прельщая фи-

лософіею и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христѣ (Колос. 2. 8).» «Будетъ бо время, егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своихъ похотехъ изберутъ себѣ учители, чешеми слухомъ: и отъ истины слухъ отвратятъ, и къ баснямъ уклонятся (къ Тимоѳ. 2, гл. 4, ст. 3)» и т. д. Въ отдѣленіи *политическихъ наукъ* преподавателю вмѣнялось въ обязанность останавливаться весьма коротко на изложеніи правъ естественнаго, политическаго и народнаго, правъ народовъ древнихъ и новѣйшихъ; въ замѣнъ же того подробно излагать «законодательство россійское съ присовокупленіемъ общаго обозрѣнія законовъ гражданскихъ и уголовныхъ», при чемъ профессоръ непрерывно обязанъ развивать мысль, что основа всякаго общежитія лежитъ въ покорности и почтеніи къ монархической власти, и съ отвращеніемъ указывать на правила Маккіавели и Гобба. Въ факультетѣ *физико-математическомъ*, профессоръ естественной науки долженъ упоминать, что обширное царство природы, какъ ни представляется оно премудро и въ своемъ цѣломъ для насъ непостижимо, есть только слабый отпечатокъ того высшаго порядка, которому, послѣ кратковременной жизни, мы предопредѣлены, «а преподаватель астрономіи» укажетъ на тверди небесной пламенными буквами начертанную премудрость Творца и дивные законы тѣлъ небесныхъ, открвенные роду человѣческому въ отдаленной древ-

ности. Даже профессоры *врачебныхъ наукъ* должны принять всевозможныя мѣры, чтобъ отвратить то ослѣпленіе, которому многіе изъ знатнѣйшихъ медиковъ подверглись, отъ удивленія превосходству органовъ и законовъ животнаго тѣла нашего, впадая въ гибельный матеріализмъ, именно отъ того, что наиболѣе премудрость Творца открываетъ. Студентамъ нужно внушить, что Св. Писаніе нераздѣльно полагаетъ искусство врачеванія съ благочестіемъ; что вольнодумствующій врачъ никогда не выйдетъ изъ предѣла физическихъ явленій; что искусство врачеванія, безъ духа христіанской любви и милосердія, есть ремесло само по себѣ, особливо когда отправляется для одной корысти, столь же низкое, сколь высока и почтенна медицина, на пользу человѣчества обращаемая и высшимъ свѣтомъ озаренная.» Въ преподаваніи *русской словесности* предписывалось обращать вниманіе на изученіе языка славянскаго съ тѣмъ, чтобъ изъ книгъ священныхъ показать, «какъ проста истинная высокость и удалена отъ всякаго школьнаго риторства.» Профессоръ *древнихъ языковъ* долженъ былъ, говоря о красотѣ языческихъ писателей, «объяснять и превосходства тѣхъ святыхъ мужей, коихъ вольнодумство вѣка нашего, не взирая на отличный геній ихъ, исключило изъ образованныхъ потому только, что они христіане и святые, какъ напримѣръ: Іоанна Златоустаго, Григорія Назіанзена, св. Василія и Аѳа-

насія. Онъ обязанъ, показывая нужную часть археологіи для разбора древнихъ языческихъ авторовъ, преподать гораздо обширнѣе древности христіанскія, кои для чтенія писаній святыхъ мужей необходимы.» Но особенное вниманіе обращено было въ инструкціяхъ на преподаваніе *исторіи*. «Профессоръ, говорилось въ нихъ, не долженъ вдаваться въ излишнія подробности баснословія отдаленнѣйшихъ временъ, всегда ложнаго и безполезнаго. Все что въ преподаваніи о семъ предметѣ можетъ быть допущено, есть токмо примѣненіе къ истинной исторіи, изъ которой то заимствовано. Послѣ исторіи священной, займется онъ чтеніемъ древнѣйшей всѣхъ прочихъ— Геродота, и въ писателяхъ греческихъ и римскихъ, до рождества Спасителя писавшихъ, покажетъ, что древнѣе основанія Рима нѣтъ ничего положительно достовѣрнаго. Отъ Рождества Христова займетъ онъ слушателей своихъ преимущественно древностями христіанскими, дабы показать, что христіане имѣли всѣ добродѣтели язычниковъ въ несравненно высочайшей степени и многія совершенства имъ неизвѣстныя. Онъ изъяснитъ по достовѣрнѣйшимъ источникамъ мудрость и твердость мучениковъ, терпѣніе и ангельскую чистоту отшельниковъ, и, наконецъ, покажетъ, что были истинные христіане и святые посреди дѣлъ государственныхъ, на престолахъ царей, въ ихъ совѣтахъ и полкахъ. Онъ покажетъ, что первые вѣка христіанства наиболѣе обиловали

великими и святыми мужами, что нѣтъ примѣра ни въ одной изъ языческихъ исторій временамъ гоненія на христіанъ, гдѣ противоположить можно каждому языческому герою полки героевъ христіанскихъ разнаго пола и возраста. Посему изъяснитъ онъ подробно нравы христіанъ первыхъ вѣковъ и образъ ихъ жизни. Онъ покажетъ, что все то, что въ языческой исторіи называется великостью и добродѣтелью, есть токмо высочайшая степень гордости человѣческой и ничто передъ величіемъ христіанскимъ. За симъ, приступая къ упадку и разрушенію Римской имперіи, покажетъ онъ какъ тщетны и ничтожны передъ Богомъ величіе имперій и ихъ могущество. Онъ укажетъ, какъ дикіе народы, орудіе руки Божіей, наказали гордый Римъ за неистовства и ужасы имъ содѣянные; покажетъ вѣка тьмы и варварства, послѣ коихъ христіане возстановили науки и просвѣщеніе, спасенные въ ихъ скромныхъ убѣжищахъ. Пройдя кратко исторію новѣйшихъ временъ, заключитъ профессоръ курсъ всеобщей исторіи философскимъ взглядомъ на важнѣйшія ея эпохи, по руководству извѣстной рѣчи Боссюэта и духа исторіи Фернанда. Профессоръ исторіи россійской преподастъ ее во всей нужной подробности. Онъ покажетъ, что отечество наше въ истинномъ просвѣщеніи упредило многія современныя государства и докажетъ сіе распоряженіями по части учебной и духовной Владиміра Мономаха, показавъ также поло-

женіе и другихъ европейскихъ государствъ въ семъ отношеніи.» *)

Существуетъ основаніе предполагать, что инструкціи ректору и директору Казанскаго университета произвели весьма непріятное впечатлѣніе на образованное меньшинство тогдашняго общества. Самъ Магницкій упоминаетъ объ этомъ въ одной изъ записокъ своихъ министру, оправдываясь тѣмъ, что онъ намѣренъ «основать народное воспитаніе на благочестіи, согласно съ актомъ Священнаго Союза.» И въ главномъ правленіи училищъ было нѣсколько лицъ, смотрѣвшихъ враждебно на реформы, задуманныя казанскимъ попечителемъ, но они не рѣшались оспаривать ихъ открыто; они позволяли себѣ дѣлать замѣчанія лишь на тѣ или другія подробности; что же касается общаго направленія системы то оно оставлено было въ сторонѣ. Но одинъ членъ этого собранія, а именно Руничъ, извѣстный печальною ролью, которую игралъ онъ въ дѣлѣ петербургскихъ профессоровъ: Галича, Арсеньева, Германа и Раупаха, рѣшился разобрать подробно инструкціи, составленныя Магницкимъ, и произнесъ имъ восторженную похвалу. «Я признаю, говорилъ онъ, перемѣны, предполагаемыя для Казанскаго учебнаго округа, не только сообразными съ цѣлью, для которой университеты учреждаться могутъ, но и спаситель-

*) Инструкціи эти напечатаны въ *Сборникѣ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія* Т. I. Спб. 1864 г.

ными въ отношенія къ частной пользѣ и общему благу государства, — взирая на образованіе и обезпеченіе юношества, какъ на основные камни, на коихъ то и другое зиждется, или какъ на разсадникъ, приносящій обществу и государству или благотворные, или пагубные плоды!» Руничъ понялъ, что вслѣдствіе постановленія Магницкаго, Казанскій университетъ утратитъ совершенно свою автономію, и онъ находилъ это какъ нельзя болѣе разумнымъ; онъ видимо желалъ, чтобы права и остальныхъ университетовъ были точно также отмѣнены. «Присвоенное университетамъ право, замѣчалъ онъ, составлять сословія, отдѣльныя отъ прочихъ государственныхъ учрежденій (status in statu) совершенно несообразно съ предметомъ ихъ установленія. При первоначальномъ образованіи университетовъ въ Европѣ, основаніе права сего, со всею вѣроятностью, ни къ чему другому отнести должно, какъ къ тому только, что невѣжество среднихъ вѣковъ заглушило всѣ способности ума человѣческаго и противилось существованію такихъ заведеній, которыя совершенно не согласовались съ духомъ и обстоятельствами того времени.... Но что нужнымъ оказывалось тогда, то самое нынѣ безполезнымъ и даже вреднымъ сдѣлаться можетъ.... Исключительное право составлять государство въ государствѣ или общество въ обществѣ противорѣчитъ внутреннему благосостоянію страны. Какія оказывались отъ того послѣдствія въ прежнія

времена, то довольно изъ исторіи извѣстно; какія соблазнительныя явленія происходятъ еще теперь въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, въ истинѣ этого удостовѣриться сами можемъ. Пагубный духъ вольнодумства и своеволія, возникшій въ недавнее время въ Германіи, государи Германскаго союза приписываютъ настоящему образованію университетовъ. Сіе особенно изъяснено въ предложеніи предсѣдательствующаго въ собраніи германскаго сейма графа Буоль-Шауэнштейна, читаннымъ, какъ сказано многими газетами, въ бывшемъ 20 сентября засѣданіи сейма.»

Магницкій проникся вполнѣ духомъ изложенной выше программы. Такъ какъ она служила выраженіемъ его собственныхъ мыслей, составлена была имъ самимъ, то онъ не затруднялся впослѣдствіи дѣлать въ ней весьма важныя измѣненія, не считая даже нужнымъ увѣдомлять объ этомъ министерство. Согласно существовавшему въ то время обычаю, онъ лишь изрѣдка, и на короткое время, посѣщалъ Казань. Но изъ Петербурга, гдѣ находилось постоянное его мѣстопребываніе, онъ слѣдилъ зорко за всѣмъ, что происходило во ввѣренномъ ему округѣ, и достигъ вскорѣ того, что все руководилось тамъ его мыслію и волею. Вполнѣ основательно могъ сказать Магницкій, что въ теченіи какихъ-нибудь шести лѣтъ ему удалось произвести коренной переворотъ во ввѣренномъ ему университетѣ и, можно прибавить, однимъ

изъ плачевнѣйшихъ переворотовъ, какимъ когда-либо подвергались высшія учебныя заведенія въ Россіи.

Хотя послѣ ревизіи 1819 г. удалены были изъ Казани одиннадцать профессоровъ, оказавшихся неблагонадежными по своему образу мыслей или по недостатку свѣдѣній, но Магницкій не удовольствовался этою мѣрой. Онъ рѣшился очистить университетъ, по выраженію его, отъ всѣхъ плевелъ; но на этотъ разъ гоненіе воздвигнуто было не на тѣхъ преподавателей, которые не удовлетворяли требованіямъ науки, но исключительно на лица, заподозрѣнныя въ либеральномъ направленіи. Первою изъ такихъ жертвъ Магницкаго былъ лекторъ нѣмецкаго языка, Лейтеръ. Изъ представленной имъ програмы на 1820—1821 годъ оказалось, что онъ намѣревался знакомить своихъ слушателей съ образцовыми произведеніями германской литературы по хрестоматіи Гельстреэта. Въ книгѣ этой зоркій глазъ Магницкаго отыскалъ многія мѣста предосудительныя для юношества. Такъ, напримѣръ, о Фридрихѣ Великомъ сказано было въ ней слѣдующее: «Die Religion seiner Väter nahm er nicht an, glaubte darin Ungereimtheiten zu entdecken, die sie ihm verächtlich machten, und in ihren Bekennern und Lehrern Thorheiten oder Untugenden, welche ihm gegen das System selbst Widerwillen einflössten. Sein Deismus, seine Verachtung der Menschen, seine Unempfindlich-

keit des Herzens», u s. w. *). О Галлерѣ было упомянуто: «Traurig, das einem solchen Geiste eine kleinliche religiöse Aengstlichkeit sein Leben verbittern musste **). Между темами для сочиненій, находилась въ хрестоматіи слѣдующая: «Hat man wohl je gänzliche Abschaffung des Christenthums zu befürchten» ***). «Выборъ столь дурной книги, доносилъ Магницкій министру, свидѣтельствуетъ ясно о неблагонадежности Лейтера, а потому я имѣю честь представить вашему сіятельству объ увольненіи его изъ университета. А такъ какъ Лейтеръ содержитъ благородный пансіонъ, то я полагалъ бы требовать отъ директора мнѣніе, можно ли безъ вреда воспитывающимся у него дѣтямъ, по симъ правиламъ воспитателя, у него оставаться?» Отвѣтъ послѣдовалъ такой, какого именно желалось Магницкому: Лейтеръ былъ немедленно уволенъ изъ университета и лишился права содержать пансіонъ.

За Лейтеромъ та же участь постигла профессора Солнцева, преподававшаго естественное право. Маг-

*) Онъ не принялъ религіи праотцевъ своихъ, находя въ ней, какъ онъ думалъ, нѣкоторыя несообразности, дѣлавшія ее, въ его глазахъ, презрѣнною и открывая въ ея почитателяхъ и учителяхъ разныя нелѣпости и пороки, которыя возбуждали въ немъ отвращеніе и къ самой системѣ. Его деизмъ, нерасположеніе его къ людямъ, нечувствительность его сердца....

**) Прискорбно видѣть, что ничтожная духовная немощь долженствовала отравить всю жизнь такого генія, какъ онъ.

***) Нужно ли опасаться когда либо совершеннаго уничтоженія христіанской религіи?

ницкій поспѣшилъ представить министру нѣсколько выписокъ изъ его курса, сопровождая ихъ, по своему обыкновенію, различными замѣчаніями. Представляемъ для примѣра нѣкоторыя изъ нихъ:

«Всякій человѣкъ властенъ употреблять принужденія для приведенія въ дѣйство своего права противъ несправедливости, какъ препятствующей не только своей, но и внѣшней общей свободѣ, которая при несправедливости существовать не можетъ.

«Единственно великому философу Эммануилу Канту было предоставлено имѣть единственное вліяніе на естественное право. Онъ одинъ основалъ и опредѣлилъ его существенно, признавая вообще практическій разумъ законодателемъ свободы, общимъ источникомъ правоученія нестественнаго права.

«Религія (Богопочитаніе) есть практическое представленіе нашего отношенія къ Богу, а свобода религіи, въ юридическомъ смыслѣ, есть власть поступать сообразно своимъ убѣжденіямъ касающимся до религіи.

Примѣчаніе Магницкаго. Сіи три §§ опровергаютъ совершенно всѣ основанія общества и церкви.

«Всякое общество основывается на договорѣ соединенія (pactum unionis), ибо оно происходитъ отъ соединенія воли многихъ къ достиженію общей цѣли; но ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права ограничивать поступки другихъ въ разсужденіи чего либо

противъ ихъ воли, исключая тѣ случаи, когда будутъ нарушены права его.»

Примѣчаніе Магницкаго. Продолженіе совершенно революціонныхъ началъ.

«Права и обязанности супруговъ равны: въ свойствѣ супружескаго союза не можетъ находиться никакой причины, по которой бы одному изъ супруговъ прилично было надъ другимъ главное начальство, если о томъ ничего не опредѣлено въ договорахъ.»

Примѣчаніе Магницкаго. Жены своимъ мужемъ повинуйтеся, яко же Господу: яко же и Христосъ глава церкви; но яко же церковь повинуется Христу, такожде и жены своимъ мужемъ во всемъ. *Ефес.* Гл. V, ст. 21—23.

«Церковь есть общество, соединившееся для общественнаго богослуженія.»

«Церковь по свойству своему, есть равное общество; въ ней никто не имѣетъ преимуществъ предъ другими.»

Примѣчаніе Магницкаго. То-есть республика!

«Поелику церковь первоначально, по свойству своему, есть общество равное, то постановленіе какое-либо въ разсужденіи ея можетъ не иначе быть сдѣлано, какъ съ воли или рѣшенія всѣхъ сочленовъ вмѣстѣ.»

Примѣчаніе Магницкаго. Продолженіе.

«Гражданинъ имѣетъ всѣ права на свое тѣло и

силы, ежели онъ ихъ не употребляетъ во зло и не причиняетъ симъ подлиннаго вреда его согражданамъ или государству.»

Примѣчаніе Магницкаго. Оправданіе самоубійства.

«Война есть состояніе продолжительныхъ насильствъ.»

Примѣчаніе Магницкаго. Это опредѣленіе разбоя, а не войны.

Вслѣдствіе представленія Магницкаго, Солнцевъ былъ не только уволенъ изъ университета, но ему запрещено было преподавать даже и приватно въ частныхъ заведеніяхъ.

Къ этому времени усиленной дѣятельности Магницкаго по очищенію Казанскаго университета отъ вредныхъ преподавателей и ученій, относится, между прочимъ, одно обстоятельство, о которомъ онъ такимъ образомъ доноситъ министру: «Встрѣтивъ въ числѣ почетныхъ членовъ университета извѣстнаго Грегуара, члена національнаго парижскаго института, оглашеннаго во Франціи цареубійцею и извергнутаго недавно за сіе изъ тамошней палаты депутатовъ, спрашивалъ я для осторожности директора: тотъ ли самый Грегуаръ членомъ университета, и кѣмъ онъ представленъ и утвержденъ? Директоръ отвѣчалъ, что изъ находящагося сочиненія въ университетской библіотекѣ почетнаго нашего члена Грегуара, подъ заглавіемъ: *Seconde lettre aux électeurs de l'Isère*, ясно видно, что онъ тотъ самый,

который до революціи былъ епископомъ, а во время оной однимъ изъ осудителей короля, что онъ принятъ въ 1814 г къ почетные члены университета, въ числѣ 28, подъ общимъ именемъ *людей, отличившихся ученостью*, что по бумагамъ не видно, кто его представилъ, но частнымъ образомъ въ университетѣ извѣстно, что сіе сдѣлалъ бывшій тогда профессоръ Френъ, а утвердилъ министръ просвѣщенія графъ Разумовскій, что Грегуаръ желалъ именно принадлежать къ университету Казанскому и въ прошломъ году (1820) прислалъ туда свои мелкія сочиненія. Удостовѣрясь такимъ образомъ, что замѣченный мною Грегуаръ есть точно тотъ, который одинъ изъ первыхъ епископовъ отрекся отъ Христа Спасителя и потомъ предалъ на смерть помазанника Божія, я предписалъ ректору университета предложить обстоятельство сіе на разсмотрѣніе совѣта. Между тѣмъ получилъ я отъ директора, въ дополненіе къ прежнему, новое по сему предмету представленіе о разсмотрѣніи сочиненій Грегуара профессоромъ Тимьянскимъ. Они заключаются въ трехъ небольшихъ тетрадяхъ: 1) *Recherches historiques sur les congrégations hospitalières des frères pontifes*; 2) *Lettre aux électeurs du département de l'Isère, Paris*, 1819; 3) *Seconde lettre aux électeurs de l'Isère*, 1820. Мнѣніе о сихъ сочиненіяхъ разсматривавшаго ихъ профессора состоитъ кратко въ слѣдующемъ: Грегуаръ любитъ вольность, согла-

шается на хартію, но не на Бурбоновъ. Онъ самъ упоминаетъ о названіи его цареубійцею. Говоритъ съ жаромъ о знаменахъ вольности и вообще есть, по собственнымъ словамъ его, либералистъ и революціонеръ. Любопытнѣе же всего то, что сочиненія свои сего рода оканчиваетъ онъ увѣреніемъ предъ современниками, что онъ преданъ религіи, добродѣтели, свободѣ, наукамъ, дружбѣ и пребудетъ таковымъ до смерти, и тѣми же устами, которыя изрыгнули отпаденіе епископа отъ Христа и смертную казнь королю, богохульствуетъ, говоря: «Отче, отпусти имъ! Не вѣдятъ бо, что̀ творятъ.» Вслѣдъ за этимъ докладомъ Магницкаго, не замедлило придти мнѣніе Казанскаго совѣта, который считалъ «противнымъ не только справедливости, но и наружной благопристойности, числить въ сословіи университета лицо, участвовавшее въ страшномъ злодѣяніи.» Главное правленіе училищъ утвердило этотъ приговоръ, и Грегуаръ лишенъ былъ званія почетнаго члена Казанскаго университета. Обстоятельство это послужило для Магницкаго поводомъ постановить правиломъ, чтобы на будущее время избирались въ почетные члены тѣ только лица, которыя, помимо ученыхъ достоинствъ, извѣстны своимъ благочестивымъ образомъ жизни. Въ слѣдующемъ 1821 году избраніе пало на петербургскаго попечителя Рунича и на директора Казанскаго университета, Владимірскаго. Первый, сказано въ оффиціальномъ отчетѣ,

удостоился этой чести «въ уваженіе его извѣстныхъ истинно христіанскихъ чувствованій и правилъ, отличныхъ свѣдѣній, обращаемыхъ на пользу просвѣщенія, основаннаго на христіанскомъ благочестіи, и подвиговъ его въ великомъ дѣлѣ соединенія истиннаго вѣдѣнія съ вѣрою;» второй «во уваженіе его христіанскихъ чувствованій и правилъ жизни, кротости соединенной съ твердостью, обширныхъ знаній, искушенныхъ опытностью и направленныхъ къ единой цѣли благочестія.»

Лишь только вступилъ Магницкій въ должность, какъ одною изъ первыхъ заботъ его было подвергнуть строгому разсмотрѣнію библіотеку Казанскаго университета и истребить въ ней все, что отличалось, по его мнѣнію, вреднымъ направленіемъ *). Раз-

*) Въ любопытной статьѣ Н. А. Попова: *Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани* (*Русск. Вѣстника* 1859 г. томъ XXIII) помѣщено письмо, доставленное въ 1818 году симбирскому отдѣленію библейскаго общества однимъ изъ его членовъ, оставшимся неизвѣстнымъ, который предлагалъ ему заняться истребленіемъ всѣхъ безбожныхъ книгъ и превратиться такимъ образомъ въ центральное инквизиціонное судилище для литературы. Письмо это произвело столь сильное впечатлѣніе, что президентъ общества, князь А. Н. Голицынъ, счелъ нужнымъ отвѣчать на него публично въ газетахъ. Позволяемъ себѣ сдѣлать догадку, что едва ли авторомъ этого таинственнаго посланія не былъ Магницкій, занимавшій тогда въ Симбирскѣ должность гражданскаго губернатора. Кто привыкъ къ слогу донесеній Магницкаго, невольно останавливается на этомъ предположеніи. Къ тому же мысль объ истребленіи вредныхъ книгъ давно уже сдѣлалась его маніей, удовлетвореніе которой навлекло даже на него, какъ увидимъ впослѣдствіи, рѣзкія нападки со стороны министерства народнаго просвѣщенія

смотрѣвъ каталогъ Казанской гимназіи, онъ пощадилъ только двѣ книги, а именно: *Droit de la guerre et de la paix, par Grotius*, и *De l'éducation publique propre à la jeune noblesse*; впрочемъ и это послѣднее произведеніе было отправлено къ нему, по его требованію, въ Петербургъ. Что же касается до остальныхъ, то онъ настаивалъ чтобъ онѣ были немедленно сожжены, и если библіотека Казанской гимназіи не подверглась такой горькой участи, то она обязана была этимъ непремѣнному засѣдателю Дунаеву, который, вмѣсто ауто-да-фе, заперъ книги въ кладовыя. Множеству произведеній университетской библіотеки не суждено было также видѣть свѣта: положено было не выдавать ихъ не только студентамъ и посторонней публикѣ, но даже профессорамъ, которые тщетно ссылались на дарованное имъ право получать всѣ книги безъ цензуры. Наконецъ, въ теченіи всего управленія Магницкаго не сдѣлано было никакихъ новыхъ пріобрѣтеній, такъ что профессора жаловались безпрерывно на недостатокъ самыхъ необходимыхъ пособій при преподаваніи различныхъ наукъ.

Но самая главная реформа попечителя коснулась студентовъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, что негодованіе противъ него не только публики, но и правительства, вызвано было именно тѣми порядками, которымъ подчинилъ онъ университетскую молодежь, но самъ Магницкій не переставалъ доказы-

вать не только необходимость, но совершенную разумность придуманныхъ имъ правилъ. По мнѣнію его, только радикальными средствами возможно было возвысить студентовъ и вообще университетъ изъ того жалкаго положенія, въ которомъ находились они до 1820 года. Прежде чѣмъ будемъ мы говорить о новомъ устройствѣ приведенномъ въ исполненіе Магницкимъ, считаемъ нелишнимъ познакомить нашихъ читателей съ записками, представленными имъ главному правленію училищъ уже въ то время, когда началось на него гоненіе, и въ которыхъ изображалъ онъ бѣдственное состояніе университета до принятія имъ должности попечителя. Вотъ, напримѣръ, что писалъ Магницкій о тогдашнихъ профессорахъ:

«1806 годъ. Раздоры членовъ совѣта, неприличные даже людямъ послѣднихъ классовъ, ежедневно увеличиваются и простираются до того, что мимо ходящіе, слыша ихъ споры и крикъ, останавливаются подъ окнами совѣта. Полагалось, что нужно увѣдомить полицію для разогнанія толпящихся на улицѣ слушателей.

«4 октября того же года. Попечитель (Румовскій) благодаритъ одного изъ членовъ совѣта за увѣдомленіе его о такихъ дѣлахъ, кои ни въ протоколахъ, ни въ письмахъ бывшаго профессора Яковкина, предсѣдателя совѣта, въ сіе время не упоминаются,

и собирается взять нужныя мѣры дабы исправить дѣла и привести буйныхъ къ послушанію.

«1808 годъ. Производилось въ конторѣ Казанской гимназіи дѣло о буйствѣ и дракѣ адъюнкта университета N. на почтовой станціи, Симбирской губерніи, въ с. Шуковкѣ.

«1810 годъ. Старикъ, профессоръ Казанскаго университета, N. женится на непотребной дѣвкѣ, у него жившей въ кухаркахъ.

«По причинѣ напоминанія предсѣдателя совѣта, профессора Яковкина, профессору N. что поздно пришелъ въ засѣданіе совѣта, N. произвелъ шумъ и крикъ. Русскіе и иностранцы раздѣляются на двѣ враждующія стороны. Изъ сего возникло дѣло и попечитель прекращаетъ оное примиреніемъ.

«Въ домѣ профессора N. *полиція закрываетъ клубъ*. Попечитель благодаритъ, что губернаторъ не довелъ о семъ до свѣдѣнія высшаго начальства.

«Профессоръ N доноситъ попечителю, что весьма опасно ходить въ засѣданіе совѣта и комитета, гдѣ интриги, раздоры и обиды ужасны, ибо даже пьяные тамъ присутствуютъ, и предсѣдатель совѣта Яковкинъ однажды адъюнкта N, котораго самъ напоилъ, дабы помогалъ ему оспаривать другихъ, извиняетъ тѣмъ, что *у него, можетъ-быть, были гости*.

«1812 года. Профессоръ Литровъ подтверждаетъ волненіе умовъ и доноситъ о жалостномъ положеніи воспитанниковъ университета и Казанской гимназіи,

но многіе на сіе вознегодовали, а профессоръ Яковкинъ называетъ, въ письмѣ къ попечителю, профессора Броннера, разоблачившаго слабость познаній воспитанниковъ университета и гимназіи, нечестивымъ бѣглецомъ изъ Швейцаріи, іезуитомъ и помощникомъ министра просвѣщенія въ Швейцаріи.

«Профессоръ N. отказывается присутствовать въ училищномъ комитетѣ съ профессоромъ N., потому что послѣдній женился на кухаркѣ своей.

«Происшедшіе по сему случаю раздоры и безпорядки попечитель называетъ польскимъ сеймомъ, и самое дѣло предписываетъ окончить безъ формальнаго суда, увѣщеваетъ къ соблюденію тишины и спокойствія, склоняетъ профессоровъ N и N къ примиренію и приказываетъ объявить первому, что онъ не имѣетъ права отказываться отъ засѣданій, начальствомъ предписанныхъ.

«1813 годъ. О частной жизни бывшихъ профессоровъ Казанскаго университета до *настоящаго управленія* положительно извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ напивались вмѣстѣ съ студентами, держали распутныхъ женщинъ, ѣздили на казенныхъ экипажахъ въ непотребные дома и давали въ комнатахъ своихъ лекціи.

«Профессоръ N. былъ соблазнительною игрушкой въ домахъ здѣшнихъ помѣщиковъ.

«Дочери статскаго совѣтника N. открыто предавались постыднѣйшимъ распутствамъ, и одна изъ

нихъ приходила къ студентамъ въ кучерскомъ платьѣ. Профессоръ N, неуспѣвши выдать одну изъ этихъ дочерей за профессора N, женившагося, какъ выше сказано, на кухаркѣ, велѣлъ бросить цѣлый возъ нечистоты у воротъ его.

«Онъ же на лекціяхъ древностей представлялъ изъ себя *Юпитера съ тремя граціями*, коими были три студента. Въ другой разъ, стоя на креслахъ, изображалъ Юпитера громовержца.

«Адъюнктъ N., давая лекціи на дому, въ преподаваніе фармаціи вводилъ непристойные разказы и часто оканчивалъ свои уроки тѣмъ, что студенты напивались съ нимъ до-пьяна.

«Профессоръ N. бралъ деньги съ иностранцевъ за экзамены. Жена и дочери его пріѣзжали на квартиру къ одному изъ членовъ университета и бранили его на трехъ языкахъ. Сей иностранецъ еще и нынѣ живетъ въ Казани.»

Изобразивъ такими лестными красками сословіе преподавателей, Магницкій представляетъ не менѣе мрачную характеристику студентовъ Казанскаго университета въ періодъ времени отъ 1805 до 1819 года.

«16 мая 1807 года, говоритъ онъ въ своей запискѣ, студентъ К. обругалъ публично, въ университетскомъ саду, жену инспектора Яковкина, да лично ему наговорилъ грубостей, такъ что Яковкинъ призналъ за нужное, для охраненія спокойствія, поставить на всю ночь пикетъ изъ четырехъ рядовыхъ

съ унтеръ-офицеромъ, а на другой день присланъ былъ въ университетъ отъ гражданскаго губернатора частный приставъ Потто для прекращенія безпорядка. Одинъ изъ воспитанниковъ гимназіи, жившій у учителя Дювилара, подозрѣвался въ вымазываніи дегтемъ воротъ дома майора Копылова. Попечитель Румовскій, въ 1808 году, замѣчаетъ директору Яковкину безразсудную гордость студентовъ и проситъ истребить ее. 13 августа 1808 года, въ 10 часу вечера, на дворѣ гимназическомъ, студентъ С. пустилъ ракету, полученную отъ другаго студента, который поставилъ ее. Въ теченіе іюня 1810 года студентъ О. и назначенный въ студенты Д. замѣчены въ своевольныхъ поступкахъ. Въ первыхъ числахъ іюля 1811 года помощникъ инспектора донесъ о дурномъ поведеніи студента Николая Л., присовокупляя, что онъ замѣченъ былъ въ возмутительныхъ поступкахъ и, оказывая ихъ въ значительной степени, *явилъ признаки безбожія*. Въ 1812 году, казанская градская полиція просила удержать студентовъ, дабы не пускали въ городѣ ракетъ. Въ томъ же году попечитель предложилъ совѣту подтвердить, отъ имени его, всѣмъ казеннымъ ученикамъ гимназіи и студентамъ, чтобы наблюдали чинопочитаніе; что если за симъ будутъ неповиновеніе, упорство и нарушеніе порядка, то приняты будутъ законныя мѣры; далѣе предлагается способъ къ побужденію учениковъ и студентовъ посѣщать классы

и лекціи. 20 апрѣля 1813 года нѣсколько студентовъ за позднее по утрамъ вставаніе и ослушаніе были посажены на хлѣбъ и на воду. Неблагопристойное поведеніе студентовъ и воспитанниковъ достигло высшей степени; они наводятъ соблазнъ въ церквахъ во время богослуженія и нарушаютъ порядокъ въ храмѣ Божіемъ. Стороннія особы жалуются на сіе попечителю. Студентъ З., весьма пьяный, зашелъ 3 сентября 1813 г. въ фруктовую лавку купца Парошина, прибилъ его, а когда вели его въ полицію, безчинствовалъ на улицѣ, обидѣлъ полицеймейстера въ полиціи, задержанъ и ночевалъ въ оной, а на другой день присланъ при бумагѣ въ совѣтъ университета. Студентъ Ч., оказалъ разныя грубости адъюнкту К., дерзости и невѣжество противъ инспектора и кричалъ вслѣдъ его: «Эй, послушайте, вы! у меня пропала шапка: отыщите ее.» Студенты Б. и К. вышли изъ всякаго повиновенія инспектору, такъ что послѣдній, не находя способовъ привести ихъ къ покорности, отъ 4 марта 1814 года просилъ совѣтъ университета принять для сего надлежащія мѣры и донесъ совѣту, что онъ неоднократно самъ и отъ помощниковъ своихъ слышалъ, что студенты обнаруживаютъ злое вольнодумство касательно священныхъ предметовъ, и просилъ обратить на сіе особенное вниманіе, поелику таковыя ихъ мысли и подобныя онымъ служить могутъ бичомъ, разрушающимъ благоденствіе общества и проч.... 8 сентября

1814 г., когда инспекторъ входилъ въ университетскій садъ ночью, то нарочно поставленными отъ студентовъ и обрушившимися на него кольчугами, каменями, горшками наполненными стеклами и разною нечистотою былъ раненъ въ плечо и голову, на что жаловался онъ и попечителю, который тогда находился въ Казани. 26 іюня 1815 года студентъ Б. высѣкъ крапивою въ саду дочь университетскаго солдата. 8 іюня 1816 года дошли жалобы до начальства, что студенты въ пьяномъ видѣ разбили дозоръ ночной. 16 декабря 1818 года вечеромъ кандидатъ К. въ трактирѣ задолжалъ 35 руб. 30 коп., отдалъ въ задатокъ золотое кольцо и велѣлъ за собою идти служителю трактира, мѣщанину Петру Евсѣеву для полученія денегъ, коихъ не только не отдалъ на квартирѣ своей, но раздѣвъ Евсѣева, отнялъ у него собственныхъ его денегъ 30 р. и свое кольцо, билъ плетью и остригъ ему волосы.»

Мы прекращаемъ здѣсь выписки изъ донесеній Магницкаго, доказывающія, что въ прежнемъ Казанскомъ университетѣ не хотѣлъ онъ видѣть ничего, кромѣ повсемѣстнаго и крайняго упадка. Допустимъ даже, что обвиненія эти были справедливы: тѣмъ страннѣе поражаетъ тонъ самовосхваленія, къ которому онъ прибѣгаетъ, говоря о благотворномъ результатѣ реформъ, предпринятыхъ имъ для улучшенія университета. Ровно черезъ годъ, именно, послѣ вступленія его въ должность, вотъ какъ выражался

Отчетъ о состоянiи учебномъ Казанскаго округа *) о тѣхъ самыхъ студентахъ, которые еще недавно заражены были всякими пороками:

«Директоръ университета, обращаясь съ питомцами его, какъ отецъ съ дѣтьми, внушаетъ имъ *елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна* (къ Филип. гл. 4.). Заботясь не только о нравственномъ воспитанiи, но и физическомъ, самыя забавы обращаетъ онъ въ пользу имъ. По его убѣжденiямъ и совѣтамъ, казенные студенты обработывали въ прошедшее лѣто садъ. Образъ сего занятiя, существо его, есть приближенiе къ патрiархальной жизни, сколько невинной, столько естественной, относительно къ тому, что въ потѣ лица устрояется жизнь физическая.... Инспекторъ студентовъ, благоразумными средствами смягчая строптивую волю юности, преклоняетъ ее подъ спасительное иго послушанiя и повиновенiя, *не за страхъ, но за совѣсть*. Смиренномудрiе, терпѣнiе, любовь сопровождаютъ поступки студентовъ, а любезная учтивость украшаетъ ихъ наружное обращенiе.»

Вотъ какой внезапный переворотъ произошелъ въ казанскихъ студентахъ въ теченiе нѣсколькихъ мѣсяцевъ! Они совершенно переродились. Какiе же средства употреблены были для достиженiя такого чуда?

*) Казанскiй Вѣстникъ 1821 г., кн. I.

Порядокъ, установленный Магницкимъ въ стѣнахъ заведенія и преимущественно для казеннокоштныхъ студентовъ, введенъ былъ не вдругъ, а постепенно и только въ 1825 году получилъ онъ полное свое опредѣленіе въ данной директору *инструкціи о внутреннемъ и наружномъ благоустройствѣ университета*, изъ которой мы и заимствуемъ многія любопытныя подробности.

Всѣ студенты раздѣлены были, по поведенію и успѣхамъ, на три разряда: 1) отличныхъ, весьма хорошихъ и хорошихъ; 2) испытуемыхъ, посредственныхъ, исправляемыхъ, и 3) подъ особымъ присмотромъ находящихся. Принадлежавшіе къ каждому изъ этихъ разрядовъ жили въ разныхъ этажахъ и даже во время завтрака, обѣда и ужина отдѣлялись особыми надъ столами надписями. Они сходились вмѣстѣ только для слушанія лекцій, но и тутъ употреблялись мѣры для того чтобы прервать, по возможности, между ними сообщеніе. Средній этажъ университетскаго зданія, какъ лучшій, назначался для помѣщенія перваго разряда, верхній же занятъ былъ двумя остальными; въ концѣ каждаго изъ этихъ этажей отведены были отдѣльныя комнаты для помощника инспектора, надзирателя и такъ называемаго *старшаго*, то-есть для студента, который, вслѣдствіе примѣрнаго благонравія, получалъ право наблюдать за своими товарищами. День проходилъ обыкновенно такимъ образомъ: въ 5 часовъ утра

комнатные служители будили студентовъ звономъ колокольчика; чрезъ десять минутъ они должны были уже одѣться, убрать свои кровати и стоять около нихъ въ ожиданіи прихода помощника инспектора, который обозрѣвалъ всѣ ли они находятся на своихъ мѣстахъ. Слѣдовала краткая молитва, и по окончаніи ея надзиратель велъ студентовъ въ столовую, осмотрѣвъ предварительно ихъ одежду, волосы и обувь. Въ столовой, инспекторъ приказывалъ одному изъ отличнѣйшихъ студентовъ, который въ тотъ день былъ на очереди, читать молитвы по канонику, а за тѣмъ начинался завтракъ, во время которaго происходило чтеніе вслухъ Священнаго Писанія. Въ 8 часовъ собирались всѣ въ главный залъ и отправлялись оттуда, подъ надзоромъ *старшихъ*, въ аудиторіи, гдѣ для каждаго назначено было опредѣленное мѣсто. Дежурный адъюнктъ осматриваетъ аудиторіи, за нимъ являются попеременно инспекторскій помощникъ, инспекторъ, наконецъ ректоръ и директоръ, послѣдніе два не въ опредѣленное время, а когда имъ вздумается. Въ 12 часовъ студенты идутъ изъ главнаго зала, въ томъ же порядкѣ, который описанъ выше, въ столовую и садятся за обѣдъ, въ теченіе котораго должны не разговаривать, а слушать чтеніе Евангелія. Послѣ обѣда, въ случаѣ благопріятной погоды, дозволяется кратковременная прогулка на дворѣ или въ саду. Послѣ вечернихъ лекцій и ужина, по окончаніи вечерней

молитвы, студенты шли спать, и чрезъ десять минутъ, назначенныхъ для раздѣванія, не было уже видно огней во всемъ зданіи. Тогда начинался ночной надзоръ. Двое часовыхъ расхаживали въ корридорахъ каждаго этажа, на встрѣчу одинъ другому, до самаго разсвѣта; дежурный инспекторскій помощникъ долженъ былъ нѣсколько разъ осматривать спальни, тогда какъ обязанность наблюденія за часовыми возложена была, кромѣ того, на экзекутора.

Всѣ нарушенія порядка со стороны студентовъ подведены были подъ какую либо изъ трехъ категорій: проступковъ легкихъ, тяжкихъ или дурныхъ навыковъ, а сообразно съ этимъ опредѣлялись и наказанія. Въ первомъ случаѣ ограничивались они частными выговорами, или публичными, предъ всѣми студентами, отъ директора; втораго рода проступки, т. е. тяжкіе, влекли за собою арестъ, а также лишеніе на нѣсколько дней пищи. Наконецъ самымъ важнымъ наказаніемъ было заключеніе въ карцеръ, или въ *комнату уединенія*, какъ назывался онъ у Магницкаго: комната эта не имѣла другой мебели, кромѣ деревяннаго стола и скамьи, дверь и окна ея были загорожены желѣзною рѣшеткою, а надъ входомъ видна была приличная надпись изъ Священнаго Писанія; на одной изъ стѣнъ висѣло распятіе, а на другой картина Страшнаго Суда. Виновные, подвергшіеся наказанію такого рода, получали названіе *грѣшниковъ*, и во все то время, пока

находились они въ заключеніи приносимы были за нихъ молитвы. Впослѣдствіи генералъ-майоръ Желтухинъ, которому поручена была ревизія Казанскаго университета, сообщилъ любопытныя подробности касательно упомянутой сейчасъ исправительной мѣры. Студентъ Горбуновъ замѣченъ былъ въ какихъ-то непозволительныхъ проступкахъ; немедленно посаженъ былъ онъ въ карцеръ, и директоръ университета, Владимірскій, далъ слѣдующее предписаніе инспектору:

«Предлагаю сдать Горбунова духовнику, отцу Александру, сообщивъ ему мои о немъ мысли. Къ сему надлежитъ присовокупить слѣдующее: a) отлучить Горбунова отъ сообщества воспитанниковъ или снять установленной одежды, вмѣсто коей надѣть на него рубашку, порты, лапти и кафтанъ мужичьи, въ преобразованіе, что за матовствомъ слѣдуетъ бѣдность, за развращеніемъ, презрѣніе; b) пищу производить Горбунову два раза въ сутки, состоящую въ хлѣбѣ и квасѣ, при чемъ быть главному или, по особенному его довѣрію, классному надзирателю; въ ночи у дверей долженъ быть часовой; c) отецъ протоіерей посѣщаетъ Горбунова, по его усмотрѣнію, когда будетъ угодно, и во власти его находится изводить изъ тюрьмы, освѣжаться воздухомъ, не при солнечномъ свѣтѣ и не днемъ, и чтобы при семъ случаѣ никто изъ студентовъ не былъ; d) я бы желалъ, чтобъ о несчастномъ Горбуновѣ учреждены

были всеобщія молитвы въ храмѣ Божіемъ и въ домашней церкви, когда же и какія испросить назначенія отца духовника, въ чемъ и я, съ христіанскою любовію, участвовать намѣренъ. Такимъ образомъ я желаю способы исправленія приблизить къ высочайшему указу 1742 г., въ чемъ Господь Богъ да поможетъ всѣмъ намъ!»

Изъ дѣла видно, что Горбуновъ провелъ въ такомъ положеніи около мѣсяца; когда окончился этотъ срокъ, священникъ Александръ Нечаевъ доносилъ директору, что «по изъясненіи пагубныхъ слѣдствій отъ грѣхопаденія происходящихъ и по возбужденіи за общими молитвами къ возстанію отъ оныхъ, въ прошлый, въ честь Пресвятыя Богородицы установленный постъ, Горбуновъ, по исповѣди, удостоенъ св. причащенія.» Директоръ немедленно рѣшилъ, что «божественною силой евхаристіи грѣхи каждаго, хотя бы багряные, или червленные, убѣляются яко снѣгъ, а по сему самому, въ полномъ упованіи на силу тѣла и крови Іисуса Христа, очищающаго и освящающаго грѣшниковъ, полагаю предать забвенію прошедшіе проступки Горбунова и позволить ему пользоваться всѣмъ наравнѣ съ прочими воспитанниками. Между тѣмъ, дабы соблазны не совращали его съ пути праваго, то объ укрѣпленіи Горбунова въ ученіи благодати слѣдуетъ просить отца протоіерея.»

Въ рукахъ Магницкаго находилось средство дѣйствовать противъ провинившихся еще болѣе энерги-

чески чѣмъ *комнати уединенія*: безъ суда и приговора отдавалъ онъ ихъ въ солдаты *). Участи этой подверглись, между прочимъ, два студента — Левенгофъ и Бовинъ, обвиненные въ неумѣренномъ употребленіи крѣпкихъ напитковъ. Намъ придется еще говорить подробно объ этой исторіи, обнаружившей вполнѣ до какой степени простирался произволъ Магницкаго, вызвавшій противъ него сильныя нареканія начальства.

Надзоръ за студентами простирался до такой степени, что не только посѣщать знакомыхъ, но даже переходить изъ одного этажа университетскаго зданія въ другой не дозволялось имъ безъ билета отъ инспектора. Отпускъ къ родственникамъ возлагался на какого-либо изъ его помощниковъ, на котораго и падала отвѣтственность въ случаѣ безпорядковъ. Постороннія лица могли посѣщать университетъ не иначе какъ въ праздники, по запискамъ, выдаваемыхъ отъ начальства, и свиданіе ихъ со студентами происходило въ общей комнатѣ, подъ на-

*) Магницкій руководствовался въ этомъ случаѣ слѣдующимъ высочайше утвержденнымъ 21 апрѣля 1811 года распоряженіемъ, основаніемъ которому послужила докладная записка министра графа Разумовскаго: «Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ казенныхъ воспитанниковъ и студентовъ какъ петербургскаго педагогическаго института, такъ университетовъ и другихъ высшихъ училищъ, изъ духовнаго званія и разночинцевъ, кои за развратное поведеніе и другіе проступки мѣстными начальствами будутъ выключаемы и обращаемы въ военное вѣдомство, принимать въ военную службу.»

блюденіемъ надзирателя. Каждому изъ студентовъ выдавались кондуитные списки, на которыхъ обозначались его *характеръ*, *благочестіе*, *образъ мыслей*, *наружное поведеніе*, *былъ ли наказанъ за что и чѣмъ*. «Никто изъ отмѣченныхъ на сихъ спискахъ, говоритъ инструкція, невыгоднымъ образомъ въ разсужденіи началъ и образа мыслей, не можетъ быть достоинъ никакихъ университетскихъ похвалъ и наградъ, равно какъ тѣ, которые не загладили искреннимъ раскаяніемъ и добрымъ поведеніемъ помѣщенія ихъ въ комнату исправляемыхъ. При удостоеніи наградами, книгами и медалями, директоръ приноситъ въ засѣданіе совѣта общій перечень изъ кондуитныхъ списковъ всѣхъ студентовъ, и награжденія не иначе могутъ быть распредѣляемы какъ слѣдующимъ порядкомъ: къ золотой медали баллотируются студенты, живущіе въ комнатѣ отличныхъ, къ серебряной тѣ изъ отличныхъ, которые останутся подъ баллами, а по недостатку сихъ послѣднихъ, живущіе въ комнатѣ *хорошихъ*. Посредственные могутъ получать не болѣе двухъ книгъ, — хорошіе же, сколько бы ни было ихъ назначаемо отъ разныхъ каѳедръ.»

Преподаваніе наукъ въ духѣ самаго строгаго благочестія — вотъ цѣль, къ которой, по словамъ самого Магницкаго, стремился онъ неуклонно. Достоинства профессоровъ опредѣлялись не столько ихъ познаніями, сколько тѣмъ, въ какой мѣрѣ соот-

вѣтствовало ихъ преподаваніе указанной цѣли. Преподаваніе богословія стояло на первомъ мѣстѣ, и хорошіе успѣхи въ немъ вознаграждали вполнѣ за недостаточныя свѣдѣнія въ другихъ наукахъ; золотая и четыре серебраныя медали, съ изображеніемъ девиза университета и креста съ надписью вокругъ: *во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ*, выдаваемы были, по распоряженію Магницкаго, исключительно за благонравіе и отличное знаніе богословія. Надъ всѣми каѳедрами начертана была огромными буквами надпись: «*въ злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлѣси повинномъ грѣху.*» Науки философическія преподавались, какъ доноситъ попечитель министру, въ смыслѣ обличительномъ, и даже естественное право, возбуждавшее противъ себя столько гоненій, не было совершенно исключено изъ учебнаго курса, но излагалось по нарочно составленному для этой цѣли профессоромъ Гарадчаниновымъ руководству: *Изложеніе христіанской системы естественнаго права.* Магницкій былъ сильно занятъ мыслію объ обличеніи тѣхъ началъ, которыя служили основаніемъ этой науки въ германскихъ университетахъ; любопытное тому доказательство находится, между прочимъ, въ слѣдующемъ офиціальномъ его донесеніи: «Профессоромъ Симоновымъ, по возвращеніи его изъ морскаго путешествія вокругъ свѣта, принесено въ даръ казанскому кабинету естественной исторіи много рѣдко-

стей и въ томъ числѣ съ новооткрытаго острова, одинъ значокъ начальника, прикрѣпленый къ его лодкѣ. Казанскій университетъ, воспользовавшись симъ случаемъ, сдѣлалъ разсужденіе, что значокъ сей, составляющій родъ знамени, который отличаетъ начальника жителей дикаго острова, вопреки всѣмъ неистовымъ теоріямъ естественнаго права о равенствѣ и значеніи человѣка, доказалъ, что даже открытые предъ глазами нашими дикіе, совсѣмъ иначе мыслятъ и присылаютъ намъ неоспоримый знакъ ихъ покорности естественному самодержавію *).» Всеобщую исторію предписано было излагать по извѣстному сочиненію Боссюэта и по Роллено, къ переводу котораго было приступлено, по распоряженію Магницкаго, «ибо, доносилъ онъ министру, до нынѣ нѣтъ у насъ хорошаго перевода сего классическаго творенія, которое тѣмъ необходимѣе, что изъ всѣхъ историческихъ классиковъ одно сіе основано на благочестивомъ началѣ и не ведетъ, поэтому, какъ многіе курсы изъ нынѣ преподаваемыхъ къ косвенному, но тѣмъ опаснѣйшему потрясенію священныхъ преданій, похвалами Ироду, философіи отступника Юліана и воспламененію воображенія молодыхъ людей злодѣяніями Катоновъ и Брутовъ!» Въ русской словесности предписано было обращать

*) Разсужденіе это (не болѣе какъ на полутора страницахъ) напечатано въ *Казанскомъ Вѣстникѣ* № 3, 1822 г.

почти исключительное вниманіе на духовное краснорѣчіе; чтеніе образцовыхъ произведеній ограничивалось страннымъ образомъ отрывками изъ *Псалтиря*. Римское право было отмѣнено Магницкимъ и вмѣсто него учреждена была каѳедра права византійскаго: въ послѣдствіи главное правленіе училищъ не разъ обращалось къ попечителю съ вопросомъ, что разумѣетъ онъ подъ названіемъ византійскаго права, но не могло добиться отъ него отвѣта. Любопытнѣе всего, что адъюнктъ Протасовъ, на котораго возложено было преподаваніе этой науки, не имѣлъ подъ руками никакихъ необходимыхъ для того пособій; когда донесъ онъ объ этомъ затруднительномъ обстоятельствѣ Магницкому, тотъ указалъ ему для руководства на *Кормчую Книгу!* Не смотря на всѣ представленія и отговорки Протасова, не взирая на просьбу его отложить преподаваніе византійскаго права хотя на годъ, дабы онъ могъ имѣть время выписать нѣкоторыя сочиненія по своему предмету изъ за границы, ему было приказано немедленно начать лекціи. Въ то же самое время, а именно въ 1823 году, основана была въ Казанскомъ университетѣ каѳедра конституцій англійской, французской и польской, какъ сказано было въ предписаніи Магницкаго, «съ обличительною цѣлью»,—каѳедра, которой не полагалось вовсе по уставу: въ послѣдствіи генералъ-майоръ Желтухинъ, указывая на это отступленіе отъ правилъ, присовокуплялъ, что про-

фессоръ, знакомившій своихъ слушателей съ упомянутыми конституціями, лишенъ былъ самъ существенныхъ понятій о государственномъ правѣ и обнаруживалъ на каждомъ шагу глубокое невѣжество. «Полезнѣе бы сдѣлалъ г. Желтухинъ, возражалъ на это Магницкій, ежели бы онъ удостовѣрился, *въ какомъ духѣ* предметы сіи преподаются, *ибо въ томъ только и важность*. Но онъ упустилъ сіе изъ виду.»

Изъ инструкціи ректору мы уже видѣли, съ какой точки смотрѣлъ Магницкій на преподаваніе медицины. Въ 1819 году, при ревизіи имъ Казанскаго университета, настоялъ онъ на удаленіи отъ должности профессора хирургіи Аригольда, который, по словамъ его, не зналъ латинскаго языка и даже не умѣлъ собрать остова тѣла человѣческаго. Аригольдъ лишился мѣста, но каково же было общее удивленіе, когда, въ 1825 году, Магницкій началъ ревностно хлопотать о возвращеніи ему прежней каѳедры. На запросъ министерства, чѣмъ изъяснить такой неожиданный переворотъ, поспѣшилъ онъ представить такого рода объясненіе: Магницкій разказывалъ, что когда Аригольдъ пріѣхалъ чрезъ нѣсколько времени послѣ своего выхода въ отставку въ Петербургъ, то онъ замѣтилъ весьма счастливую перемѣну не только въ его характерѣ, *но и въ самой наружности*. Бывшій профессоръ повѣдалъ ему, что «многія бѣдствія, въ теченіи пяти лѣтъ имъ испытанныя,

обратили его къ чувствамъ раскаянія и благочестія; что изучая священныя книги, писанія св. отцовъ и постановленія нашей церкви, онъ пораженъ былъ новымъ свѣтомъ, озарившимъ для него науки медицинскія, увидѣлъ ясно нечестіе, ихъ заразившее, и удостовѣрился, что всѣхъ болѣзней первая и, можетъ быть, единственная причина есть — грѣхъ, и что, слѣдовательно, никакъ нельзя ожидать успѣха отъ медицины, доколѣ она будетъ заниматься лѣченіемъ одного тѣла, не заботясь о немедленномъ исцѣленіи прежде всего души.» По увѣренію Магницкаго, Аригольдъ написалъ отличную въ этомъ смыслѣ диссертацію, которую приказано было попечителемъ принять въ руководство при преподаваніи медицинскихъ наукъ въ Казанскомъ университетѣ. Но это еще не все: прежде чѣмъ хлопотать о новомъ назначеніи для Аригольда, Магницкій настоятельно требовалъ отъ него, чтобъ онъ принялъ православную вѣру; ему удалось, наконецъ, побѣдить и это препятствіе, и самому быть воспріемникомъ новокрещеннаго. Ничто, однако, не помогло на этотъ разъ: министръ рѣшительно отвергнулъ представленную имъ просьбу на томъ соображеніи, что благочестіе можетъ врачевать душу, но едва ли исцѣлитъ оно тѣло безъ твердыхъ медицинскихъ знаній.

Не мало труда стоило бы прослѣдить, кѣмъ именно изъ профессоровъ преподавались различные предметы въ періодъ времени управленія Магницкаго: не-

ренѣщеніе ихъ съ каѳедры на каѳедру происходило безпрерывно по произволу или, лучше сказать, просто по капризу. Случалось, что иной профессоръ имѣлъ по одной и по двѣ лекціи въ недѣлю, и въ то же самое время другой (напр. профессоръ Карабълиновъ) преподавалъ за разъ шесть предметовъ: латинскій языкъ, практическую логику, исторію философскихъ системъ, чистую и прикладную логику, политическую экономію и дипломатію, соединяя въ своихъ рукахъ жалованье за всѣ эти каѳедры. Вообще отношенія Магницкаго къ преподавателямъ университета отличались весьма оригинальнымъ характеромъ: почти всѣ они были обязаны ему своимъ назначеніемъ; отъ него зависѣло вполнѣ лишить ихъ мѣста, для чего существовалъ всегда удобный предлогъ, стоило лишь заподозрить ихъ въ направленіи, несогласномъ съ истиннымъ благочестіемъ; всякій, кто дозволилъ бы себѣ дѣйствовать сколько нибудь независимымъ образомъ, подвергался всевозможнымъ, самымъ мелочнымъ преслѣдованіямъ, которыя дѣлали положеніе его невыносимымъ *). О правахъ совѣта

---

*) Послѣ извѣстной исторіи Галича, Арсеньева, Германа и Раупаха, Магницкій сильно настаивалъ въ главномъ правленіи училищъ на то, чтобы профессорамъ вмѣнено было въ обязанность представлять ежегодно подробные конспекты своихъ лекцій. Онъ видѣлъ въ этомъ надежное средство слѣдить за духомъ и направленіемъ преподаванія. Но отъ профессоровъ Казанскаго университета, во все время попечительства Магницкаго, не требовалось никогда конспектовъ. Объясняется это тѣмъ, что за ними устроенъ былъ надзоръ другаго рода, несрав-

не могло быть при этомъ и рѣчи: все дѣлалось волею Магницкаго, и огромное большинство преподавателей заботилось лишь о томъ, чтобы предугадать его волю. Интриги, происки, доносы въ средѣ этихъ лицъ, не связанныхъ между собою никакими общими цѣлями, по большей части неизвѣстныхъ другъ другу и думавшихъ лишь о томъ, чтобы какими нибудь особенными путями достичь почестей и денегъ, достигали невѣроятныхъ размѣровъ. Магницкій присвоилъ себѣ право назначать профессоровъ по собственному усмотрѣнію, лишь для формы давая объ этомъ знать совѣту; многіе изъ нихъ не имѣли никакихъ ученыхъ степеней и обязаны были полученіемъ мѣстъ покровительству сильныхъ лицъ, которымъ Магницкій старался угождать, другіе были иностранцы, съ недавнихъ поръ поселившіеся въ Россіи. Формулярный списокъ ординарнаго профессора греческой литературы, Мистаки, какъ оказа-

---

венно болѣе дѣйствительный. «Касательно направленія всѣхъ преподаваемыхъ наукъ, доносилъ ректоръ, старанось убѣдиться личнымъ, сколько можно ближайшимъ познаніемъ образа мыслей и чувствъ каждаго изъ преподавателей. Для сего стараюсь привлекать ихъ къ короткому въ своемъ домѣ знакомству и кромѣ того имѣю всегда назначенные дни для обѣдовъ и бесѣды у себя. Симъ средствомъ, *въ свободѣ приватныхъ и пріятныхъ отношеній*, въ коихъ открывается безъ принужденія образъ мыслей каждаго, могу легче узнать направленіе ихъ мыслей, гораздо [illegible] нежели въ конспектѣ, часто изъ чуждыхъ разсужденій [illegible] и не всегда довольно надежномъ, ибо преподаватель легко въ самомъ преподаваніи отъ него удалиться можетъ.»

лось, составленъ былъ съ его же словъ: въ формуляръ этомъ значилось, что Мистаки занимался преподаваніемъ уроковъ въ Константинополѣ, а потомъ былъ домашнимъ учителемъ въ домѣ Ипсиланти, отъ котораго получилъ въ награду табакерку. Все это зачтено было ему въ службу, и, вмѣстѣ съ званіемъ ординарнаго профессора, Магницкій выхлопоталъ ему чинъ 7 класса. Щедро сыпалъ попечитель наградами на тѣхъ, которые обладали искусствомъ угождать ему, но за то онъ дѣлался личнымъ врагомъ всякаго, кто предъявлялъ притязанія на самостоятельный образъ дѣйствій. Много сохранилось этому примѣровъ, познакомить съ которыми мы считаемъ не лишнимъ нашихъ читателей, ибо въ нихъ весьма рельефно рисуются какъ характеръ Магницкаго, такъ и нравы того времени.

Любопытны отношенія Магницкаго къ профессору Жобару: изъ нихъ возникъ цѣлый процессъ, тянувшійся нѣсколько лѣтъ и восходившій до правительствующаго сената. Кто такой былъ Жобаръ и чѣмъ составилъ онъ себѣ извѣстность, объ этомъ не имѣли никакого понятія въ Казанскомъ университетѣ до тѣхъ поръ, пока не явился онъ туда на каѳедру греческой и латинской словесности съ удвоеннымъ окладомъ содержанія. Магницкій узналъ его въ Петербургѣ и въ представленіи своемъ министру выразился о немъ слѣдующими словами: «я представляю самое вѣрное ручательство за благочестивый

образъ мыслей Жобара. Между тѣмъ какъ нѣтъ ничего труднѣе, какъ принудить славныхъ эллинистовъ дать предпочтеніе Іоанну Златоусту предъ писателями языческими, Жобаръ преподавать будетъ греческую и латинскую словесность согласно съ инструкціей ректора Казанскаго университета, по Евангелію и писаніямъ св. отцовъ, съ требуемымъ отъ него изъясненіемъ христіанскихъ древностей, и будетъ исполнять сіе не по принужденію, а по собственному чувству.» «Хотя, прибавилъ Магницкій, климатъ въ Казани очень вреденъ и не существуетъ тамъ церкви католическаго исповѣданія... Жобаръ ко всѣмъ симъ пожертвованіямъ влечется одною довѣренностью, что въ Казанскомъ университетѣ просвѣщеніе утверждено на благочестіи.» Прибывъ въ Казань въ началѣ 1822 года, Жобаръ умѣлъ себѣ пріобрѣсти тамъ вскорѣ сильное вліяніе; онъ находился въ перепискѣ съ попечителемъ, онъ считался довѣреннымъ его лицомъ: этого было довольно, чтобы все предъ нимъ преклонялось и заискивало его расположенія. Дѣла шли для Жобара какъ нельзя лучше, когда въ слѣдующемъ году поручено было ему лѣтомъ осмотрѣть гимназію и училища Астраханской губерніи: съ этого-то времени и начинается распря его съ попечителемъ, — распря, перешедшая въ непримиримую, отчаянную вражду, которая заставляла ихъ прибѣгать ко всякимъ средствамъ для того, чтобы повредить другъ другу. Жобаръ открылъ вопіющія зло-

употребленія въ вѣдомствѣ астраханскихъ училищъ: директоръ училищъ не могъ объяснить употребленія значительной суммы денегъ; своимъ поведеніемъ и публичнымъ своимъ сожительствомъ съ женщиною, болѣе чѣмъ сомнительной репутаціи, подавалъ онъ дурной примѣръ воспитанникамъ, представилъ много фальшивыхъ расписокъ и т. д. Жобаръ обнаружилъ всѣ эти злоупотребленія, но по всему видно, что онъ взялся за дѣло грубо, вмѣшалъ въ него полицію, позволялъ себѣ говорить дерзости и директору, и преподавателямъ, и приказывалъ даже подвергать жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ учениковъ въ присутствіи ихъ родственниковъ: не извѣстно по какой причинѣ, — потому ли, что дѣйствуя произвольно самъ, Магницкій не выносилъ произвола со стороны другихъ, или потому, что онъ поддался проискамъ членовъ университета, которые по загадочнымъ для насъ причинамъ покровительствовали астраханскому директору и старались выгородить его изъ непріятной исторіи, — но только онъ далъ тотчасъ же почувствовать свое неудовольствіе Жобару:

Je suis *), писалъ онъ, à la fois content et mécontent de votre révision d'Astracan, content de votre zèle, de votre fermeté et de votre sincérité; mé-

*) Въ одно и тоже время я и доволенъ и не доволенъ вашею астраханскою ревизіей,— доволенъ вашимъ рвеніемъ, твердостью и прямодушіемъ; не доволенъ вашею неопытностью, вашимъ избыткомъ здоровья, которое, разгорячая васъ, побуждаетъ дѣйствовать съ безпо-

content de votre inexpérience, de votre grande sante, qui en vous échauffant vous fait agir avec une violence inutile et vous fait outrepasser les pouvoirs d'un visiteur. De sorte qu'officiellement je vous en remercierai, mais, dans ma lettre privée je vous gronderai, et je puis vous assurer que tout moine que vous êtes, vous ne priez pas du tout ou vous priez mal en faisant vos commissions. Pourquoi appeler la police ? Pourquoi faire des exécutions, surtout publiques ? Un visiteur, est il le bourreau des parents ? Quelle est la cause de cette conduite extraordinaire, — vous n'en dites pas un mot. Est ce un simple moyen d'inspirer l'obéissance ? Vous ne

---

лезнымъ произволомъ и преступать права визитатора. Офиціально я буду васъ благодарить, но въ частномъ письмѣ пожурю, и могу васъ увѣрить, что, при всемъ монашествѣ вашемъ, вы вовсе не молитесь или молитесь мало при исполненіи возложенныхъ на васъ порученій. Зачѣмъ было звать полицію? Зачѣмъ прибѣгать къ наказаніямъ, особенно публичнымъ? Развѣ визитаторъ палачъ родителей? Что за причина такого необычайнаго поведенія, — вы не говорите объ этомъ ни слова. Развѣ таково простое средство внушить повиновеніе? Вы не потрудились прочесть ни инструкціи визитаторамъ, ни постановленія объ училищахъ. Какъ это называется? Надѣюсь, что всѣ эти прелести не будутъ представлены мнѣ офиціально, и что это останется между нами. Поменьше горячности, побольше молитвы и особенно симпатіи! Весьма благодарю васъ за общее изображеніе астраханской дирекціи и постараюсь ввести тамъ порядокъ. Я хорошо знаю N. и не желаю ничего лучше, какъ предоставить ему мѣсто M. Я ему предложу его. Что такое третій директоръ, котораго вы подчеркнули? Не почтенный ли это N.? Объясните это мнѣ подробно, я не могу писать вамъ болѣе.»

vous êtes pas donné la peine de lire ni l'instruction aux visiteurs, ni le règlement des écoles. Comment cela se nomme-t-il? J'espère que toutes ces belles choses ne me parviendront pas officiellement et que cela restera entre nous. Moins de chaleur, plus de prière et surtout d'humilité. Je vous remercie beaucoup du tableau général de la direction d'Astracan et je tâcherai d'y mettre ordre. Je connais très bien N. et je ne demande pas mieux que de lui donner la place de M. Je la lui proposerai. Qu'est ce que c'est que le troisième directeur, que vous soulignez? N'est ce pas le vénérable N.? Expliquez moi cela clairement. Je ne puis vous écrire davantage.» Такъ какъ самъ Жобаръ не могъ сообщить неблагопріятныхъ свѣдѣній о своихъ подвигахъ, то очевидно изъ письма, что Магницкій узналъ ихъ другимъ путемъ, чрезъ лицъ, которыя недоброжелательствовали рьяному визитатору. По возвращеніи своемъ въ Казань, Жобаръ тотчасъ же замѣтилъ, что обращеніе съ нимъ его сотоварищей рѣзко измѣнилось: они не заискивали уже въ немъ, какъ прежде; они считали вліяніе его поколебавшимся; его требованія, его нерѣдко странныя притязанія встрѣчали отпоръ въ большинствѣ совѣта. Жобаръ началъ мстить своимъ врагамъ тѣмъ, что не оставлялъ безъ протеста ни малѣйшаго уклоненія ихъ отъ законнаго порядка, поднималъ шумъ всякій разъ, когда открывались злоупотребленія и мелкія интри-

ги, и не удивительно, что вслѣдствіе того начался цѣлый рядъ скандальныхъ исторій, какъ случается всякій разъ, когда является безпокойный человѣкъ въ счастливой средѣ, гдѣ, по пословицѣ, все было до тѣхъ поръ шито и крыто. Возвратившись въ Казань, Жобаръ замѣтилъ, во первыхъ, что пользуясь его отсутствіемъ, было принято въ университетъ много студентовъ, которые не имѣли понятія о латинскомъ языкѣ: онъ настаивалъ на необходимости подвергнуть ихъ новому экзамену и встрѣтилъ противодѣйствіе. Въ основаніи Жобаръ былъ почти всегда правъ, но къ вопросамъ серіознымъ онъ нерѣдко примѣшивалъ мелкія, часто нелѣпыя и смѣшныя притязанія, обнаруживалъ безмѣрное самолюбіе которымъ пользовались его недоброжелатели, чтобы поселять въ немъ раздраженіе. Однажды, напримѣръ, представлялъ онъ университетскому совѣту подарокъ учителя персидскаго языка въ астраханской гимназіи — нѣсколько куколокъ и сѣмянъ шелковичныхъ червей; выраженіе, употребленное имъ, semence de vers à soie показалось неправильнымъ профессору Э., который утверждалъ, что нужно употребить вмѣсто него: œufs de vers à soie. Отсюда возникъ жаркій споръ. «Non calles linguam gallicam,» кричалъ Э. Жобару; «exhala crapulam tuam,» повторялъ онъ ему, выражая въ то же время готовность прозакладывать тысячу рублей противъ двухъ копѣекъ, въ доказательство

справедливости своихъ словъ. Жобаръ поспѣшилъ принести нѣсколько французскихъ лексиконовъ и ссылался на нихъ, что выраженіе: semence de vers à soie, совершенно правильно. Кто могъ бы подумать, что спору этому суждено было разростись въ огромное дѣло съ криминальнымъ характеромъ? Жобаръ обратился съ формальнымъ требованіемъ къ совѣту, чтобы взыскана была съ Э. прозаложенная имъ тысяча рублей, которую онъ великодушно жертвовалъ въ пользу училищъ; въ то же самое время онъ возводилъ на Э. ни болѣе, ни менѣе какъ обвиненіе *въ оскорбленіи величества*, ибо Э. заподозрилъ его въ незнаніи французскаго языка, тогда какъ онъ получилъ отъ императрицы золотую табакерку за усердную службу свою въ женскихъ петербургскихъ училищахъ. Въ то же самое время случилась другая непріятная исторія. Жобаръ предложилъ преподавать безвозмездно французскій языкъ воспитанникамъ гимназіи по особенной методѣ, которую называлъ онъ почему-то методою математическою; предложеніе было принято, но съ условіемъ, чтобъ объяснилъ онъ достоинства своей системы передъ особымъ комитетомъ изъ профессоровъ и учителей, куда были призваны и нѣкоторые гимназисты, дабы они могли засвидѣтельствовать, на сколько новое преподаваніе кажется имъ понятнымъ. Все это приняло характеръ экзамена, весьма унизительнаго для Жобара: ему дѣлали вопросы, доказывавшіе

неувѣренность въ его познаніяхъ и клонившіеся, по малой мѣрѣ, къ тому, чтобы вывести его изъ терпѣнія. Главнымъ противникомъ Жобара былъ профессоръ философіи Сергѣевъ, получившій каѳедру по назначенію Магницкаго, не имѣя никакой ученой степени; Сергѣевъ разыгрывалъ въ это время нѣкоторымъ образомъ роль Яковкина, обвиненнаго въ 1819 году въ *угнетеніи* университета, съ тою только разницей, что онъ былъ послушнымъ орудіемъ попечителя, который употреблялъ его для своихъ цѣлей. Отношенія Сергѣева къ студентамъ, по поводу переводныхъ экзаменовъ съ одного курса на другой, бросали на него весьма неблаговидную тѣнь; Жобаръ безпощадно обнаруживалъ его злоупотребленія, вслѣдствіе чего вражда между ними сдѣлалась непримиримою. Сергѣевъ, въ полномъ засѣданіи совѣта, грозилъ Французу «кнутомъ и Сибирью», а тотъ обращался къ нему съ письмами, въ которыхъ говорилъ, что онъ не заслуживаетъ ничего, кромѣ глубокаго презрѣнія. Дѣло дошло до того, что когда приходилось обсуждать нѣкоторыя мѣры, не отличавшіяся особенною законностію, Сергѣевъ, въ качествѣ секретаря совѣта, присвоилъ себѣ право не пускать Жобара въ засѣданія; слѣдствіемъ всего этого были яростныя схватки между двумя противниками, при чемъ они не скупились на самыя безцеремонныя и не лестныя выраженія другъ противъ друга. Жобаръ громко вопилъ, что подобными

средствами отнимается у него возможность «служить усердно императору Александру, спасителю Франціи, его отечества, и слѣдовательно, служить волѣ небеснаго Держителя». Описывая одну изъ упомянутыхъ выше сценъ, директоръ университета замѣчаетъ, что «лицо Жобара, и въ спокойномъ положеніи всегда красное, горѣло; глаза были мутны, какъ у человѣка готовящагося къ битвѣ, а голосъ гремѣлъ какъ у оратора въ народномъ собраніи,» и прибавляетъ, что у него самого «трепетало сердце при этомъ страшномъ зрѣлищѣ.» Прекращеніе всѣхъ этихъ раздоровъ лежало, разумѣется, прямо на обязанности ректора, но, къ сожалѣнію, профессоръ Фуксъ, занимавшій эту должность, былъ крайне слабаго характера, не пытался ни разу прекратить злоупотребленія, господствовавшія въ университетѣ, и страшился возстать противъ авторитета Сергѣева. Жобаръ въ свою очередь не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія.

«Внутреннія страданія нашего совѣта, писалъ Фуксъ Магницкому, отъ 11 февраля 1821 года, увеличиваются постепенно, и смѣю утвердительно сказать, что онѣ не прекратятся дотолѣ, пока Жобаръ будетъ членомъ его. Позвольте вашему превосходительству, по долгу моему, по крайней мѣрѣ келейно говорить откровенно о томъ человѣкѣ, который обманчивымъ характеромъ и, повидимому, откровеннымъ обращеніемъ исторгнулъ у васъ милостивое

расположеніе: *можетъ быть, онъ сдѣлается вреднымъ для васъ самихъ*. И я любилъ его: онъ былъ другомъ моего дома дотолѣ, пока свирѣпства страстей его не обнаружили противоположную сторону его характера. Мщеніе его неукротимо. Не говоря о поступкѣ его съ Эйхвальдомъ, упомяну только о всѣмъ извѣстной распрѣ его съ директоромъ: онъ поклялся выгнать директора или заслужить изгнаніе его изъ Россіи. Образчикъ его бумагъ по сему дѣлу препровождаю къ вамъ въ подлинникѣ съ особеннымъ протоколомъ, котораго многіе не хотѣли подписать: я не могъ принудить его принять эти бумаги обратно. Теперь побуждаюсь къ этому тѣмъ болѣе, что онъ громко далъ честное слово Суровцову (профессору русской словесности), при выходѣ изъ совѣта, что онъ будетъ писать объ этомъ его сіятельству (то есть князю А. Н. Голицыну). Вамъ извѣстно дѣло изъ предъидущаго письма моего. Можете ли почесть виновнымъ совѣтъ въ томъ, что онъ удовлетворялъ требованіямъ Жобара, позволилъ ему лично изъяснить методу, вмѣсто простаго разсмотрѣнія его тетрадей, и позволилъ ему пригласить кого пожелаетъ изъ постороннихъ лицъ? И онъ жалуется, что сдѣлано его лицу неблагопристойное испытаніе, которому подвергся онъ съ христіанскимъ смиреніемъ! Профессоръ Сергѣевъ дѣлалъ при этомъ рѣзкія замѣчанія, и особливо когда Жобаръ ссылался на свои аттестаты и благоволеніе госуда-

рыни вдовствующей императрицы. Между прочимъ онъ замѣтилъ, что постыдно ординарному профессору университета доказывать превосходство своей методы аттестатами хорошаго исправленія должностей своихъ въ нижнихъ училищахъ, а еще болѣе употреблять во зло монаршее благоволеніе и даже оскорбительно для высокаго лица монархини выставлять милость ея величества вмѣсто доказательствъ при ученыхъ спорахъ. Жобаръ поклялся мстить и низвергнуть Сергѣева, ибо, кажется, онъ боится его. Послѣ прошедшаго засѣданія, онъ поклялся одному изъ нашихъ сочленовъ употребить всѣ мѣры къ отмщенію и, если возможно, къ погубленію его. Онъ даже думаетъ обвинять его предъ его сіятельствомъ *въ оскорбленіи величества*. Вообще Жобаръ, какъ самъ иногда сознается, живетъ здѣсь для того, чтобы спокойнѣе жить во Франціи, не прочитъ себя для Россіи, не страшится ничего, ибо самое большее для него, какъ иностранца, препровожденіе за границу; тогда онъ спокойно поѣдетъ въ свое отечество, и потому не можетъ страшиться никакихъ мѣръ на удовлетвореніе своей мстительности. Я рѣшился съ этого времени всѣ возмутительныя его бумаги препровождать къ вамъ въ подлинникѣ съ описаніемъ его поведенія. Что касается лично до меня, то я нисколько не оскорбляюсь тѣми дерзкими словами, которыми онъ побуждаетъ меня пустить въ ходъ его бумагу противъ

директора.... Простите, ваше превосходительство, если этимъ откровеннымъ письмомъ причинилъ вамъ неудовольствіе; я почелъ нужнымъ увѣдомить васъ партикулярно обо всемъ происходившемъ и не дѣлать формальнаго представленія. Жобаръ презираемъ во всемъ городѣ; въ лучшихъ домахъ затворены ему двери. Онъ думаетъ и долженъ будетъ оставить университетъ, но не прежде, пока въ полной мѣрѣ удовлетворитъ своей мстительности. Позвольте еще разъ увѣрить ваше превосходительство, что единственнымъ побужденіемъ сему письму остается всегдашнее усердіе къ моей должности и искреннее желаніе сдѣлать добро университету. Но я всегда сохраню въ себѣ тѣ же чувства совершенной преданности и высокопочитанія, съ которыми, и проч.»

Въ другомъ письмѣ своемъ, нѣсколько позднѣе, ректоръ говорилъ: «Буря нашего университета продолжается. Волненіе умовъ сильно колеблетъ наше спокойствіе, но бурный вѣтеръ летитъ къ вамъ въ столицу, гдѣ, безъ сомнѣнія, встрѣтитъ сопротивленіе и потеряетъ свою вредительную силу.» Послѣдними словами намекалось на отъѣздъ Жобара въ Петербургъ. Въ апрѣлѣ 1824 г. Магницкій, запретивъ пылкому профессору участвовать въ университетскихъ собраніяхъ, предписалъ составить подъ предсѣдательствомъ ректора коммиссію для изслѣдованія его поступковъ и принесенныхъ на него жалобъ: коммиссія открыла засѣданія, но вела дѣло весьма

странно, — она обвиняла Жобара по многимъ тайнымъ доносамъ на него, отказываясь, однако, сообщить ему отъ кого шли эти доносы и не дозволяя ему даже ознакомиться въ подлинникѣ съ ихъ содержаніемъ. Тогда-то обвиненный поспѣшилъ въ Петербургъ, для личныхъ объясненій съ попечителемъ. Онъ не былъ имъ принятъ, и уже стороною узналъ, что сдѣлано представленіе министру, въ которомъ Магницкій, изобразивъ самыми мрачными красками дѣятельность Жобара въ послѣднее время, утверждалъ положительно, что онъ *сошелъ съ ума*, и потому предлагалъ немедленно удалить его изъ университета. Главнѣйшимъ поводомъ къ послѣднему обвиненію послужило слѣдующее обстоятельство: не будучи въ состояніи добиться свиданія съ Магницкимъ, но все таки не теряя надежды оправдаться предъ нимъ, Жобаръ подалъ просьбу о продолженіи ему отпуска. Однажды зашелъ онъ въ канцелярію попечителя, чтобъ узнать, въ какомъ положеніи это дѣло, но письмоводитель Чашниковъ, вмѣсто всякаго отвѣта, требовалъ, чтобъ онъ тутъ же, на мѣстѣ, написалъ прошеніе объ отставкѣ, при чемъ «ругалъ его низкими словами и въ заключеніе, призвавъ дворника, приказалъ вывести его изъ комнаты.» Понятно, что при этомъ произошла сцена въ высшей степени скандальная. Такъ какъ скрыть ее было не возможно, то Магницкій и заключилъ упомянутое нами выше представленіе мини-

стру (а въ должность эту только что назначенъ былъ Шишковъ) слѣдующими словами: «Увѣренъ будучи, что профессоръ Жобаръ предстанетъ къ вашему высокопревосходительству, я надѣюсь, что вы лично въ несообразности его поступковъ и *разстройствѣ идей* удостовѣриться изволите.» Дѣло, впрочемъ, могло бы послѣ того уладиться, такъ какъ Жобаръ, убѣдившись въ невозможности остаться въ Казанскомъ университетѣ, подалъ, наконецъ, просьбу объ отставкѣ; но Магницкій вознамѣрился преслѣдовать его до конца. «Между тѣмъ какъ представилъ я, писалъ онъ въ университетъ, г. министру народнаго просвѣщенія объ увольненіи ординарнаго профессора Жобара, подалъ онъ самъ о семъ лично его высокопревосходительству прошеніе, по коему и уволенъ вовсе съ аттестатомъ; разумѣя подъ аттестатомъ Жобару слѣдующее токмо засвидѣтельствованіе о службѣ его въ Казанскомъ университетѣ, безъ одобренія поведенія, которое по извѣстнымъ совѣту дѣламъ не заслуживаетъ похвалы, я предлагаю сдѣлать о семъ надлежащее распоряженіе.» Министръ А. С. Шишковъ возсталъ противъ этого рѣшенія; онъ требовалъ настоятельно, чтобы въ аттестатѣ упомянуто было о службѣ увольняемаго; тогда университетъ, по указанію Магницкаго, опредѣлилъ «изготовить для Жобара аттестатъ съ прописаніемъ, что безпокойный нравъ и грубости его были всегда причиною шумныхъ за-

сѣданій совѣта.» Снова возникли просьбы, жалобы, обвиненія, которыя не прекращены были даже ревизіей генералъ-майора Желтухина, ибо въ последствіи Жобаръ началъ преслѣдовать Магницкаго судебнымъ порядкомъ, но мы не остановимся на дальнѣйшемъ развитіи дѣла, такъ какъ оно не относится непосредственно къ нашей цѣли *).

Еслибы исторія профессора Жобара представлялась исключительнымъ явленіемъ въ лѣтописяхъ тогдашняго Казанскаго университета, еще можно было бы объяснять ее безпокойнымъ и взбалмошнымъ характеромъ этого человѣка, за «благочестивыя правила» котораго, впрочемъ, самъ Магницкій ручался въ прежнее время такъ горячо. Но когда мы видимъ, что возникаетъ одновременно цѣлый рядъ подобныхъ исторій, что на ряду съ *дѣломъ* Жобара размножаются *дѣла*, въ которыхъ замѣшана бóльшая часть преподавателей, что доносы, жалобы, грязныя интриги достигаютъ невѣроятныхъ размѣровъ, то не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а въ цѣломъ существовавшемъ порядкѣ нужно искать, по необходимости, разгадку этихъ безобразныхъ и грустныхъ явленій. Объясняются они ничѣмъ инымъ, какъ насильственнымъ вторженіемъ въ среду университетской корпо-

---

*) Одна только *Записка по дѣлу профессора Жобара, составленная въ комитетѣ объ изслѣдованіи сего дѣла,* заключаетъ не менѣе 936 стр.; кромѣ того находится огромная кипа другихъ бумагъ по тому же самому предмету.

раціи такихъ лицъ, которыя не имѣли никакихъ законныхъ правъ получить въ ней мѣсто; объясняются они произволомъ, господствовавшимъ надъ всѣми рѣшеніями, произволомъ, требовавшимъ безусловнаго предъ собою преклоненія и обрушавшимся невыносимыми гоненіями на всѣхъ, кто позволилъ себѣ сколько нибудь самостоятельный образъ дѣйствій. Въ одно время съ Жобаромъ, профессоръ русской словесности Суровцовъ разказывалъ длинную эпопею своихъ страданій: вся вина его состояла въ томъ, что онъ жилъ на одной квартирѣ съ профессоромъ Пальминымъ, что Пальминъ находился въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ Жобаромъ, и что по этому самому Суровцовъ причисленъ былъ къ партіи, враждебной Сергѣеву и, слѣдовательно, попечителю. Сначала обращался онъ съ жалобами къ ректору, который постоянно отвѣчалъ ему лишь одно: «Что же мнѣ дѣлать? Я не могу остановить Сергѣева въ его неприличныхъ и дерзкихъ поступкахъ и въ совѣтѣ, и на сторонѣ, потому что мнѣ именно предписано отъ попечителя во всемъ держаться и слушаться его. Сергѣевъ очень силенъ.» Когда, въ 1824 году, Магницкій, назначилъ Сергѣева (не имѣвшаго, какъ уже упоминали мы выше, никакой ученой степени) ординарнымъ профессоромъ, и предписалъ вмѣстѣ съ тѣмъ совѣту заявить, что происходило по этому поводу законное избраніе, то Суровцовъ одинъ имѣлъ мужество возстать про-

тивъ подобнаго вопіющаго уклоненія отъ устава. Письмоводитель Чашниковъ писалъ тогда къ нему изъ С.-Петербурга, чтобы онъ измѣнилъ свои отношенія къ Сергѣеву, — иначе долженъ ожидать «весьма худыхъ для себя послѣдствій.» Суровцовъ не взялъ, однако, назадъ своего протеста, — а тутъ подоспѣла исторія съ аттестатомъ Жобара, котораго онъ не хотѣлъ скрѣпить, находя его неправильно составленнымъ. По прибытіи своемъ въ Казань, Магницкій желалъ вынудить отъ него обратно письмо Чашникова и настаивалъ на безпрекословномъ удовлетвореніи всѣхъ своихъ прежнихъ требованій. «Онъ позвалъ меня особо въ кабинетъ, пишетъ Суровцовъ, гдѣ послѣ многихъ угрозъ и ругательствъ требовалъ, чтобъ тотчасъ подписанъ былъ аттестатъ, стращая меня властію, силою и даже именемъ государя.» Въ то же самое время, продолжаетъ онъ, «профессора Карабліновъ и Сергѣевъ съ криками обращались ко мнѣ, говоря, что я топлю начальство, топлю университетъ и окончили ругательствомъ, назвавъ меня *безсовѣстнымъ*» *). Устрашенный всѣмъ этимъ, Суровцовъ уступилъ, желая, по выраженію его, «успокоить злобу,» но одумавшись онъ немедленно изложилъ вслѣдъ за тѣмъ все дѣло въ подробной запискѣ ревизору, генералу Желтухину. Упо-

*) Не слѣдуетъ забывать, что въ это время генералъ Желтухинъ уже приступалъ къ ревизіи университета.

мянувъ объ исторіи Жобара и Суровцова, намъ слѣдовало бы заняться теперь разсмотрѣніемъ еще болѣе запутанныхъ тяжебныхъ дѣлъ профессоровъ Городчанинова и Пальмина: мы не дѣлаемъ этого единственно потому, что утомительно было бы для читателя слѣдить за всѣми этими темными интригами, доносами, составленіемъ фальшивыхъ протоколовъ, обвиненіями другъ друга во взяточничествѣ и т. д. Никогда еще ни одинъ изъ университетовъ нашихъ не представлялъ столь жалкаго, постыднаго зрѣлища, и велика была отвѣтственность лицъ, которыя довели его до подобнаго положенія.

Всякая литературная и научная дѣятельность пріостановилась въ Казани въ періодъ управленія Магницкаго. Не появилось ни одного труда, который заслуживалъ бы серіознаго вниманія публики, но въ замѣнъ того задумано было нѣсколько произведеній, при составленіи которыхъ имѣлось въ виду единственно угодить тенденціямъ попечителя, которыя составлялись по его программѣ, и которымъ заранѣе расточалъ онъ похвалы, какъ чему-либо необыкновенному. Такъ, напримѣръ, говорилъ онъ въ своемъ отчетѣ по университету за 1822 годъ: «По духу и жизни примѣрный наставникъ, профессоръ Бажановъ, совершенно вникнувъ въ цѣль преподаванія всеобщей исторіи, трудится по проекту, мною одобренному, надъ сочиненіемъ такого курса оной, какого мы еще не имѣемъ; ибо выводя всю досто-

вѣрность разсѣянія народовъ и исторій первыхъ монархій единственно изъ книгъ священныхъ, во всѣхъ переворотахъ царствъ земныхъ указываетъ онъ высшее вожденіе человѣчества къ единой цѣли его спасенія.» Между тогдашними профессорами Симоновъ, преподававшій астрономію, совершилъ въ 1820 году кругосвѣтное путешествіе и обладалъ дѣйствительно обширными познаніями. Магницкій не упускалъ случая выставлять его впередъ всякій разъ, когда желалъ гордиться учеными заслугами университета, но и тутъ большую часть достоинствъ этого профессора приписывалъ онъ себѣ, то есть тому направленію, котораго онъ былъ распространителемъ. «Г. Симонову, говорилъ онъ, дѣлаетъ честь преимущественно то, что онъ первый изъ ученыхъ нашихъ, занимающихся астрономіей, взглянулъ на нее съ истинной точки зрѣнія и истребляетъ въ слушателяхъ своихъ пагубную мысль, которую стараются нынѣ распространять авторы, повторяющіе выраженіе *Механики небесной*, что міроzданіе есть какъ бы машина, разъ навсегда созданная и заведенная. Ибо сія пагубная мечта служитъ уже основаніемъ новѣйшихъ философическихъ системъ, допускающихъ эфирный матеріализмъ и даже пантеизмъ.» Ученыя предпріятія всякаго рода занимали, впрочемъ, Магницкаго, но всѣ они носили характеръ фантазій, которымъ никогда не суждено было осуществиться. Въ отчетѣ своемъ за 1822 годъ рисуетъ онъ цѣлый рядъ

плановъ, задуманныхъ имъ для славы Казанскаго университета: въ Астрахани предполагалъ онъ устроить институтъ восточныхъ языковъ, гдѣ могли бы получить образованіе преимущественно чиновники для коллегіи иностранныхъ дѣлъ; онъ намѣревался «поставить университетъ въ сношенія съ учеными сословіями Индіи,» возложить на него собираніе свѣдѣній объ ученіи Браминовъ, «указавъ источникъ послѣдняго въ преданіяхъ патріарховъ и апостоловъ, въ Индіи сохранившихся; и не только отвратить тѣ вредныя понятія, кои невѣріемъ вѣка выведены изъ языка санскритскаго, въ опроверженіе святаго библейскаго откровенія, но, можетъ быть доказать Европѣ свѣдѣніями положительными и письменными, отъ самихъ Браминовъ полученными, что каста ихъ не что иное есть, какъ общество, соединенное преданіями патріарховъ и освященное преданіями апостольской же проповѣди въ Индіи; къ чему служитъ поводомъ названіе Брамы, отъ имени Абрама тѣмъ съ большимъ основаніемъ производимое, что по ученію Браминовъ и жена Брамы называлась Сара-Веда, то есть госпожа Сара.» Магницкій мечталъ объ основаніи близкихъ сношеній съ Самаркандомъ, для чего хотѣлъ воспользоваться вліяніемъ оренбургскаго муфтія: онъ составлялъ планы для распространенія образованія между дикими народами Кавказа и Сибири; онъ намѣревался отправить ученую экспедицію въ армянскіе монасты-

ря Грузіи и Персіи, гдѣ должны были храниться, по мнѣнію его, и многія утерянныя произведенія латинскихъ классиковъ.» Все это были, разумѣется, праздныя мечты, и главное правленіе училищъ оцѣнило ихъ по достоинству, замѣтивъ, что «въ отчетѣ г. Магницкаго по Казанскому округу, усматриваются большею частью только предположенія на будущее время и находится очень мало свѣдѣній о томъ, что̀ сдѣлано; что ученыя предпріятія, безъ сомнѣнія, похвальны и полезны, но они требуютъ свѣдущихъ лицъ и значительныхъ издержекъ, между тѣмъ, какъ университетъ долженъ употреблять своихъ преподавателей наукъ и свои суммы преимущественно на приведеніе самого себя въ совершенное состояніе.» Главное правленіе училищъ успокоивало Магницкаго мыслію, что удобнѣе было бы предоставить изученіе языка и вѣрованій Браминовъ Англичанамъ, которымъ принадлежатъ обширныя владѣнія въ Остъ-Индіи и которые учредили уже для этой цѣли особое общество подъ названіемъ: *Asiatic Society*. Ничто, впрочемъ, не показываетъ, чтобы Магницкаго сильно волновала мысль о цивилизаціи дикихъ народовъ Кавказа и Сибири или объ открытіи утраченныхъ сокровищъ Тита Ливія и Тацита: въ то время какъ услаждалъ онъ себя этими мечтами, Казанскій университетъ продолжалъ влачить жалкое существованіе; слава его, въ извѣстномъ отношеніи, была до такой степени распространена,

что всякій тщательно избѣгалъ представлять свои сочиненія на разсмотрѣніе цензурнаго его комитета, и единственное литературное изданіе въ Казани, *Казанскій Вѣстникъ*, приняло характеръ духовнаго журнала и наполнялось проповѣдями или краткими разсужденіями на различные тексты писанія. Общество любителей естественной исторіи совершенно пріостановило свою дѣятельность.

Въ прекрасной статьѣ Н. А. Попова, о которой мы упоминали выше, сообщено достаточно свѣдѣній о распространеніи изданій библейскаго общества въ Казанскомъ округѣ. Самъ Магницкій, еще до поступленія своего на службу по министерству народнаго просвѣщенія, принялъ на себя званіе члена симбирскаго его отдѣленія; сдѣлавшись попечителемъ, вступивъ въ близкія сношенія съ княземъ А. Н. Голицынымъ, онъ ничѣмъ не могъ заявить своей преданности новому покровителю, какъ ревностнымъ споспѣшествованіемъ дѣятельности общества. Не выписывая почти никакихъ книгъ для университетской библіотеки, онъ пріобрѣлъ, однако, для нея на 10,000 руб. Библій и Новыхъ Завѣтовъ въ русскомъ переводѣ; каждый изъ студентовъ обязанъ былъ имѣть у себя эти изданія. *Казанскія Извѣстія* и *Казанскій Вѣстникъ* печатали рѣчи и отчеты библейскаго общества, сообщали свѣдѣнія о подобныхъ же обществахъ европейскихъ, въ училищахъ происходили безпрерывно сборы пожертвованій въ его пользу.

И все это прекратилось разомъ, какъ скоро въ 1824 году князь А. Н. Голицынъ покинулъ министерство; впослѣдствіи, разбирая дѣятельность Магницкаго, главное правленіе училищъ обратило особенное вниманіе на этотъ крутой и рѣзкій переворотъ въ его образѣ дѣйствій.

Посѣтивъ Казань въ 1829 году, Магницкій произнесъ тамъ слѣдующую рѣчь, замѣчательную во многихъ отношеніяхъ:

«Господа члены университета! Законоучители, блюстители христіанской нравственности и благочинія, преподаватели высшихъ познаній во всѣхъ родахъ наукъ и словесности!

«Проведя слишкомъ три недѣли въ ежедневныхъ самыхъ строгихъ испытаніяхъ студентовъ и воспитанниковъ гимназій, почти по 10 часовъ каждый день продолжавшихся; вникая по жительству моему въ самомъ университетѣ, во всѣ подробности онаго, я могу сказать безъ преувеличенія, что осмотрѣлъ университетъ внимательно, изучилъ самый внутренній ходъ его учебнаго, нравственнаго и полицейскаго управленія; знаю не только лица, въ разныхъ частяхъ сего управленія дѣйствующія, но и каждаго студента, въ чемъ и ссылаюсь на васъ самихъ. Могу сказать, что видѣлъ университетъ, и университетъ единственный по своему достоинству, по отличнымъ способностямъ, по высокимъ познаніямъ лицъ, почтенное сословіе его составляющихъ; едини-

ственный по доброму духу преподавателей, по личной и всему городу, предъ которымъ смѣло говорю сіе, извѣстной ихъ нравственности и благоповеденію; единственный по доброму духу, благонравію, скромности, образованности и отличнымъ успѣхамъ во всѣхъ полезныхъ знаніяхъ студентовъ. Здѣсь родители и родственники ихъ, — я на нихъ ссылаюсь; здѣсь начальство губерніи, — я имъ свидѣтельствуюсь.

«Изъ числа 91 студента, по самомъ строгомъ изслѣдованіи, найдено семь, почти равно достойныхъ золотой медали, положенной за отличные во всѣхъ классахъ успѣхи, украшающіеся основательнымъ познаніемъ закона Божія и христіанскою нравственностію. Сегодня прочтены публично имена ихъ. Найдено, сверхъ того, во всѣхъ отношеніяхъ хорошихъ и весьма хорошихъ студентовъ 22, итого 29. Какой похвалы краснорѣчивѣйшей вамъ всѣмъ, милостивые государи, желать и ожидать отъ меня можно? Вы сами себѣ ее дѣлали.

«Но въ то самое время, какъ повсемѣстно видимъ мы благотворныя заботы государя благочестивѣйшаго и вѣрныхъ исполнителей священной его воли объ искорененіи тѣхъ пагубныхъ лжеученій, которыя, какъ потокъ подземный, устремлялись подрыть святые алтари Бога отцовъ нашихъ; въ то самое время, говорю, университетъ Казанскій за златою оградой высочайше данныхъ ему инструкцій, чуждъ повсемѣстной заразы, вѣрилъ общей матери

нашей, церкви православной, питаетъ юность, пылающую живою вѣрой, чистымъ медомъ ея небеснаго ученія.

«Два дни тому, на семъ самомъ мѣстѣ, святильникъ православія, которымъ благословилъ Господь градъ вашъ, какъ новый Златоустъ, окруженный толпящимися къ нему воспитанниками университета и гимназіи, вопрашалъ ихъ о догматѣ вѣры, строго испытывалъ въ убѣжденіи о святости церкви праповѣрной благоволилъ къ ихъ отвѣтамъ, утѣшался ихъ успѣхами, благословлялъ сихъ юношей и дѣтей благочестивыхъ.

«Въ то самое время, какъ лжеименная философія, отравляя всѣ науки и даже словесность и самыя искусства тлетворнымъ своимъ ядомъ, бѣснуетъ умы на Бога и царей, въ университетѣ нашемъ самый ядъ сей претворяется въ цѣлительное средство противъ буйной гордости разума. Воспитанники ваши, путеводимые благочестивымъ Несторомъ вашего сословія, твердо изучили всѣ возраженія на нелѣпыя положенія естественнаго права, и съ улыбкою презрѣнія къ возмутительнымъ его бреднямъ, изощряютъ природное свое остроуміе на счетъ славнѣйшихъ его апостоловъ.

«Вмѣсто тѣхъ буйныхъ мечтаній нѣкоторыхъ Германцевъ, кои возникли со своевольствомъ Лютеровой реформы и такъ лживо называются нынѣ философіей, — мечтаній, въ углу сѣверной Германіи рас-

пространенныхъ такими людьми, коихъ и имень на другомъ краю Европы никто не знаетъ; вмѣсто сихъ мечтаній, принята у насъ та здоровая, истинная, безтатѣйная философія, которая пряиитъ и изощряетъ умы, съ которою жили счастливо отцы, вѣрные Богу и царямъ, въ которой воспитаны и образовались отличнѣйшіе мужи нашего отечества, свѣтила нашей церкви.

«Въ преподаваніи исторіи всеобщей былъ я обрадованъ тѣмъ, что всегда желалъ, не предвидя возможности; тѣмъ чего даже не смѣлъ и надѣяться. Извѣстная рѣчь Боссюэта, безсмертный памятникъ сего христіанскаго генія, удивленіе потомства, представляя общій взглядъ ума необыкновеннаго, взирающаго съ неба на судьбы, движеніе и паденіе царствъ земныхъ, была дана въ руководство преподавателю всеобщей исторіи. Но что онъ сдѣлалъ съ нею? Онъ изъ простаго очерченія Боссюэтова сдѣлалъ картину всемірныхъ происшествій, освѣтивъ ее тѣмъ незаходимымъ свѣтомъ, внѣ котораго всякое просвѣщеніе человѣческое тьма густая. Онъ исполнилъ въ преподаваніи своемъ то, что въ высочайше утвержденной инструкціи ректору нашего университета предписано; онъ смѣлою рукою свергнулъ тѣ идолы языческаго величія, предъ коими весь ученый міръ, преклоня колѣна, стоитъ уже двѣ тысячи лѣтъ. Въ житіяхъ святыхъ церкви православной показалъ онъ тѣ высокіе примѣры всѣхъ добродѣте-

лей, предъ коими меркнетъ и изчезаетъ, какъ тѣнь, слава Бруговъ и Лукрецій. Онъ сорвалъ вѣнцы съ гордаго чела героевъ языческой древности и почтительно положилъ ихъ на окровавленномъ прахѣ Колизея, къ стопамъ святыхъ мученическихъ ликовъ.

«Въ примѣрахъ словесности греческой отрадно было слышать святыя имена Златоустаго, Григорія, Кирилла, Аѳанасія и Макарія на ряду съ Демосѳеномъ. Отличные, быстрые въ семъ предметѣ успѣхи были какъ бы послѣдствія благословенія сихъ святителей, чужеземными учителями греческой словесности оставленныхъ и презрѣнныхъ.

«Родная съ эллинскою словесность, отечественная, преподана совершенно согласно съ нашими инструкціями. Студенты, коихъ свѣжая и счастливая память обогощена отборнѣйшими сокровищами священнаго и гражданскаго краснорѣчія, сочиняли и произносили, безъ приготовленія, на самомъ экзаменѣ, рѣчи на разные предметы, имъ заданные, и слогъ рѣчей сихъ, всегда правильный и чистый, былъ часто прилично украшаемъ и силенъ.

«Классъ поэзіи, обыкновенно такъ суетный и безполезный, приноситъ здѣсь не только большую учебную, но и нравственную пользу. Изящный вкусъ студентовъ, доказанный строгою и тонкою критикой образцовыхъ стихотвореній, древнихъ и новыхъ, образованъ на поэзіи священной, коей всѣ роды

находятъ и показываютъ они, съ удивительною точностью, въ Библіи.

«Исторію россійскую знаютъ они основательно и въ направленіи согласномъ съ духомъ церкви и чувствами вѣрноподданныхъ къ царямъ отечественнымъ.

«Въ словесности латинской, французской и нѣмецкой успѣхи равно блистательны и быстры. Но удивительные успѣхи оказали кандидаты словесности восточной, въ самое короткое время. Неожиданно прибывшіе на испытаніе природные знатоки языковъ арабскаго и персидскаго задавали письменно и диктовали имъ мѣста изъ разныхъ авторовъ, и остались совершенно довольными какъ переводомъ, такъ и произношеніемъ ихъ, столь труднымъ для Европейца. Они удивлены были знаніемъ одного изъ студентовъ, разказавшаго имъ труднѣйшія эпохи изъ исторіи восточной литературы, біографію ихъ примѣчательнѣйшихъ авторовъ и весь ходъ магометанскаго законоученія.

«Въ наукахъ математическихъ: физикѣ, химіи и минералогіи преподаны всѣ новѣйшія сихъ наукъ открытія и усовершенія, такъ что тѣ изъ студентовъ сихъ каѳедръ, кои были внимательны, ничего новаго въ университетѣ Парижскомъ не могли бы услышать.

«Одинъ изъ преподавателей сихъ каѳедръ, во всѣхъ частяхъ управленія отлично и долговременно

университету служившій, несмотря на разнородныя озабоченія его начальствомъ, слишкомъ увѣреннымъ въ его неутомимости, преподалъ обширнѣйшія части прикладной математики съ обычною ему ясностію и основательностью; другой объялъ всю чистую математику, отъ геометріи до астрономіи, предметъ обширнѣйшій и только его дарованію, только обширности его познаній соразмѣрный.

«Отдѣленіе медицинское дѣлаетъ отличную честь университету, какъ образованіемъ многихъ хорошихъ врачей, такъ особенно добрымъ духомъ тѣхъ частей сей науки, коими завладѣла уже вредная философія нашего вѣка.

«Но гдѣ я возьму словъ и особливо времени, чтобы разказать подробно все, что видѣлъ я въ здѣшнемъ университетѣ хорошаго, отличнаго и по истинѣ великихъ похвалъ достойнаго?

«Пройду мимо великолѣпныя зданія, трудами вашими воздвигнутыя, съ благороднымъ сбереженіемъ важныхъ суммъ вамъ ввѣренныхъ, и съ изящнымъ вкусомъ отдѣланныя. Миную великолѣпный храмъ вашъ, особеннымъ тщаніемъ и пожертвованіемъ вашими украшенный, гдѣ въ священномъ мракѣ, церкви первыхъ вѣковъ напоминающемъ, и единымъ Всевидящимъ Окомъ освѣщенномъ, воспитанники ваши возносятъ усердную молитву, поютъ священныя пѣсни, прислуживаютъ священнослужителямъ, слышатъ слово жизни всею прелестію духовнаго краснорѣчія ва-

шихъ пастырей облеченное. Пройду въ молчаніи внутреннюю чистоту, опрятность и благоустройство вашихъ зданій; не брошу взора на богатое и трудами вашими приведенное въ порядокъ общирнѣйшее книгохранилище, богатыя собранія ископаемыхъ, изъ разныхъ странъ присланныя и свезенныя; кабинеты естественные, физическихъ орудій, медалей восточныхъ и римскихъ, собраній рѣдкостей; но какъ умолчу, что одинъ изъ васъ (И. М. Симоновъ, профессоръ астрономіи) обвезъ славу заведенія, его воспитавшаго, кругомъ свѣта, сдѣлалъ ему честь благороднымъ поведеніемъ своимъ, образованностью, общирными познаніями; умножилъ число членовъ вашихъ отличнѣйшими учеными, установилъ сношенія университета вашего съ славнѣйшими академіями Европы; какъ умолчу, что вся честь столь слабо описаннаго благоустройства Казанскаго университета принадлежитъ вообще каждому изъ васъ, а въ особенности двумъ лицамъ, въ самомъ университетѣ начальствующимъ, и я съ радостію сердечной вамъ и имъ отдаю оную торжественно.

«Насилуя такъ продолжительно вниманіе ваше и не разъ уже, вѣроятно, оскорбивъ скромность вашу, одно только извиненіе имѣю принести вамъ: день, въ который съ вами бесѣдую.»

Рѣчь, приведенная нами, изумила и всѣхъ слышавшихъ ее, и въ особенности самого министра народнаго просвѣщенія, А. С. Шишкова, какъ это

видно изъ замѣчаній, которыя онъ сдѣлалъ на ея счетъ въ инструкціи, данной генералу Желтухину; но въ сущности рѣчь эта ничѣмъ не отличалась отъ другихъ произведеній Магницкаго, съ тѣхъ поръ какъ началъ онъ управлять Казанскимъ учебнымъ округомъ. Оффиціальные его отчеты преисполнены самовосхваленіемъ незнавшимъ никакихъ предѣловъ; онъ видимо сгаралъ желаніемъ составить себѣ репутацію великаго преобразователя въ системѣ нашего народнаго просвѣщенія; съ этимъ соединялись всѣ замыслы его на почести и блестящую карьеру. Чѣмъ сильнѣе слышалось выраженіе сомнѣнія въ обществѣ, тѣмъ настойчивѣе старался онъ выставлять великія заслуги Казанскаго университета, и довольно ясно высказывалъ желаніе, чтобъ университетъ этотъ былъ принятъ образцомъ всѣхъ другихъ однородныхъ съ нимъ заведеній въ Россіи. Еслибы дѣйствительно это случилось, еслибы въ Москвѣ, Дерптѣ, Харьковѣ введена была та же система преподаванія наукъ и нравственнаго надзора, которая господствовала въ Казани, то цѣли Магницкаго были бы достигнуты вполнѣ. Самообольщеніе его доходило до такой степени, что развитію этой мысли посвятилъ онъ почти весь отчетъ свой за 1824 годъ, представленный имъ уже новому министру А. С. Шишкову.

«Пять лѣтъ тому назадъ, говоритъ онъ въ этомъ отчетѣ, когда началось образованіе упадавшаго отъ

открытаго нечестія Казанскаго университета въ заведеніе христіанское, разсѣяно было то заключеніе, что вѣры, тогда принятыя, должны уронить въ семъ округѣ просвѣщеніе — ибо соединеніе вѣры съ науками почиталось невозможнымъ и именовалось даже погашеніемъ. Начальство университета твердо увѣрено было въ противномъ, и видя въ исторіи, что науки какъ сохраненіемъ оныхъ обязаны одному христіанству, твердо помнило славное изреченіе великаго Бакона, что религія есть ароматъ сохраняющій науки отъ гніенія, и постоянно дѣйствовало въ одномъ направленіи. Оно перенесло въ молчаніи всѣ тѣ порицанія и клики, которые возбуждали невѣріе, лжеученіе, духъ партій и личности...... Дѣйствительно, продолжаетъ Магницкій: въ какомъ положеніи тогда находился университетъ? Въ отдаленнѣйшемъ краю отъ столицы поставленный, какъ фаросъ освѣщенія цѣлыхъ царствъ, въ округѣ его вмѣщенныхъ, полузасвѣченный дрожащею рукой слабыхъ исполнителей, онъ погасалъ и курящимся чадомъ наполнялъ тѣ страны, кои освѣтить былъ долженъ; отброшенные въ собственномъ отечествѣ пришельцы, принеся съ собою развратъ, а не просвѣщеніе ума, изъ провинцій германскихъ, едва по имени извѣстныхъ, составляли большую часть профессоровъ; неблаговидность и нечистота зданій отвѣтствовала внутреннему его настроенію, какъ несчастная физіономія порочному состоянію духа; ни-

триги, происки расхищали ученыя званія и награды, между тѣмъ какъ благочестіе, какъ скромное достоинство воздыхало о судьбѣ дорогаго имъ мѣста воспитанія, въ которомъ лѣта ихъ юности и страстей сохранены были отъ невѣрія и разврата какимъ-то особеннымъ промысломъ Божіимъ..... Въ 1819 г. обращено было, наконецъ, вниманіе на это дѣло, и не только составленъ былъ твердый и обширный планъ истиннаго просвѣщенія, соединяющаго вѣдѣніе съ вѣрою, но планъ этотъ принесъ уже самые счастливые результаты. Нынѣ всѣ науки преподаются въ Казанскомъ университетѣ, въ большей всеобщности нежели въ прочихъ университетахъ, но преподаваніе это отличается отъ прочихъ тѣмъ, что не заражено оно ни вольнодумствомъ, ни лжеученіемъ, а устремлено къ одной цѣли — образованію вѣрныхъ сыновъ церкви и вѣрныхъ подданныхъ государей .... Все это служитъ доказательствомъ, что посреди всеобщей заразы вредныхъ ученій можетъ быть устроенъ университетъ, по направленію наукъ и духа, настояще православный и отечественный.

«А если такъ, если въ одномъ изъ шести нашихъ университетовъ вышеупомянутыя распоряженія имѣли успѣхъ, то какимъ образомъ не распространяется полезное его преобразованіе, опытомъ пяти лѣтъ и плодами уже оправданное, и на всѣ прочіе университеты? Признаюсь, что сія послѣдняя при-

чина, по усердію моему къ церкви и государю и по обязанности моей члена главнаго правленія училищъ, была главнымъ моимъ побужденіемъ въ семъ отчетѣ.»

Всѣ подобныя разглагольствованія Магницкаго, всѣ похвалы его самому себѣ, оскорбительныя для другихъ, не вызывали ни разу явнаго протеста или осужденія: даже по поводу его послѣдняго отчета, изъ котораго мы представили сейчасъ краткое извлеченіе, сдѣлано было только замѣчаніе со стороны главнаго правленія училищъ, что такъ какъ отчетъ этотъ долженъ появиться въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, то необходимо исключить изъ него все, что̀ способно оскорбить остальные русскіе университеты. «Нельзя также напечатать, читаемъ мы въ протоколѣ главнаго правленія, что Казанскій университетъ первый отправилъ русскаго астронома съ экспедиціей кругомъ свѣта. Въ 1819 г. младшій астрономъ Академіи Наукъ, Тархановъ, совершилъ уже подобное путешествіе. Сіе обстоятельство, повидимому, не было извѣстно г. попечителю, хотя доведено было до свѣдѣнія бывшаго министра.» Что касается общей пышной картины Казанскаго университета, начертанной Магницкимъ, то главное правленіе училищъ воздерживалось судить о ней, говоря, что для «этого потребно постороннее достовѣрное утвержденіе и засвидѣтельствованіе.»

Во все время печальной дѣятельности Магницкаго нашелся одинъ только голосъ, который прямо, открыто и энергически отважился заклеймить ее. Принадлежалъ онъ тогдашнему проректору Деритскаго университета Парроту. Замѣчательный этотъ человѣкъ, близкія отношенія котораго къ императору Александру изображены въ сочиненіи барона Корфа о Сперанскомъ, рѣшился подать самому государю записку носившую заглавіе: *Coup d'œuil moral sur les principes actuels de l'instruction publique*. Мы не знаемъ къ какому именно году она относится, но по содержанію ея видно, что она была составлена еще въ то время, когда князь Голицынъ управлялъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и когда Магницкій пользовался большимъ вліяніемъ *).

Парротъ развиваетъ въ началѣ мысль, что университеты, въ томъ видѣ, въ какомъ существовали они въ двадцатыхъ годахъ, не удовлетворяли вовсе ни требованіямъ общества, ни ожиданіямъ правительства. Недостатокъ русскихъ профессоровъ, необходимость прибѣгать къ Нѣмцамъ, Французамъ, Венгерцамъ, объясняли отчасти это печальное явленіе; но главнѣйшая его причина лежала въ отсутствіи всякихъ твердыхъ и ясныхъ принциповъ, ко-

*) Записка, о которой говоримъ мы, передана была, по смерти императора Александра, императоромъ Николаемъ министру А. С. Шишкову.

торые руководили бы системою нашего народнаго образованія. Система эта измѣнялась нѣсколько разъ, пораждая страшный вредъ, отзывавшійся на многихъ поколѣніяхъ. Въ доказательство авторъ записки приводитъ инструкціи, данныя ректору и директору Казанскаго университета въ 1820 году и которыя приведены нами выше въ извлеченіи.

«Инструкція ректору, говоритъ Парротъ, начинается столь же неловкимъ и запутаннымъ, сколько безполезнымъ опредѣленіемъ: чѣмъ долженъ быть университетъ? Предположивши даже, что указъ можетъ страдать отъ подобнаго недостатка, никогда не слѣдуетъ провозглашать въ немъ такихъ безнравственныхъ принциповъ какъ тотъ, который находится въ концѣ первой главы, а именно: «профес-«сора должны быть убѣждены, что призваны не для «продажи собственныхъ познаній за извѣстную мѣ-«ру корысти, но что правительство, облекая ихъ «почтенными званіями, кои въ толикихъ трудахъ въ «другихъ родахъ службы пріобрѣтаются, желаетъ, «чтобъ они видѣли въ себѣ людей работающихъ во «славу Божію, для спасенія ввѣренныхъ имъ душъ, «для пользы отечества и просвѣщенія, для славы «ихъ сословія и для собственной чести.» Все это очень справедливо; но изъ какого единственнаго побужденія предлагаетъ имъ правительство трудиться въ этомъ смыслѣ? Ради почетныхъ званій, кои съ толикимъ трудомъ въ другихъ родахъ службы пріо-

обрѣтаются. И такъ вотъ изъ за чего нужно служить Богу и отечеству! При чтеніи этихъ словъ содрагается сердце всякаго честнаго человѣка. Религія, предвозвѣстникомъ которой является правительство въ каждомъ параграфѣ этой инструкціи, предлагаетъ намъ совершенно иныя побужденія — сознаніе дѣлаемаго добра, спокойствіе совѣсти и блаженство въ будущей жизни.... Второй параграфъ инструкціи предписываетъ изъяснять слушателямъ системы главнѣйшихъ философовъ, которые «могли замѣнять истину христіанства до пришествія Спасителя,» доказывая въ то же время, что истины, не основанныя на христіанской религіи и добродѣтели, внушаемыя однимъ разумомъ, суть не что иное какъ эгоизмъ и скрытная гордость. Но если такъ, если все ученіе о нравственности, господствовавшее до Іисуса Христа, не болѣе какъ ложь, зачѣмъ знакомить съ нимъ юношество? А если уже излагать его, то къ чему представлять его въ презрѣнномъ видѣ? Христіанская мораль не имѣетъ нужды въ этихъ фальшивыхъ уловкахъ для обнаруженія превосходства своего надъ моралью языческою.... Далѣе инструкція заставляетъ профессора астрономіи, во все продолженіе курса своего, указывать на премудрость Божію и ограниченность нашихъ средствъ и орудій для познанія непрестанно окружающихъ насъ чудесъ. Ничто такъ не вредитъ цѣли, какъ именно рекомендуемыя этими словами разглагольствованія. Они

способны только возбудить въ молодежи насмѣшки надъ преподавателемъ и надъ самыми священными предметами. Если профессоръ физики дѣйствительно исполненъ удивленія къ Творцу, чувство это невольно скажется въ его рѣчахъ и увлечетъ слушателей. Но если частымъ и заказнымъ повтореніемъ мысли, навѣянной со стороны, выраженіе этого удивленія дѣлается пустымъ обрядомъ, то эффектъ его совершенно утратится.... Авторъ этой записки, прибавляетъ Парротъ о самомъ себѣ, не страшится упрековъ въ невѣріи; для отраженія ихъ онъ можетъ сослаться на всю свою частную и общественную жизнь и на свое произведеніе: *Entretiens sur la physique*, въ которомъ преклоненіе предъ Верховнымъ Творцомъ проповѣдуется хотя и съ энтузіазмомъ, но кстати.... Разсматривая инструкцію ректору Казанскаго университета, замѣчаетъ въ заключеніи Парротъ, съ точки зрѣнія литературной, нельзя видѣть въ ней ничего инаго кромѣ безконечной фразеологіи, гдѣ невѣжество облекается мантіей эрудиціи и знаній. Если же допустить, что главная цѣль ея клонится къ утвержденію благочестія и религіи, то слѣдуетъ сказать прямо, что она должна привести къ совершенно противнымъ результатамъ. Юноши, которымъ въ каждой лекціи исторіи, физики, философіи, медицины, древнихъ языковъ и т. д., говорятъ о религіи, и только о религіи, кончатъ тѣмъ, что почувствуютъ къ ней холодность. Что же

касается до профессоровъ, за которыми постоянно слѣдитъ ректоръ съ цѣлью убѣдиться въ запасѣ ихъ религіознаго чувства, дабы выгнать ихъ какъ скоро ему покажется что запасъ этотъ недостаточенъ, съ какимъ настроеніемъ будутъ говорить они о религіи милосердной, отвергающей всякое лицемѣріе и насиліе и желающей господствовать лишь любовью и истиной?»

Не менѣе строго осуждаетъ Парротъ и инструкцію данную директору университета, обязанность котораго, какъ мы знаемъ, состояла въ наблюденіи за нравственностью студентовъ. Онъ находитъ, что молодой человѣкъ, котораго держатъ, такъ сказать, въ пеленкахъ до самого выхода его изъ высшаго учебнаго заведенія, долженъ сдѣлаться или негодяемъ, или автоматомъ, существомъ безъ воли, безъ характера, неспособнымъ ни къ какой самостоятельной дѣятельности.

«Напротивъ, говоритъ Парротъ, нужно предоставить юношѣ свободу, подъ надзоромъ, который не стѣснялъ бы и главное не представлялъ бы ничего унизительнаго. Пусть иногда злоупотребляетъ онъ этою свободой, пусть дѣлаетъ шалости и даже проступки, въ такомъ случаѣ должна обрушиться на него законная кара, и онъ самъ придетъ къ убѣжденію, что наказаніе неминуемо слѣдуетъ за виною. Воспитаніе такого рода имѣетъ то преимущество, что рано развиваетъ въ молодомъ человѣкѣ опыт-

ность, а слѣдовательно онъ не пріобрѣтаетъ ее въ ущербъ себѣ или обществу. Водить же молодаго человѣка, отъ 18 до 25-лѣтняго возраста, на помочахъ, значитъ развивать въ немъ лицемѣріе, плутовство, значитъ приготовлять систематически одного изъ тѣхъ негодяевъ, которые скрываютъ настоящія свои чувства подъ покровомъ скромности, а потомъ вознаграждаютъ себя за это рабство неуваженіемъ къ обществу и открыто ненавидятъ власть, которой приходится клеймить ихъ. Неужели можно надѣяться серіозно, что изъ такихъ людей выйдутъ ревностные слуги отечества, вѣрные подданные монарха? Государь не въ состояніи этого видѣть, а потому слѣдуетъ обнаружить предъ нимъ зло. Пусть императоръ Александръ повѣритъ человѣку, котораго знаетъ онъ въ теченіи 20 лѣтъ, который въ теченіи 20 лѣтъ изучалъ, слѣдилъ за университетскою молодежью; пусть повѣритъ онъ отцу двоихъ сыновей, принципы которыхъ оправдываютъ полученное ими воспитаніе..... Послѣ долгихъ наблюденій я пришелъ къ заключенію, что студентъ не любящій своего университета, не любитъ ни своего государя, ни отечества!»

Парротъ, какъ нельзя болѣе вѣрно предугадалъ всѣ печальныя послѣдствія системы, установленной этимъ опаснымъ преобразователемъ. «По внѣшности, говоритъ онъ, университетъ сохранитъ нѣкоторый порядокъ, но внутри это будетъ клоака всякой без-

нравственности, до тѣхъ поръ пока, наконецъ, начальство не обратитъ на нее вниманіе.»

Подвергнувъ подробному разбору обѣ инструкціи, Пэрротъ задаетъ себѣ вопросъ: вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ могли онѣ возникнуть? Онъ вспоминаетъ, что «Императоръ Александръ освободилъ всю Европу отъ тираніи одного властелина и даровалъ Польшѣ конституцію,» и указываетъ на тѣхъ, которые, въ Россіи, прикрываясь религіей, поставили себѣ задачею сдѣлать Русскихъ рабами, рабами въ правленіе государя, который всегда хотѣлъ царствовать надъ людьми, а не надъ машинами и который произнесъ когда-то эти слова: «Я не хочу, чтобы «общественное воспитаніе лишало молодежь энергіи, «точно также какъ не хочу имѣть слабодушныхъ «въ государственной службѣ.» По мнѣнію Паррота, министръ князь А. Н. Голицынъ дѣйствовалъ, самъ не сознавая того, въ пользу іезуитовъ; заставляя проповѣдовать ихъ принципы въ народныхъ школахъ, онъ пріуготовлялъ имъ путь къ возвращенію въ Россію; какъ скоро принципы эти принесутъ ожидаемый плодъ, они не замедлятъ его низвергнуть, а во главѣ народнаго просвѣщенія поставятъ Магницкаго, автора знаменитыхъ инструкцій.

Записка, изъ которой мы представили уже не мало извлеченій, оканчивалась слѣдующимъ образомъ:

«Печальна картина нынѣшняго состоянія народнаго просвѣщенія, этого истиннаго источника благоденствія или злополучія государствъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы нужно было отчаяваться или падать духомъ. Всѣ недостатки могутъ быть исправлены, и императоръ Александръ, искренно желающій добра, имѣющій право надѣяться на помощь Божію въ этомъ великомъ предпріятіи, приведетъ его къ концу и прибавитъ къ своей военной славѣ и къ успѣхамъ своимъ въ политикѣ не менѣе блестящую славу основателя внутренняго благоденствія своего отечества. Воинская слава Генриха IV нынѣ почти забыта, но живетъ въ сердцѣ Французовъ и всѣхъ благомыслящихъ людей отъ одного конца Европы до другаго сознаніе того, что̀ совершилъ онъ для Франціи. Прекрасная задача эта вовсе не такъ затруднительна и несравненно привлекательнѣе чѣмъ думаютъ обыкновенно. Политическое могущество ваше, государь, устрашаетъ Европу, которой кажется, что не нынче завтра разгромитъ ее колоссальная власть, врученная вамъ Провидѣніемъ. Но вы не забыли сказанныя вамъ мнѣ слова, когда Бонапартъ сдѣлался императоромъ: «*Онъ всемогущъ и если устроитъ онъ благосостояніе Франціи, я назову его отъ всего сердца моимъ братомъ.*» И вы теперь, на противоположномъ концѣ Европы, точно также всемогущи, но съ совершенно иными принципами; чего не сдѣлалъ онъ

для Франціи, чего не могъ онъ сдѣлать, ибо у него не было души, вы сдѣлали для вашей Россіи. Освободивъ Европу, вы обрѣтете тихое удовольствіе, даже радость, но внутреннемъ устроеніи вашего государства, лишь только будутъ избраны вами надежные для того пути. Религія и народное просвѣщеніе, эти вѣчныя основы благополучія народовъ, требуютъ вашихъ заботъ: успѣхъ будетъ достигнутъ вами, какъ скоро обезпечите вы господство правды, чистосердечія и знанія тамъ, гдѣ царили происки, лицемѣріе и невѣжество. Не страшитесь недостатка въ средствахъ, т.-е. въ людяхъ, которыя хотятъ и могутъ дѣлать добро: они явятся, какъ только будутъ ободрены къ тому.

«Послѣ 10-лѣтней разлуки, государь, обращаюсь я къ вамъ съ этими словами, не спрашивая такимъ ли остались вы, какимъ были прежде. Да, вы не измѣнились; я этому вѣрю, ибо сердце говоритъ мнѣ о томъ, ибо не терялъ я еще доселѣ ни одного друга. О! сколько разъ въ теченіе 10 лѣтъ, когда былъ я любимъ вами, прижимали вы меня къ благородному своему сердцу. Я попрежнему достоинъ этого и напоминаю вамъ о томъ, чтобы возбудить въ васъ довѣріе къ вашимъ собственнымъ чувствамъ. Я называлъ васъ своимъ героемъ въ то время, когда никто еще не подозрѣвалъ въ васъ геройства; нынѣ содѣлались вы героемъ всего народа: перестанете ли вы отъ этого быть героемъ моимъ и потомства?»

Ничто не показываетъ, чтобы записка Паррота произвела какія-нибудь послѣдствія: но ближе какъ въ 1826 г. пришло правительство къ убѣжденію въ страшномъ вредѣ той системы, которой слѣдовалъ Магницкій.

IV.

Въ февралѣ 1823 года, въ бытность свою попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, обратился Магницкій съ оффиціальною запиской къ министру народнаго просвѣщенія. Въ этой запискѣ онъ прямо высказывалъ убѣжденіе, что если правительство не хочетъ допускать распространенія различныхъ гибельныхъ ученій, то не должно довольствоваться однимъ надзоромъ за направленіемъ профессоровъ, а должно прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ и вовсе изъять нѣкоторыя науки изъ учебнаго преподаванія. По мнѣнію Магницкаго слѣдовало сдѣлать начало съ наукъ умозрительныхъ или философскихъ.

«Увѣдомился я изъ публичныхъ извѣстій, говоритъ Магницкій въ своей запискѣ, что въ Парижскомъ университетѣ запрещено преподаваніе не только философіи, но и исторіи новѣйшей послѣднихъ временъ, сей школы возмущеній и неистовствъ, ибо

она есть только картина практической философіи, образчикъ того ада, который падшій разумъ человѣческій, не плѣненный вѣрою, распространить въ Европѣ старается.» Если уже во Франціи воздвиглось гоненіе на философскія науки, то, по мнѣнію Магницкаго, не было причины и намъ не послѣдовать этому примѣру. А что уже эти науки стали проникать и къ намъ, тому доказательствомъ могла служить логика, изданная не задолго предъ тѣмъ московскимъ профессоромъ И. Давыдовымъ. Нынѣшняя философія, говоритъ Магницкій, опасна именно потому, что она есть «не что иное, какъ настоящій иллюминатизмъ, обязанный новому своему имени только тѣмъ, что христіанскія правительства у себя публичное преподаваніе его дозволяютъ и даже платятъ жалованье распространителямъ онаго.»

«Посвятивъ пять лѣтъ, продолжаетъ Магницкій, на неусыпное изученіе сего предмета и на безполезный вопль противъ неизбѣжной и близкой опасности, которою церковь Господня и правленіе отечественное угрожаются отъ открытаго распространенія въ народномъ воспитаніи разрушительныхъ иллюминатскихъ началъ, въ послѣдній разъ еще рѣшаюсь я, представя неоспоримое сему доказательство, умолять ваше сіятельство (кн. А. Н. Голицына) всѣмъ, что есть святаго, рѣшительно поразить сіе страшное чудовище, спокойно подрывающее у насъ алтари и тронъ открытымъ проповѣ-

дыванiемъ своихъ началъ во всѣхъ университетахъ нашихъ и во всѣхъ тѣхъ высшихъ училищахъ, гдѣ установлены философiя и политическiя каѳедры; ибо доселѣ въ одномъ Казанскомъ университетѣ, данныя ему инструкцiи (самимъ Магницкимъ) во всей строгости исполняются и философiя преподается въ видѣ обличительномъ. Прошло уже то время, когда мы разсматривали изученiя сiи какъ вредныя только теорiи вольнодумствующихъ профессоровъ *). Съ тѣхъ поръ бунтующiя войска опрокинули уже нѣсколько троновъ, а нынѣ три государства разрушительныя начала сiи проповѣдуютъ, и одно изъ нихъ, глава сего *адскаго союза*, противупоставленнаго врагомъ *союзу священному*, посреди своего парламента объявило торжественно, что по мнѣнiю его власть державная получаетъ свое начало отъ народа. Ежели справедливо устрашилъ насъ, въ свое время, сей нечестивый догматъ Марата въ книгѣ профессора Куницына, то неужели не страшенъ онъ въ устахъ Каннинга, по слову котораго могутъ двинуться многочисленныя войска и на всѣхъ моряхъ владычествующiе флоты Англiи на подкрѣпленiе сего правила? И такъ врагу Божiю три года только нужно было, чтобы довести дѣло сiе отъ каѳедры Куницына до потрясенiй Неаполя, Мадрита, Тури-

---

*) Магницкiй дѣлаетъ здѣсь намекъ на исторiю Куницына и на исторiю профессоровъ Галича, Раупаха, Германа и Арсеньева.

на, Лиссабона и до сей торжественной исповѣди англійскаго парламента: отъ одной строки профессора — до 200 тысячъ штыковъ и ста линейныхъ кораблей, до государствъ, обливаемыхъ кровью!»

Представивъ доводы къ пользу немедленнаго прекращенія преподаванія философскихъ наукъ, Магницкій заключаетъ слѣдующими словами свою записку: «Глубоко убѣжденный въ сихъ истинахъ, горестныхъ для сердца, преданнаго вѣрѣ своихъ отцовъ, готовъ будучи запечатлѣть ихъ моею кровью, я почелъ себя обязаннымъ, какъ членъ главнаго правленія училищъ, какъ вѣрный сынъ церкви, какъ ненарушимо присягнувшій моему Государю подданный, какъ Русскій, оберегающій для потомства своего доброе имя отечественной исторіи, какъ христіанинъ, долженствующій предстать нѣкогда на страшное судилище Божіе, — я почелъ себя обязаннымъ, устранивъ всѣ соображенія, всѣ ухищренія приличій сказать почтенному начальству моему истину, самоважнѣйшую по моему мнѣнію. Я истребилъ за собою мостъ, по которому могъ бы отойдти нѣкогда къ другому образу мыслей, не оставилъ никакой средины между двумя для себя крайностями: или я мыслю право — правоту мою примутъ въ уваженіе; или я мыслю ложно — меня избавятъ отъ всякаго участія въ такихъ дѣлахъ, гдѣ принужденъ я былъ бы дѣйствовать противно моей совѣсти и гдѣ мой образъ мыслей будетъ только препинать успѣшный

ходъ противоположныхъ распоряженій. Господь, свидѣтель моихъ побужденій, да будетъ посредникомъ въ семъ великомъ Его дѣлѣ!»

Въ подкрѣпленіе мыслей, развитыхъ имъ въ запискѣ, представилъ Магницкій два документа: одинъ изъ нихъ — разборъ книги профессора Давыдова: *Начальныя основанія логики для благородныхъ воспитанниковъ пансіона Московскаго университета.* Эпиграфомъ къ этому разбору взяты были имъ слова Апокалипсиса: «и видѣхъ изъ моря звѣря исходяща, имущаго главъ семь и роговъ десять и на розѣхъ его вѣнецъ десять и на главахъ его имена хульна.» Магницкій старается доказать, что вышеупомянутая книга пропитана отъ начала до конца «богопротивнымъ ученіемъ Шеллинга, распространяющимъ вліяніе свое на всѣ отрасли человѣческихъ свѣдѣній и даже на литературу.» Основу Шеллинговой философіи составляетъ, по словамъ его, *вольнодумство* и *развратъ*. «Шеллингъ, говоритъ Магницкій, принимаетъ въ своемъ ученіи какой-то таинственный тонъ, увлекающій воображеніе. Темнота слога и глубокомысліе понятій дѣлаютъ философію его не для всѣхъ доступною. Къ уразумѣнію ея потребно особенное напряженіе душевныхъ способностей и проникнувшему въ ея таинства открывается новый чудесный порядокъ идеальнаго и физическаго міра, въ какомъ-то таинственномъ мракѣ представляются заманчивыя картины.» Принявъ на

себя трудъ изложить основанія этой философіи, Магницкій усиливается доказать, что вѣру замѣняетъ она знаніемъ, таинственные символы естественными изъясненіями; что она отвергаетъ увѣренность въ существованіе будущей жизни, ибо будущая жизнь, по ея теоріи, состоитъ въ соединеніи съ источникомъ міра, со всеобщею жизнью природы; что подъ видомъ идеализма проповѣдуетъ она самый грубый матеріализмъ; что она приводитъ неминуемо къ фатализму, который «соединясь съ положительнымъ безвѣріемъ, охлаждаетъ благороднѣйшія чувства человѣчества и образуетъ хладнокровнаго изверга,» что она учитъ, «подобно гораціанскому (эпикурейскому) правилу,» ловить минуты наслажденій и что для достиженія этой цѣли, все существующее можетъ, по ученію ея, сдѣлаться предметомъ нашихъ вожделеній, ибо нѣтъ казни въ будущемъ. «Воздадимъ хвалу всеблагому Господу, восклицаетъ Магницкій, открывающему намъ столь страшные замыслы врага Божія еще въ дѣтскомъ лепетаніи г. Давыдова, который, кажется, и самъ не понимаетъ всего ужаса своихъ началъ!» Указавъ, однако, что логика, изданная московскимъ профессоромъ, слѣпо придерживается началъ шеллинговой системы, Магницкій задаетъ себѣ вопросъ: «Какая цензура могла одобрить сію книгу къ напечатанію? Какое начальство могло утвердить ее въ классическія?»

Весьма любопытенъ другой документъ, предста-

вленный Магницкимъ. Какъ уже замѣчено было нами, преимущественно хотѣлось ему вывести тѣсную связь, существовавшую между новѣйшею философіей и иллюминатскими ученіями. Съ этою цѣлью подвергаетъ онъ подробному разбору книгу: *Истинный иллюминатъ или точный и не исправленный уставъ иллюминатства*, сопоставляя правила, выраженныя въ этой книгѣ съ основными началами шеллинговой системы. «Издатель въ предисловіи разказываетъ, — такъ начинается разборъ, — какимъ случаемъ попалъ въ его руки сей уставъ иллюминатства и заключаетъ оное собственнымъ своимъ сужденіемъ о семъ орденѣ, называя его *обществомъ добрыхъ и полезныхъ людей, искренно о благѣ человѣчества пекущихся*. А по сему, говоритъ онъ, еслибъ я управлялъ какимъ-либо государствомъ, то непремѣнно *иллюминовалъ* бы его немного.»

Разборъ упоминаемой книги сдѣланъ былъ Магницкимъ весьма подробно: по этому самому мы не можемъ представить его здѣсь вполнѣ, но считаемъ не лишнимъ познакомить читателей хотя съ нѣкоторыми его мѣстами, наиболѣе характеристическими. Приводимъ извлеченіе изъ книги и относящіяся къ нему примѣчанія Магницкаго.

«Есть великія, священныя истины (такъ начинаетъ сочинитель вступительную главу), открывающія человѣку прошедшее, настоящее и будущее

его состоянie. . . . . Всякiй человѣкъ чувствуетъ ихъ необходимость, ибо встрѣчаетъ въ природѣ безчисленныя для себя сомнѣнiя*). Но могутъ ли объясниться для него сiи сомнѣнiя или нѣтъ**), справедливы или ложны истолкованiя, переданныя различнымъ народамъ отъ священниковъ, философовъ и естествоиспытателей? Вотъ вопросы, рѣшенiе коихъ требуетъ необыкновенныхъ усилiй. Страсти, гражданскiя отношенiя и многiя другiя причины препятствуютъ людямъ посвятить себя совершенно симъ важнымъ изысканiямъ***). Въ прежнiя времена было совсѣмъ иное: ибо когда еще потребности жизни были не столь многочисленны, гражданскiя связи не столь многосложны и страсти наши менѣе подстрекаемы, тогда мы легче доходили до истины; тогда человѣкъ, взирая на гражданскiя отношенiя только какъ на побочную, а не на главную цѣль

---

*) *Примѣчанiе Магницкаго.* Вотъ первый опытъ звѣря покрыть себя рогами агничими, опытъ во всѣхъ системахъ нынѣшней философiи послѣдуемый, что и доказываетъ сильнѣе всего, что она есть не что иное, какъ степень иллюминатства.

**) *Примѣчанiе Магницкаго.* И видѣхъ иного звѣря, восходящаго отъ земли и имѣяше два рога, подобна агнчимъ и глаголаше яко змiй. (Апок. XIII. 2.)

***) *Примѣчанiе Магницкаго:* Здѣсь узелъ адской тайны; здѣсь идетъ обыкновенно та ложная исторiя, которую профессоръ Раупахъ назвалъ прагматическою, и которая опровергаетъ нечувствительно всѣ библейскiя преданiя, то есть очищаетъ мѣсто новому строенiю.

своего существованія и почитая себя напередъ *вѣрномъ въ цѣли всего мірозданія*, а потомъ уже жителемъ земли сей, обращалъ все свое вниманіе на выполненіе истиннаго своего прѣдназначенія *). Но мало по малу истинная мудрость и точныя понятія *о цѣли вселенной* исчезали или безпрестанно болѣе или менѣе искажались разными примѣсями человѣческихъ вымысловъ, сообразно направленію каждаго вѣка, а наконецъ остались исключительно собственностью весьма малаго токмо числа людей, которые, преодолѣвая всѣ препятствія, старались сохранить истину во всей первоначальной чистотѣ и передавали ее потомству **).

Къ числу такихъ людей, говоритъ авторъ разбираемой книги, принадлежали и франкъ-масоны. Весьма сожалѣетъ онъ, что измѣнился характеръ этой секты, ибо она могла бы принести существенную пользу теперь, когда необходимо очистить умъ и приспособить его къ принятію мудрости прежде чѣмъ наставлять людей въ высшей философіи ***). «Общество иллюминатовъ, продолжаетъ авторъ, ви-

---

*) *Примѣчаніе Магницкаго.* Все сіе говорится для того только, чтобы выиграть вѣру и почтеніе къ тѣмъ выдумкамъ, кои называются прагматическою исторіей.

**) *Примѣчаніе Магницкаго.* Вотъ и освященіе всѣхъ иллюминатскихъ и философскихъ преданій, кои должны замѣнить Библію.

***) Довольно ясно изъяснено, восклицаетъ при этомъ Магницкій, что мудрецы иллюминатскіе образуются въ школахъ философіи и что послѣ они-то у нихъ вездѣ начальниками!

дить всѣ сіи недостатки и въ состояніи исправить оные, возстановивъ прежній порядокъ вещей. Оно имѣетъ въ средѣ своей лицъ отличной учености, лицъ получившихъ образованіе во многихъ философскихъ школахъ. Дѣйствовать на просвѣщеніе и исправленіе человѣческаго рода — вотъ ихъ цѣль: всѣ науки и всѣ человѣческія постановленія требуютъ преобразованія, но таковое всеобщее преобразованіе не должно производиться явно и не можетъ быть быстро *).» Затѣмъ авторъ книги исчисляетъ недостатки франкъ-масонскихъ ложъ, а также правила, которыя постановило себѣ иллюминатское общество для избѣжанія этихъ недостатковъ. Одно изъ нихъ состояло въ томъ, чтобы систему наукъ основывать только на результатахъ, взятыхъ изъ вѣрныхъ опытовъ и изысканій **).

Далѣе слѣдуетъ въ книгѣ разсмотрѣніе главнѣйшихъ постановленій ордена иллюминатовъ и его внутренней организаціи. Магницкій слѣдитъ шагъ за шагомъ за этимъ изложеніемъ, постоянно занятый мыслію, въ своихъ отрывочныхъ замѣткахъ, доказать, что иллюминатизмъ руководствуется тѣми же

*) Ничего, кажется, нѣтъ положительнѣе, замѣчаетъ Магницкій, какъ сіе правило, соединяющее иллюминатизмъ съ философскимъ просвѣщеніемъ.

**) Общее правило нашихъ ученыхъ, говоритъ Магницкій, кои нынѣ и философію, и экономію политическую, статистику и исторію поставили уже на одномъ результатѣ шеллинговой системы.

самыми началами, какъ и новѣйшая философія, и что цѣль ихъ — распространить безвѣріе въ обществѣ. Говоритъ ли авторъ, что истинный иллюминатъ долженъ изучать преимущественно слѣдующія науки — *практическую философію*, *естественное и политическое право*, *политическую экономію*, Магницкій спѣшитъ замѣтить: «Вотъ и программа всѣхъ наукъ, которыя у нихъ были предписаны къ распространенію иллюминатства, а у насъ и обличены въ томъ: что же можетъ быть сильнѣе сей улики противъ философіи?» Исчисляетъ ли авторъ древнихъ писателей, достойныхъ изученія, какъ-то: Сенеку, Платона, Цицерона и Сократа, — Магницкій съ ужасомъ упоминаетъ, что: «почти всѣ эти писатели употребляются въ нашихъ школахъ!» Указываются ли въ книгѣ тѣ добродѣтели, которыя должны одушевлять орденъ — покорность къ высшимъ властямъ въ государствѣ, уваженіе къ старости, *уваженіе ко всѣмъ учебнымъ заведеніямъ*, *въ особенности же къ училищамъ*, *ученымъ обществамъ и университетамъ*, Магницкій отмѣчаетъ противъ послѣдняго пункта: «Здѣсь открыто училища и университеты усвояются иллюминатству.»

Авторъ книги *Истинный иллюминатъ* говоритъ подробно о занятіяхъ, которымъ должны предаваться различныя степени этого ордена. Обязанности такъ-называемой *Четвертой степени* или *Шотландскихъ братьевъ* состояли, между прочимъ, въ распростра-

ненія книгъ, гдѣ разсуждается о согласіи и общественной силѣ. «Много сихъ книгъ, говоритъ Магницкій, и особливо такихъ мѣстъ въ разныхъ книгахъ и никто не думаетъ, что онѣ принадлежатъ у иллюминатовъ къ классическимъ: важное указаніе цензурѣ!» Другая обязанность членовъ ордена — возбуждать въ новобранцахъ его «мечты о преобразованіи свѣта и управленіи тѣми, кои сами полагаютъ быть нашими властелинами,» совершенно сходна, по мнѣнію Магницкаго, «съ состояніемъ всѣхъ нашихъ молодыхъ людей, которые при выходѣ изъ мѣстъ публичнаго воспитанія думаютъ, что могутъ сдѣлать два преобразованія: церкви и государства.»

Говоря о ложахъ второй степени, назначенныхъ для принятія и посвѣщенія старшихъ иллюминатовъ, Магницкій приводитъ рѣчи, которыя произносимы были въ засѣданіяхъ этихъ ложъ секретаремъ ихъ:

«Для распространенія чистой истины и доставленія торжества добродѣтели, должны мы очистить людей отъ предразсудковъ, открыть всѣ источники познаній*), награждать притѣсненные таланты, извлекать изъ праха людей достойныхъ, распространять правила, сообразныя съ духомъ времени, *при-*

---

*) *Примѣчаніе Магницкаго. Философія*

нять на себя воспитаніе юношества *), умнѣйшихъ людей соединить неразрывными узами, *смѣло и вмѣстѣ благоразумно преодолѣвать суевѣріе*, невѣріе и глупость, наконецъ образовать всѣхъ преданныхъ намъ людей такимъ образомъ, *чтобъ они во всѣхъ предметахъ имѣли истинныя, справедливыя и единообразныя начала* **)...

«... Для достиженія сей цѣли должно доставить добродѣтели перевѣсъ надъ порокомъ, должно стараться, чтобы честный человѣкъ обрѣталъ еще въ семъ мірѣ вѣрную награду за свои добродѣтели. Но въ сихъ великихъ намѣреніяхъ препятствуютъ намъ весьма много . . . . нынѣшнія политическія учрежденія ***). Что же дѣлать при таковомъ положеніи вещей? Благопріятствовать ли революціямъ, все ниспровергнуть, изгнать силу силою? . . . . ****). Нѣтъ, мы весьма далеки отъ того. Всякая насильственная реформа достойна порицанія, потому что ни мало не исправитъ зла, пока люди остаются таковы, каковы они

---

*) *Примѣчаніе Магницкаго.* Связь иллюминатства съ просвѣщеніемъ.

**) *Примѣчаніе Магницкаго.* Опять философія!

***) *Примѣчаніе Магницкаго.* Религія положительная, власть царская, полиція. Естественное право, чадо философіи, на всѣхъ только нападаетъ.

****) *Примѣчаніе Магницкаго.* Изъ сего видно, что народныя и военскія революціи суть только взрывы необдуманные и производимые нетерпѣніемъ, а что настоящее дѣло иллюминатовъ есть медленный, но вѣрный и всемірный подкопъ, чрезъ воспитаніе производимый.

есть, и потому что мудрость не имѣетъ нужды въ насиліи.

«Весь планъ ордена основанъ на томъ, чтобъ образовать людей не съ пустымъ краснорѣчіемъ, но покровительствомъ и наградами должными добродѣтели. Надобно нечувствительно связать руки покровителямъ безпорядка и управлять ими такъ, чтобъ они того не примѣчали*). Однимъ словомъ, надобно учредить всеобщій, владычествующій образъ правленія, который распространился бы надъ цѣлымъ свѣтомъ, не разрушая гражданскихъ узъ, и при коемъ всѣ прочія правленія могли бы продолжаться обыкновеннымъ своимъ порядкомъ и дѣлать все, кромѣ того только, что препятствуетъ великой цѣли нашего ордена, то-есть доставленію добродѣтели торжества надъ порокомъ.

«Сію цѣль предполагало само христіанство**). Оно учило людей быть мудрыми и добрыми и для собственной своей выгоды слѣдовать примѣру и наставленіямъ лучшихъ и мудрѣйшихъ человѣковъ. Тогда, когда все погружено было во мракѣ, достаточно

---

*) *Примѣчаніе Магницкаго.* Вотъ чего ожидаютъ они отъ воспитанія и повсемѣстно развращаемаго ими общественнаго мнѣнія.

**) *Примѣчаніе Магницкаго.* Вотъ звѣрь съ агнчими рогами со времени Шеллинга и въ философіи явившійся: ибо для отверженія новозавѣтнаго откровенія, она его не отвергаетъ, а вводитъ въ происшествія обыкновенныя и потомъ подмѣшиваетъ своими вымыслами. Вотъ истинная связь иллюминатства съ нынѣшней философіей!

было, конечно, одного проповѣданія; новость истины придавала ей особенную силу, но нынѣ потребны для насъ гораздо сильнѣйшія средства *). Теперь нужно чтобы человѣкъ, управляемый своими чувствами, находилъ въ добродѣтели чувственныя прелести. *Нельзя искоренить страстей; должно только стараться направить ихъ къ благородной цѣли, и потому надобно, чтобы каждый могъ удовлетворять своимъ страстямъ въ предѣлахъ добродѣтели и чтобы нашъ орденъ доставлялъ къ тому средства* **).

«.... Какъ скоро будетъ у насъ нѣкоторое число достойныхъ людей въ каждомъ государствѣ, каждый изъ нихъ образуетъ опять двухъ другихъ и всѣ они тѣсно между собой соединятся: тогда все возможно для ордена, который втайнѣ успѣлъ уже сдѣлать многое ко благу человѣчества ***).»

Возвратимся къ мнѣнію Магницкаго о преподаваніи философскихъ наукъ въ нашихъ университетахъ. Заключеніе Магницкаго клонилось къ безусловному запрещенію преподаванія этихъ наукъ. «Нѣтъ никака-

---

*) *Примѣчаніе Магницкаго.* И дана быша ему уста, глаголюща велика и хульна. (Апок. XIII, 5.)

**) *Примѣчаніе Магницкаго.* Слово въ слово урокъ нравственной философіи, на всѣхъ экзаменахъ нашихъ университетовъ открыто доказываемый!

***) *Примѣчаніе Магницкаго.* Весьма вѣроятно, что здѣсь разумѣются успѣхи просвѣщенія.

кого способа, говорилъ онъ, излагать эту науку не только согласно съ ученіемъ вѣры, ниже безвредно для него.» Вопросъ, возбужденный въ такой формѣ, обратилъ на себя вниманіе высшаго начальства, но онъ былъ слишкомъ важенъ, чтобы возможно было прибѣгнуть, въ разрѣшеніи его, къ одной изъ тѣхъ крутыхъ и рѣзкихъ мѣръ, предъ которыми не останавливался попечитель Казанскаго округа. Образъ дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія представляетъ въ этомъ случаѣ много любопытнаго. Такъ какъ Магницкій указывалъ въ запискѣ своей преимущественно на примѣръ Франціи, гдѣ будто бы правительство не допускало преподаваніе философіи, то прежде всего положено было разузнать въ точности, какія распоряженія существовали на этотъ счетъ въ упомянутой странѣ. Задача эта возложена была на члена главнаго правленія училищъ, графа Лаваля.

Графъ Лаваль поспѣшилъ обратиться за необходимыми для него свѣдѣніями къ лицамъ, на которыхъ возложено было, въ числѣ прочихъ, управленіе учебною частью во Франціи, а именно въ знаменитому Кювье, къ гг. Сильвестру-де-Саси (который, впрочемъ, покинулъ свою должность за нѣсколько времени предъ этимъ) и къ де-Маллевалю, директору коллегіума Лудовика Великаго. Онъ просилъ ихъ разъяснить слѣдующіе вопросы:

1) Въ какихъ размѣрахъ заключено преподаваніе

философскихъ наукъ во Франціи — логики, метафизики и въ особенности естественнаго права, «которое слишкомъ часто употреблялось во зло въ философскихъ твореніяхъ и многочисленныхъ сочиненіяхъ о политической экономіи?»

2) Какой способъ принять при изложеніи системы новѣйшей философіи? Всѣ ли системы новѣйшихъ писателей опровергаются по мѣрѣ объясненія оныхъ и нѣтъ ли въ числѣ ихъ такой, вліяніе которой особенно ощутительно въ преподаваніи?

3) Нельзя ли сообщить свѣдѣнія, когда долженъ появиться учебникъ философіи, составленіемъ котораго занималась особая коммиссія и изъ кого она состояла, — и наконецъ:

4) Графъ Лаваль просилъ сообщить ему тетради профессоровъ и воспитанниковъ, въ которыхъ заключался курсъ философіи, преподаваемой въ коллегіумахъ и университетахъ.

Кювье и Сильвестръ-де-Саси поспѣшили отозваться на обращенный къ нимъ призывъ.

Помѣщаемъ ихъ письма въ русскомъ переводѣ:

Письмо Кювье къ гр. Лавалю.

Парижъ, 20-го октября 1823.

Графъ! Преподаваніе философіи не утвердилось еще во Франціи на однообразныхъ основаніяхъ. У насъ нѣтъ до сихъ поръ сочиненія методическаго,

элементарнаго, которое бы обнимало всѣ части науки. Правда, университетъ при первомъ устройствѣ своемъ, дѣлалъ самыя лестныя предложенія ученѣйшимъ изъ профессоровъ, приглашая ихъ составить трактатъ, который бы могъ служить основаніемъ этой важной отрасли образованія, но такое сочиненіе до сихъ поръ не появлялось, и можетъ-быть потребность въ немъ будетъ чувствоваться еще долгое время. Повидимому, множество причинъ препятствуютъ выполненію этого труда: различіе мнѣній объ этихъ столь щекотливыхъ предметахъ, недовѣріе лучшихъ ученыхъ къ своимъ собственнымъ знаніямъ, и можетъ-быть также разнообразныя движенія, которыя сообщаетъ нашему времени политика, съ которою философія должна необходимо имѣть сношенія. Университетъ хорошо понялъ эти затрудненія: онъ поручилъ каждому профессору, впредь до новаго распоряженія, озаботиться составленіемъ элементарныхъ тетрадей, сообразно съ его личными принципами и убѣжденіями, предоставивъ, впрочемъ, себѣ надзоръ за ихъ редакціей или изложеніемъ. Но предоставляя полную свободу лицамъ, которымъ поручено преподаваніе философіи, онъ счелъ своею обязанностію обратить ихъ собственное вниманіе на самыя замѣчательныя и наиболѣе плодотворныя по своимъ результатамъ сочиненія въ интересахъ истины и нравственности.

Примите, графъ, и проч.

Письмо Сильвестра-де-Саси къ гр. Лавалю.

Парижъ, 22-го сентября 1833.

«Преподаваніе философія есть одинъ изъ тѣхъ предметовъ, на которые я часто обращалъ вниманіе королевскаго совѣта, и неоднократно настаивалъ на необходимости подчинить преподаваніе философіи опредѣленнымъ правиламъ, особенно по поводу статьи, которую помѣстилъ г. Кузенъ въ *Journal des Savants*, и въ которой онъ постановилъ принципомъ, что начальство не имѣетъ права навязывать профессорамъ какой-либо теоріи или методы преподаванія. Я не могъ ничего добиться, кромѣ обѣщаній, въ родѣ тѣхъ, которыя вы видѣли въ статутахъ королевскихъ коллегій,—обѣщаній, остававшихся всегда безъ исполненія. Оттого не было никогда ни малѣйшаго однообразія въ публичномъ преподаваніи философіи, и между тѣмъ, какъ одинъ профессоръ слѣдовалъ старинной рутинѣ, предшествовавшей революціи, не упоминая ничего о новыхъ системахъ и часто не имѣя о нихъ никакого понятія, другой держался шотландской теоріи, а третій преподавалъ свою собственную систему. Преподаваніе въ нормальной школѣ могло бы въ теченіе времени ввести однообразіе философіи въ факультетахъ и коллегіяхъ; изъ нея вышло нѣсколько воспитанниковъ, не лишенныхъ дарованій, которые

могли бы сдѣлаться хорошими профессорами, но почти всѣ они увлеклись или желаніемъ составить себѣ репутацію, или вліяніемъ такъ-называемой либеральной партіи, или поддались тому очарованію, котораго съ трудомъ можетъ избѣжать молодежь, посвящающая себя спекулятивнымъ знаніямъ и которое побуждаетъ ее проповѣдывать теоріи, не совмѣстныя съ религіей и опасныя для правительства. Г. Кузенъ, особенно со времени путешествія своего въ Германію, предпринятаго имъ, если не ошибаюсь въ 1818 году, дозволилъ себѣ непростительную свободу и произвелъ пагубное вліяніе на молодыхъ профессоровъ. Когда ему поручили въ парижскомъ факультетѣ словесности каѳедру исторіи философіи, принадлежавшую г. Ройе-Коллару, то онъ привлекъ свободою своихъ мнѣній и своею восторженною рѣчью, молодежь, страстно преданную идеямъ независимости, и курсъ его сдѣлался мѣстомъ собранія для депутатовъ оппозиціи и для всѣхъ враговъ правительства. До тѣхъ поръ, пока г. Ройе-Колларъ былъ президентомъ коммиссіи, то онъ покровительствовалъ г. Кузену, который съ своей стороны соблюдалъ еще нѣкоторую сдержанность; по выходѣ въ отставку г. Ройе-Коллара, совѣтъ пытался положить конецъ соблазну, но безуспѣшно, и въ 1820 году онъ пріостановилъ курсъ, употребляя косвенныя средства и пустые предлоги, какъ поступаетъ всегда власть, когда она чувствуетъ свое безсиліе и не

смѣетъ идти прямо къ цѣли. Но вотъ еще другая несообразность: при отсутствіи правильнаго преподаванія философіи, на результаты котораго можно было бы положиться, строже прежняго стали требовать отъ кандидатовъ въ баккалавры словесности и отъ воспитанниковъ юридическаго и медицинскаго факультетовъ, чтобъ они представляли свидѣтельства въ томъ, что они прослушали двухъгодичный курсъ философіи въ коллегіяхъ или прошли всѣ курсы факультета словесности. Въ 1821 году, какъ мнѣ кажется, г. аббатъ Николь успѣлъ выхлопотать, чтобы курсъ философіи въ коллегіяхъ проходили на латинскомъ языкѣ, и я убѣжденъ, хотя это и не было высказано прямо, что такое нововведеніе имѣло въ виду обратить преподаваніе философіи къ прежней рутинѣ и устранить отъ него всѣ новѣйшія системы. Мнѣ кажется, что это новое постановленіе соблюдается дурно, и я смѣло могу сказать, что преподаваніе философіи въ настоящее время не имѣетъ почти никакого значенія вездѣ, гдѣ оно не представляетъ опасности. Есть, впрочемъ, въ новой коллегіи Св. Людовика профессоръ, о которомъ я слышалъ много хорошаго. Имя его Валлетъ, и въ нынѣшнемъ году одинъ изъ его учениковъ получилъ большую премію философіи на конкурсѣ королевскихъ коллегій Парижа и Версаля. Не скрою отъ васъ моего мнѣнія: если молодые профессора, каковы, напримѣръ, Кузенъ въ Парижѣ,

Бутенъ въ Страсбургѣ и проч., встревожившіе начальство, дѣйствительно заслуживали порицанія, то заблужденія ихъ были до крайности преувеличены политическою партіей, враждебною той, которая имъ покровительствовала. Впрочемъ, я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ вредно подѣйствовала теорія Кузена на молодежь относительно религіозныхъ и политическихъ принциповъ, и трудность помочь этому злу, не впадая въ противоположную крайность, была одною изъ причинъ, побудившихъ меня отказаться отъ управленія народнымъ просвѣщеніемъ, которое преданность къ королевскому правительству и совѣсть заставляли меня удерживать за собою цѣлыя семь лѣтъ, несмотря на множество противорѣчій и непріятностей. Я терпѣлъ все до тѣхъ поръ, пока надѣялся остановить вторженіе іезуитизма, но когда я увидѣлъ, что нормальная школа уничтожена, что вліяніе совѣта исчезло и вмѣшательство его ограничилось только одпѣми формальностями, то я счелъ за лучшее выйдти въ отставку, чего два года уже требовало мое здоровье, и я полагаю, что вожди партіи остались этимъ очень довольны.

«Г. де-ла-Роингьеръ, профессоръ философіи въ парижскомъ факультетѣ словесности, и г. Могра, профессоръ въ коллегіи Лудовика Великаго, напечатали свои курсы философіи.

«Примите увѣреніе» и проч.

Подробныя записки, доставленныя авторами писемъ, доказывали что французское правительство колебалось въ это время между самыми противуположными направленіями: съ одной стороны не рѣшалось оно лишить молодежь вовсе философскаго образованія, съ другой не допускало свободнаго изслѣдованія въ области мышленія; то закрывало каѳедры знаменитѣйшихъ профессоровъ, какъ напримѣръ Ройе-Коллара и Кузена, то предписывало чтобы каждый студентъ, желающій получить ученую степень, представилъ свидѣтельство въ томъ, что прошелъ двухгодичный курсъ философіи. Такъ-называемая партія *конгрегаціи*, извѣстнѣйшіе представители которой нашли не задолго предъ тѣмъ доступъ въ министерство, давала повсюду чувствовать свое вліяніе во Франціи; въ ея рукахъ были всѣ учебныя заведенія; въ 1822 году, возстановлено было званіе главнаго начальника (grand maître) университета, которымъ былъ облеченъ аббатъ Фрейссинусъ, извѣстный своимъ особеннымъ расположеніемъ къ ордену іезуитовъ; другое духовное лицо — аббатъ Николь назначенъ былъ ректоромъ Парижской академіи. Каѳедра новой исторіи отнята была у Гизо; вскорѣ даже тотъ самый Сильвестръ-де-Саси, къ которому графъ Лаваль обращался за свѣдѣніями, — одинъ изъ отличнѣйшихъ ученыхъ, которыми гордилась Франція — принужденъ былъ отказаться отъ должности члена главнаго училищнаго правле-

нія послѣ тщетныхъ попытокъ бороться съ возраставшими требованіями клерикальной партіи. Въ 1823 году дозволено было въ Парижѣ только одному профессору читать публичный курсъ философіи, а именно г. Могрà (Maugras), семидесятилѣтнему старцу, извѣстному, по словамъ тогдашнихъ министерскихъ газетъ, своимъ исключительно католическимъ направленіемъ. Во вступительной своей лекціи (4-го ноября 1823 года), г. Могрà объявилъ, что преподаваемая имъ философія будетъ философіей *практическою*, ибо займется точнымъ усовершенствованіемъ языка (puisqu'elle s'occuppera du soin de préciser notre language), и *національною*, ибо цѣль ея — поддерживать политическія и церковныя учрежденія, подъ властью которыхъ живетъ Франція. «То что повидимому въ особенности отличаетъ сего профессора, говорилъ о Могрà графъ Лаваль, и вообще даетъ понятіе о нынѣшнемъ преподаваніи философіи во Франціи, это отвращеніе его къ философскимъ системамъ, вышедшимъ изъ нѣмецкихъ университетовъ, кои до сего времени доставляли только оружіе невѣрію, умствованія возмущенію и наполнили училища молодыми людьми дерзкими, недовольными всѣмъ, а болѣе всего неспособными образовать юношество въ правилахъ благочестія и монархическаго правленія.» Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ понималъ Могрà философію, достаточно привести опредѣленіе исторіи этой науки,

сдѣланное имъ во вступительной его лекціи: «Исторія философіи, сказалъ онъ, есть не что иное, какъ огромная богадѣльня человѣческихъ заблужденій (l'histoire de la philosophie n'est que le grand hospice des erreurs humaines).»

Среди подобныхъ-то обстоятельствъ обращился графъ Лаваль къ Франціи за указаніями и примѣрами въ дѣлѣ высшаго образованія. Мы замѣтили уже выше, что свѣдѣнія, полученныя имъ отъ Кювье и Сильвестра-де-Саси были весьма неопредѣленны. Изъ нихъ можно было только заключить что во Франціи въ то время преподаваніе философіи было весьма стѣснено и въ коллегіумахъ ограничивалось только самыми элементарными началами этой науки, что приняты были мѣры для составленія единообразнаго руководства философскихъ наукъ для высшихъ заведеній, но не предвидѣлось, когда появится оно въ свѣтъ; что до тѣхъ поръ профессора довольствовались своими записками, которыя были различны для каждаго заведенія. Графъ Лаваль поспѣшилъ усвоить себѣ духъ системы, господствовавшей во Франціи и доказывалъ, что въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ она можетъ быть примѣнена къ Россіи. Для успѣшнаго преподаванія философіи, говорилъ онъ, слѣдовало бы обязать всѣхъ профессоровъ составленіемъ тетрадей, одинаковыхъ, по возможности, для каждаго учебнаго округа; при этомъ главнѣйшія заботы ихъ должны были клонить-

ся къ тому, чтобы «внушать воспитанникамъ столько же недовѣрія къ открытіямъ, сдѣланнымъ *свѣтильникомъ разума*, сколько новѣйшіе философы проповѣдывали къ онымъ удивленія.» «Мы должны сдѣлать то же, что дѣлается во Франціи, говорилъ прямо графъ Лаваль, т.-е. ограничить преподаваніе философіи самыми тѣсными предѣлами, что несравненно лучше всякаго пріостановленія или совершеннаго запрещенія.»

Это не могло удовлетворить Магницкаго. Ему хотѣлось уничтожить безусловно преподаваніе философскихъ наукъ, а потому мнѣніе графа Лаваля казалось ему еще слишкомъ либеральнымъ. Онъ продолжалъ утверждать, несмотря на очевидныя доказательства, что философія изгнана изъ французскихъ университетовъ, и ссылался при этомъ на «имѣющуюся у него газету, въ которой сіе положительно сказано.» *) За невозможностью, однако, вполнѣ осуществить свой планъ, онъ соглашался удовольствоваться зломъ меньшимъ и поспѣшилъ представить министру проектъ различныхъ правилъ относительно ограниченія преподаванія философскихъ наукъ самыми тѣсными предѣлами. Магницкій предлагалъ назначить въ каждомъ университетѣ дирек-

*) *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1822 г., дек. 12 № 99, гдѣ въ извѣстіяхъ подъ рубрикою изъ Парижа сказано: «гросмейстеръ университета отмѣнилъ на нынѣшній академическій годъ преподаваніе естественнаго права, новѣйшей исторіи и философіи.»

тора, предоставить попечителямъ неограниченное право удалять изъ учебнаго вѣдомства «вольнодумствующихъ преподавателей,» обязать профессоровъ составленіемъ подробныхъ конспектовъ, а университеты составленіемъ такихъ курсовъ философіи, «кои были бы очищены отъ разрушительныхъ началь, введенныхъ въ науку сію философами XVII и XVIII столѣтій, а въ новѣйшія времена германскими университетами.» Кромѣ того, при министрѣ долженствовалъ состоять комитетъ, цѣль котораго заключалась бы единственно въ надзорѣ за духомъ и направленіемъ преподаванія, въ наряженіи ежегоднаго осмотра всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ «соображеніи полезныхъ чужестранныхъ установленій по части народнаго воспитанія и приличномъ ихъ заимствованіи.»

Проектъ Магницкаго долгое время занималъ вниманіе членовъ главнаго правленія училищъ. Мы видѣли уже, какъ по поводу этого проекта, учебное начальство искало указаній и примѣровъ во Франціи; вслѣдъ затѣмъ всѣ члены главнаго правленія училищъ приглашены были сообщить подробныя мнѣнія о томъ же вопросѣ, и мнѣнія эти представляютъ одну изъ самыхъ любопытныхъ сторонъ дѣла, о которомъ идетъ рѣчь, ибо проливаютъ яркій свѣтъ на понятія, господствовавшія въ описываемую нами эпоху. Но прежде всего упомянемъ объ одномъ важномъ обстоятельствѣ, имѣвшемъ не мало вліянія

на судьбу проекта Магницкаго. Проектъ этотъ представленъ былъ имъ, какъ уже сказано выше, въ началѣ 1823 года тогдашнему министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, князю А. Н. Голицыну. Обсужденіе его въ главномъ правленіи училищъ началось только въ 1825 году, т.-е. когда князь Голицынъ покинулъ уже занимаемую имъ должность. Адмиралъ А. С. Шишковъ назначенъ былъ его преемникомъ (15-го мая 1824 года). Для того кто зналъ близкія отношенія Магницкаго къ бывшему министру, не могло быть сомнительнымъ, что при новомъ начальникѣ вліяніе его должно было утратить свою силу.

Скажемъ къ чести лицъ, засѣдавшихъ тогда въ главномъ правленіи, что всѣ они, за весьма ничтожными исключеніями, отнеслись враждебно къ мысли Магницкаго. Правда, они допускали необходимость нѣкотораго надзора за преподаваніемъ философскихъ наукъ въ высшихъ заведеніяхъ, но совершенно исключить эти науки изъ учебнаго курса или стѣснять преподаваніе ихъ правилами, на которыхъ настаивалъ попечитель Казанскаго округа, казалось имъ дѣломъ въ высшей степени гибельнымъ и вреднымъ. Мы считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей съ сущностью упомянутыхъ сейчасъ мнѣній, приводя изъ нихъ иногда болѣе или менѣе подробные отрывки.

Графъ И. С. Лаваль повторилъ сказанное имъ уже

прежде. Онъ былъ убѣжденъ, что серіозное занятіе философіей необходимо для молодежи, и что если наука эта *заразилась*, какъ утверждалъ Магницкій, *вреднымъ направленіемъ*, то нельзя было, по словамъ его, отчаяваться въ томъ, что «и для нея наступитъ своего рода *реставрація*.» «Казанскій попечитель, читаемъ мы въ мнѣніи графа Лавали, основываетъ главнѣйшіе аргументы свои на предположеніи, будто бы правительство французское и многія другія въ Европѣ запретили у себя преподаваніе философіи. Совершенно противное было доказано, однако, положительнымъ образомъ, такъ что невозможно теперь сомнѣваться, что философія преподается не въ одномъ Парижѣ, но и во всей Франціи. Позволительно высказывать свое мнѣніе о какомъ-либо фактѣ, но не позволительно выдавать это мнѣніе за фактъ. Курсы философскихъ наукъ существуютъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Эдинбургѣ, Болоньѣ и даже во владѣніяхъ папы, а потому запретить ихъ въ Россіи было бы тѣмъ болѣе поразительнымъ исключеніемъ, что Европа привыкла, въ послѣднее время, удивляться нашимъ быстрымъ успѣхамъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и не могла бы согласить подобныя ретроградныя дѣйствія съ мѣрами, принимавшимися доселѣ для преуспѣянія цивилизаціи. Пусть позволено мнѣ будетъ упомянуть при этомъ случаѣ о распоряженіи, сдѣланномъ въ отдаленныя отъ насъ времена однимъ императоромъ, прославившимся своимъ

отступничествомъ: онъ не умѣлъ лучше обнаружить свое презрѣніе къ христіанамъ, какъ воспретивъ имъ доступъ въ философскія школы.» Мнѣніе тогдашняго попечителя Дерптскаго округа и въ послѣдствіи министра, князя К. А. Ливена, отличается безпощадною ироніей въ отношеніи къ Магницкому. Замѣтивъ въ началѣ, что «одни только дѣйствительно ученые могутъ дать основательный и удовлетворительный отвѣтъ на такой важный вопросъ, какъ вопросъ о преподаваніи философіи,» князь Ливенъ продолжалъ: «неужели во всѣхъ вѣкахъ, въ которые обучали философіи въ высшихъ училищахъ, между всѣми учеными богословами всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, между всѣми государственными мужами, кои всѣ философіи обучались, не нашелся ни одинъ такой, который имѣлъ бы столь проницательный умъ, какъ нынѣшній обвинитель сей науки, дабы подобно ему усмотрѣть въ оной то, что по словамъ его противно христіанскому и монархическому правленію? Не нашелся между ними ни одинъ такой, который имѣлъ бы столь много любви къ истинѣ, къ человѣчеству, отечеству и порядку, какъ онъ, и столько мужества какъ онъ, дабы громко предостерегать отъ столь вреднаго яда и съ твердостью содѣйствовать тому, чтобы сія смертоносная чаша исторгнута была изъ рукъ человѣческихъ?.... Другая мысль, представившаяся мнѣ, есть слѣдующая: находится ли въ свѣтѣ хотя одна вещь, кото-

рая не была бы во злю употреблена? Даже самая священнѣйшая, религія, отъ того не изъята. Столь многіе странные, безразсудные расколы, вовсе несогласные съ христіанствомъ, украшались симъ именемъ? Но неужели по причинѣ злоупотребленія или искаженія, отвергнуть само священное дѣло?» Князь Ливенъ допускалъ необходимость опредѣлить границы преподаванія философіи, но обязанность эту, по его мнѣнію, должно было возложить ни на кого другаго, какъ на самихъ ученыхъ, профессоровъ, которые могли бы по этому поводу заявить свой образъ мыслей. Всякаго рода правительственныя мѣры, преимущественно же тѣ, которыя предлагалъ Магницкій, казались ему вредными и неспособными достигнуть результата; онѣ были не нужны, ибо, по словамъ автора записки, университеты наши вовсе не представляли того зрѣлища, которое изображалъ Магницкій самыми мрачными красками. «Г. Магницкій утверждаетъ, говорилъ авторъ записки, будто бы въ одномъ только Казанскомъ университетѣ исполняются приказанія и распоряженія начальства, будто бы только тамъ наблюдается за вреднымъ преподаваніемъ: что̀ дѣлается въ Казанскомъ или въ какомъ-либо другомъ изъ состоящихъ въ Имперіи университетовъ, я не знаю, ибо у меня правило заботиться только о томъ, что мнѣ ввѣрено, и въ семъ мою обязанность, сколько то состоитъ въ моемъ знаніи и силахъ, исполнять по совѣсти.»

Мѣры, предлагаемыя Магницкимъ, устрашали князя Ливена своимъ деспотическимъ характеромъ. Расширеніе власти попечителей округовъ казалось ему совершенно ненужнымъ. «Я, какъ попечитель, говорилъ онъ, поставляю себѣ въ обязанность донести, что въ теченіе почти девятилѣтняго отправленія сей должности, въ исполненіи моихъ обязанностей никогда не затруднялся недостаткомъ власти, что большая власть легко можетъ быть поводомъ къ злоупотребленіямъ которыя нигдѣ не производятъ вреднѣйшихъ дѣйствій, какъ по учебной части. Я знаю, что честный человѣкъ исполняетъ свою должность безъ угрожительныхъ мѣръ....» Столь же опаснымъ казалось ему предоставленіе попечителю права удалять отъ должности *вольнодумствующихъ преподавателей*. «Предложеніе это, замѣчалъ онъ, можетъ проистекать изъ одной только неограниченной наклонности къ произволу автора онаго. Сколь легко могъ бы справедливѣйшій и человѣколюбивѣйшій министръ, пристрастнымъ заключеніемъ или злымъ умысломъ попечителя, быть завлеченъ къ величайшей несправедливости!» Не менѣе рѣзко порицалъ князь Ливенъ мысль объ устройствѣ комитета, который долженъ былъ слѣдить исключительно за направленіемъ научныхъ знаній въ Россіи. «Вѣроятно изобрѣтатель таковаго комитета, читаемъ мы въ запискѣ, предназначалъ для себя первое въономъ мѣсто, дабы такимъ образомъ всѣ бразды

министерства народнаго просвѣщенія забрать въ свои руки, требуя отъ всѣхъ других строжайшей отвѣтственности, а самому, безъ всякой отвѣтственности, дѣйствовать по произволу.» Не менѣе сильно возставалъ противъ требованій Магницкаго и попечитель Харьковскаго учебнаго округа, А. Перовскій (составившій себѣ извѣстность въ нашей литературѣ повѣстями, которыя изданы были имъ подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго). «Человѣческому уму, говорилъ онъ, свойственно заблуждаться, и потому нѣтъ науки, которая, при превратномъ толкованіи, не могла бы обратиться въ ученіе вредное. Математика, напримѣръ, необходимость которой никогда не была еще оспариваема, послужила Декарту къ изобрѣтенію сумасбродной теоріи о вѣтрахъ, но надлежитъ ли, опираясь на то, что математика неоднократно была во зло употребляема, запретить науку сію въ учебныхъ нашихъ заведеніяхъ? Если мы позволимъ себѣ смѣшивать самыя науки съ заблужденіями, которыя или неприязнію вкрались въ преподаваніе оныхъ или злоумышленными людьми нарочно посѣяны, то полезнѣйшія и необходимѣйшія познанія должно будетъ изгнать изъ университетовъ, и тогда грубое невѣжество заступитъ у насъ мѣсто просвѣщенія.... Г. попечитель Казанскаго округа, въ негодованіи на покушенія нѣкоторыхъ лжемудрецовъ нашего времени, думаетъ остановить разрушительный потокъ ученія ихъ повсе-

мѣстнымъ запрещеніемъ преподаванія философіи. Но по мнѣнію моему, таковое запрещеніе имѣло бы неминуемымъ послѣдствіемъ распространеніе тѣхъ опасныхъ правилъ, отъ которыхъ желаетъ онъ предохранить юношество. Еслибы можно было окружить отечество наше китайскою стѣной, которая отдѣляла бы его отъ остальнаго міра, еслибы потомъ можно было въ предѣлы Россіи перенести испанскую инквизицію XVI столѣтія и поручить ей совершенное истребленіе всего того, что о философіи когда-либо было написано, то и тогда не достигли бы мы цѣли, г. попечителемъ предполагаемой. Сіи строгія мѣры произвели бы только сильнѣйшее въ неопытныхъ умахъ стремленіе къ познанію запрещеннаго....» Замѣчательно по своей ясности и строгой основательности мнѣніе одного изъ членовъ главнаго правленія училищъ, капитана-командора Крузенштерна. Скромно упомянувъ въ началѣ, что «воспитанъ будучи въ кадетскомъ корпусѣ и проведя первыя 20 лѣтъ на морѣ, не можетъ взять на себя теоретическое изложеніе о пользѣ или вредѣ философскихъ наукъ,» однако, онъ продолжаетъ: «Я не знаю, точно ли, какъ полагаетъ попечитель Казанскаго округа, всѣ члены главнаго правленія училищъ твердо въ необходимости предлагаемой имъ мѣры убѣждены; но что касается до меня, то поводы и причины, выставляемые г. попечителемъ въ подкрѣпленіе его мнѣнія, ни мало не убѣдитель-

ны. Г. попечитель въ томъ, что̀ онъ называетъ философіей, видитъ какое-то страшное всепожирающее чудовище, которое будто бы спокойно подрываетъ у насъ тронъ и алтари. Я полагаю, что ученіе философіи, въ надлежащемъ, истинномъ смыслѣ, есть не что̀ иное, какъ благотворное руководство къ должному употребленію дарованнаго намъ отъ Бога разума на размышленіе и правильное заключеніе о предметахъ насъ окружающихъ, а также на очищеніе и усовершенствованіе понятій нашихъ по всѣмъ вѣтвямъ человѣческихъ знаній. Наука, имѣющая столь благодѣтельную цѣль, не только не можетъ почитаться вредною, но напротивъ того, есть необходимая для человѣка, который, соотвѣтственно высокому его предназначенію, обязанъ всегда стремиться ко всякому нравственному образованію и усовершенствованію... Давно уже и часто повторяемо было, что просвѣщеніе произвело французскую революцію и что оно, слѣдовательно, вина всѣхъ ужасовъ того времени, Европу постигшихъ. Но государи россійскіе иначе о томъ думали, увѣрены будучи, что истинное просвѣщеніе есть лучшій и надежнѣйшій оплотъ противъ ложныхъ умствованій и заблужденій ума человѣческаго: они въ самое сіе время обратили особенное вниманіе на распространеніе просвѣщенія въ отечествѣ нашемъ посредствомъ безчисленнаго множества учебныхъ заведеній. Просвѣщеніе въ Россіи пошло быстрыми

шагами; ученіе философіи введено во всѣхъ университетахъ и, благодаря Бога, народъ русскій предъ всѣми прочими отличается благочестіемъ и приверженностію къ престолу: незабвенный 1812 годъ служитъ тому непоколебимымъ доказательствомъ. Напротивъ того, мы видѣли въ новѣйшія времена возникающія революціи въ Португаліи, Испаніи, Италіи, гдѣ, конечно, менѣе просвѣщенія, менѣе философскаго ученія, нежели въ государствахъ сѣверной Европы, которыя днесь наслаждаются спокойствіемъ и благоденствіемъ.» Разсматривая одно за другимъ доказательства Магницкаго, Крузенштернъ не могъ не убѣдиться, что главнѣйшее изъ нихъ опиралось на безсмысленномъ сравненіи новѣйшихъ философскихъ наукъ съ ученіемъ иллюминатовъ. «Но общество иллюминатовъ, возражалъ онъ, хотя и существовало до французской революціи, было, однако, уничтожено уже въ 1785 году, а, слѣдовательно, не понятно, почему бы нынѣ, по прошествіи 40 лѣтъ, надлежало бы намъ опасаться какого-то вліянія сего давно забытаго общества, почему бы оно было *съ особеннымъ остервененіемъ* устремлено на Россію: это, кажется, приведено только для того, чтобъ основать на чемъ-нибудь мнѣніе г. Магницкаго, что иллюминатизмъ и философія суть одно и то же, и что надлежитъ исключить сію послѣднюю изъ числа учебныхъ предметовъ Россіи.» Требованіе Магницкаго о предоставленіи

попечителямъ округовъ права удалять отъ должностей *вольнодумствующихъ* преподавателей, встрѣчено было сильнымъ протестомъ со стороны автора излагаемой нами записки. «Подобная мысль, говорилъ онъ, противна высочайше утвержденнымъ статутамъ университетовъ, по коимъ профессоръ не иначе какъ по представленію совѣта отъ должности удаленъ быть можетъ. Я почитаю сохраненіе сего права, университетамъ дарованнаго, тѣмъ болѣе важнымъ, что въ случаѣ отмѣны онаго едвали какой-либо достойный уваженія преподаватель захочетъ принять мѣсто, въ коемъ существованіе его зависѣло бы отъ произвола одного лица, имѣющаго власть (винно или безвинно, но безъ суда) лишить его существованія, пропитанія и чести!» Членъ главнаго правленія училищъ, И. М. Муравьевъ-Апостолъ, развивалъ ту же самую мысль, которая болѣе или менѣе ясно была выражена во всѣхъ упомянутыхъ выше запискахъ. И онъ доказывалъ, что запретить безусловно преподаваніе философіи въ Россіи, значило бы нанести сильный ударъ успѣхамъ просвѣщенія. «Такъ какъ заблужденіе ума человѣческаго, говорилъ онъ, доказываетъ только слабость нашу, но самого употребленія ума не отвергаетъ, такъ точно и злоупотребленіе философіи не доказываетъ, чтобъ употребленіе оной было безполезно: напротивъ того, здравая философія есть надежнѣйшій оплотъ противъ нападеній лжемудрія.

Это заключеніе заслуживаетъ особливое наше вниманіе. Мы часто принимаемъ злоупотребленіе вещи за самую вещь, и въ такомъ понятіи нѣкоторые говорятъ: «Поелику софисты употребляютъ философію во зло, слѣдственно и философія есть зло», — умозаключеніе ошибочное, *не философское*, и которое одно уже достаточно доказываетъ пользу изученія философіи, ибо съ нею никто бы не сдѣлалъ такого предложенія, и никто бы и не принялъ онаго. Впрочемъ, вышеприведенный силлогизмъ не есть ли тотъ самый, который вольнодумцы употребляютъ противъ религіи? Не у нихъ ли безпрестанно въ устахъ Лукреціевъ стихъ:

Tantum religio potuit suadere malorum!

Но кто здравомыслящій отнесетъ къ религіи костры инквизиціи, канунъ Варѳоломеева дня или позоръ человѣчества—гонителей, каковы были Филиппъ II Испанскій и достойная супруга его Марія Великобританская? Истинный философъ не сдѣлаетъ такого отвратительнаго смѣшенія понятій...» И. М. Муравьевъ-Апостолъ находилъ, что Франція, на которую указывалъ Магницкій, не можетъ служить для насъ примѣромъ. «Прилежно наблюдая положеніе, въ которомъ мы находимся, сказано въ его запискѣ, легко уразумѣть можно, что въ отношеніи преподаванія философскихъ наукъ, благоразумнѣйшія мѣры въ одной землѣ могутъ быть совершенно неумѣст-

ными въ другой. Я здѣсь разумѣю Францію, которой, какъ мнѣ кажется, мы не должны въ этомъ случаѣ подражать. Тамъ была политическая революція, тамъ и до сихъ поръ еще двѣ партіи, одна противъ другой остервененныя, наблюдаются взаимно и другъ другу угрожаютъ; тамъ по всему этому трудно еще находить профессоровъ довольно осторожныхъ, скромныхъ и безпристрастныхъ, которымъ бы можно было повѣрить преподаваніе нѣкоторыхъ отраслей наукъ философскихъ: а у насъ что̀ общее между нами и Французами? У насъ не было революціи и не будетъ ея, потому что народъ одаренъ лучшею философіей — здравымъ смысломъ, который безпрестанно твердитъ ему, что онъ подъ отеческимъ правленіемъ благоденствуетъ и что отъ добра зла не ищутъ. У насъ, поэтому, нѣтъ ни факцій, ни партій политическихъ, а еслибъ и случилось немного воспаленныхъ мозговъ, то что они значатъ? Они одиноки, они отвержены, они ни одной точки соединенія съ обществомъ не имѣютъ, да и самое заблужденіе ихъ не есть, такъ сказать, домашнее; оно ввезено какъ моды и также проходящее какъ онѣ.»

Мнѣнія, представленныя вице-адмираломъ Сарычевымъ, тайнымъ совѣтникомъ Штеромъ, дѣйствительными статскими совѣтниками Фусомъ и Мартыновымъ, не заключали въ себѣ ничего особенно замѣчательнаго. Въ нихъ развивалась та же мысль,

что министерство народнаго просвѣщенія не должно препятствовать преподаванію философскихъ наукъ въ нашихъ университетахъ, хотя оно имѣетъ право слѣдить за направленіемъ и духомъ этого преподаванія. Но по ихъ мнѣнію, вовсе не слѣдовало придавать этому надзору тотъ стѣснительный характеръ и прибѣгать къ тѣмъ чисто полицейскимъ предписаніямъ, которыя предлагалъ Магницкій. «Стѣснять высшую ученость, — говорилъ, по этому поводу, бывшій харьковскій попечитель Карнѣевъ, — непремѣнными какими-либо правилами, въ учебныхъ книгахъ изложенными, преграждать чрезъ то путь къ новымъ изслѣдованіямъ и открытіямъ, не позволять перемѣнъ въ самой системѣ преподаванія и проч., сіе значило бы то же, что уничтожать всѣ дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенія и развитія человѣческаго ума. Я говорю здѣсь объ университетахъ и имъ подобныхъ высшихъ заведеніяхъ, которыя для того и учреждены, чтобы науки болѣе и болѣе совершенствовались. Для нихъ, кажется, нельзя составлять учебныхъ книгъ, коими бы они ограничивались. Долгъ и честь каждаго профессора состоитъ въ томъ, чтобъ изъ всего извлекать лучшее, учреждать преподаваніе по своему выбору и дополнять свою науку новыми изобрѣтеніями. Съ перемѣною преподавателя перемѣняется и образъ ученія. Лишеніе въ семъ случаѣ свободы противно цѣли всякаго высшаго просвѣщенія.»

Достаточно видно изъ всего вышеизложеннаго, какъ сильно ошибался Магницкій, когда утверждалъ, представляя въ 1823 году свой проектъ князю Голицыну, что большинство членовъ главнаго правленія училищъ окажется по этому вопросу на его сторонѣ. Не будемъ разбирать причины, вызвавшія совсѣмъ противоположное явленіе; легко быть можетъ, что если не самая сущность нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ выше мнѣній, то по крайней мѣрѣ рѣзкая форма, въ которую были облечены они, условливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что Магницкій не представлялся уже въ это время прежнимъ опаснымъ врагомъ. Какъ бы то ни было, изъ всѣхъ записокъ, представленныхъ въ главное правленіе училищъ по поводу проекта Магницкаго, только весьма немногія выражали образъ мыслей, приближавшійся болѣе или менѣе къ его собственному; принадлежали онѣ попечителю Виленскаго округа Новосильцеву, капитанъ-лейтенанту князю С. А. Ширинскому-Шихматову и попечителю Московскаго округа, генералъ-майору Писареву. Первый изъ нихъ вооставалъ одинаково противъ нѣмецкой и французской философіи: «Ученіе Шеллинга, говорилъ онъ, подобно какъ и предшественниковъ его, Фихте и Канта, столь темно и въ окончательныхъ рѣшеніяхъ своихъ столь мало вознаграждаетъ то особое напряженіе ума, которое нужно, дабы вникнуть въ темноту сихъ не столь глубокихъ, какъ многосло-

вныхъ разсужденій, что всѣ сіи философскія изслѣдованія и мечтанія останутся, какъ мнѣ кажется, и впредь тѣмъ, чѣмъ были, то-есть поприщемъ и достояніемъ нѣсколькихъ метафизиковъ, безъ вліянія на дѣятельную жизнь и не производя другаго зла, какъ потерю времени, для того, кто симъ занимается. Однакоже, такъ какъ и потеря времени вредна, а въ обязанность училищнаго начальства входитъ и то, чтобы предохранять обучающееся юношество отъ безполезнаго употребленія времени, то по сему философія Шеллинга, Стефенса и имъ подобныхъ метафизиковъ, по моему мнѣнію, не должна быть терпима въ россійскихъ университетахъ.» Что касается до образа дѣйствій, который принятъ былъ во Франціи, касательно преподаванія философскихъ наукъ, то Новосильцевъ выражался объ этомъ слѣдующимъ образомъ: «Во Франціи превратныя ученія лжефилософовъ несравненно болѣе распространились и утвердились. Тамъ существовала нечестивая школа энциклопедистовъ, возникли ужасы революціи, разрушена была до основанія христіанская религія, господствовалъ подъ покровительствомъ правительства деизмъ, и вездѣ являлся, при сильной терпимости, самый атеизмъ. Когда, по низверженіи революціонной власти и послѣдняго могущественнаго ея произведенца, Бонапарте, возстановлено нынѣ правленіе законныхъ государей, то открывается необходимость искоренить и истребить всѣ дикіе корни

революціонныхъ идей. Здѣсь надлежитъ обратить вниманіе на сію важную разность положенія нашего и Франціи. Тамъ должно искоренять глубоко простертый корень, а у насъ токмо не допускать, чтобы вредное сѣмя было заносимо или по неосмотрительности, или по невѣжеству самыхъ наставниковъ, слѣдующихъ во многихъ случаяхъ слѣпо за другими, или, наконецъ, по ухищренію нѣкоторыхъ превратныхъ между ними умовъ. Общество франкъ-масоновъ, говоритъ онъ далѣе въ своей запискѣ, оказавшееся столь мятежнымъ во многихъ государствахъ и коего существованіе прекращено въ Царствѣ Польскомъ и въ польскихъ губерніяхъ вслѣдствіе моихъ представленій, состоитъ въ неоспоримой связи съ архитектурою. Весь церемоніалъ масонскій, большая часть таинственныхъ словъ общества примѣнены къ означенной наукѣ или изъ оной позаимствованы, но можно ли изъ сего выводить, что архитектура есть опасная наука и способствуетъ мятежникамъ собираться и укрываться подъ личиною архитектурныхъ занятій отъ преслѣдованій проницательной полиціи?» Но допуская необходимость философіи, Новосильцевъ доказывалъ, что это долженствовала быть какая-то особенная философія, «сообразная, какъ выражался онъ, съ нашими нуждами» и непричастная системамъ, господствовавшимъ на Западѣ. Авторъ не счелъ, впрочемъ, возможнымъ развить подробно свою мысль. Яснѣе вы-

разилъ свое мнѣніе другой членъ главнаго правленія училищъ, князь Ширинскій-Шихматовъ. Онъ прямо утверждалъ, что изъ всѣхъ философскихъ наукъ слѣдуетъ допустить лишь преподаваніе логики, «заключающей въ себѣ весьма полезныя наставленія, какъ правильно составлять предложенія и выводить изъ нихъ справедливыя доказательства,» и психологіи, ибо «разсматриваніе свойствъ души, ея способностей и даже страстей, принадлежитъ къ истинному просвѣщенію.» Что же касается собственно философіи, то, по мнѣнію князя Ширинскаго-Шихматова, она способна совратить умы на самый гибельный для нихъ путь. Всѣ философскія сочиненія были, по мнѣнію его, источникомъ невѣрія и ересей: даже руководство Баумейстера, принятое въ то время въ училищахъ духовнаго вѣдомства, и «сочинитель котораго дѣйствительно чуждъ всякаго умышленнаго вольнодумства,» содержало, по словамъ его, почти на каждой страницѣ мысли, противныя нравственности и религіи. Князь Ширинскій-Шихматовъ не совѣтовалъ, впрочемъ, отмѣнить безусловно преподаваніе философіи, но онъ предлагалъ для него особенную систему. «Надлежитъ, читаемъ мы въ его запискѣ, составить для юношества нашего ученіе, основанное на благонравіи христіанскомъ, то-есть почерпнуть и въ порядкѣ изложить всѣ относящіяся къ тому наставленія изъ книгъ боговдохновенныхъ Ветхаго и Новаго Завѣта, удер-

живая, сколько возможно, даже самыя выраженія Св. Писанія, по подобію того, какъ знаменитымъ Боссюэтомъ составлена книга, извѣстная подъ названіемъ *Священной политики*, которая и въ семъ предполагаемомъ трудѣ можетъ служить пособіемъ и руководствомъ. Къ таковымъ изъ Св. Писанія правиламъ истиннаго благонравія надлежитъ еще, для доставленія сему важнѣйшему ученію полнаго совершенства, присовокупить изъ житія св. отцовъ поучительные и всякаго подражанія достойные примѣры, съ правилами, по опыту составленными, соединенные, какъ при помощи благодати одолѣвать и искоренять въ самомъ себѣ самыя сильныя порочныя страсти и достигать самыхъ высокихъ христіанскихъ добродѣтелей.»

Наконецъ мнѣніе Писарева (сколько можно понять его ибо оно выражено весьма сбивчиво и неясно) заключалось въ слѣдующемъ: онъ полагалъ, что зло отъ преподаванія философскихъ наукъ значительно уменьшилось бы, еслибы всѣ эти, какъ называлъ онъ ихъ, *своевольныя* науки *стѣснены* были въ сродныя имъ. Такъ, напримѣръ, права естественныя, политическія и народныя слѣдовало бы излагать подъ общимъ названіемъ дипломатики; исторію философіи соединить съ богословіемъ и даже политическую экономію слить съ коммерціей. Энциклопедію, говорилъ Писаревъ, также «можно было бы распредѣлить по принадлежности.» «Тако-

вое распредѣленіе мѣстное и законное сихъ наукъ, восклицалъ авторъ записки, ограничить оныя здравымъ сужденіемъ, закорыстуетъ (?) учащихся и обратитъ на путь истинный многихъ, впрочемъ достойныхъ, но заблудшихся учителей. Рано или поздно, но надобно же подъять кому-нибудь геркулесовъ трудъ, на очистку сихъ умственныхъ закромовъ Авгіасовыхъ!»

Такъ какъ въ мнѣніи Магницкаго указано было съ особенною силой на вредныя ученія, распространяемыя профессоромъ Давыдовымъ въ его логикѣ, то попечитель Московскаго округа счелъ обязанностью защитить его отъ этихъ нареканій. Онъ ссылался на то, что сочиненіе это было не что̀ иное какъ компиляція изъ различныхъ иностранныхъ авторовъ: введеніе было заимствовано цѣликомъ изъ Вагнера, всѣ остальныя главы изъ Локка, Кондильяка, Кизеветтера, Буле, Жерандо, Гюнарса и др. «И такъ, прибавлялъ онъ, г. Давыдовъ своего сужденія ничего или мало, и то для общей связи, употреблялъ, и потому если онъ ошибся въ извлеченіяхъ своихъ, то указалъ бы я ему сіи погрѣшности съ духомъ кротости и терпѣнія (надежнѣйшее средство въ убѣжденіи) и тутъ же бы указалъ мѣста лучшія, когда бы пріискалъ ихъ въ иностранныхъ писателяхъ... Да простится мнѣ таковое заступленіе за подчиненнаго моего, въ которомъ я нахожу способности ко всему полезному и который

со всеусердіемъ продолжаетъ служеніе свое по указаніямъ начальства: безпрекословно и безъ умничанья, двухъ главныхъ враговъ порядка и дисциплины, или чинопочитанія........ Хотя профессоръ Давыдовъ и занимался философіей, но изъ этого еще не слѣдовало заключать, чтобъ онъ былъ опасный человѣкъ, ибо существуетъ глубокое различіе между истиннымъ философомъ или любителемъ мудрости и лжефилософами, то-есть вольнодумцами всякаго рода...... Энциклопедисты Вольтеръ, Дидеро и собратія ихъ самовольно присвоивали себѣ названіе философовъ, но собственно оно никогда имъ не принадлежало, ибо для нихъ философія состояла въ дерзости говорить остроумно вопреки разуму и совѣсти, и они даже не подозрѣвали, что философія, какъ общая теорія наукъ, имѣетъ свои начала и правила, и что оной, какъ математикѣ, надобно учиться, дабы выводить и почитать ея результаты!»

Всѣ изложенныя нами выше мнѣнія предоставлены были въ главное правленіе училищъ въ промежутокъ времени отъ 15 августа до 1 ноября 1823 года. Дѣло подвигалось съ этихъ поръ весьма медленно. Если въ началѣ проектъ Магницкаго обратилъ на себя вниманіе, то въ послѣдствіи оно видимо къ нему охладѣло. Въ 1862 году ноября 10 главное правленіе училищъ подвергло своему разсмотрѣнію какъ проектъ Магницкаго, такъ

и поданныя по его поводу мнѣнія и постановило слѣдующій приговоръ: «Курсъ философскихъ наукъ, очищенный отъ нелѣпостей новѣйшихъ философовъ, основанный на истинахъ христіанскаго ученія и сообразный съ правилами монархическаго правленія, необходимъ въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но какъ высочайшимъ повелѣніемъ учрежденъ комитетъ для устройства учебныхъ заведеній, обязанность котораго, между прочимъ, состоитъ въ начертаніи наукъ, долженствующихъ преподавать с въ училищахъ, то и слѣдуетъ, составя изъ всего дѣла обстоятельную записку препроводить ее въ упомянутый комитетъ для соображенія при составленіи новаго устава для университетовъ.»

Комитетъ, упоминаемый выше, былъ тотъ самый, въ средѣ котораго возникъ уставъ 1828 года. Извѣстно, что преподаваніе философіи было допущено имъ, но при обсужденіи этого важнаго вопроса мнѣніе Магницкаго не обратило уже на себя ни малѣйшаго вниманія. Когда нѣкоторымъ членамъ явилась при этомъ мысль вынуть его изъ-подъ спуда, то засѣдавшій въ комитетѣ С. С. Уваровъ выразился о немъ слѣдующимъ образомъ: «Дѣло о преподаваніи философіи, возникшее по запискѣ бывшаго попечителя Казанскаго университета, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя, по измѣнившимся обстоятельствамъ, не требуютъ нынѣ особеннаго

разрѣшенія: духъ и цѣль этой записки, равно и средства сочинителемъ употребленныя, нынѣ столь обнаружены, что не представляютъ болѣе никакой опасности, никакого вреда ни для высшихъ учебныхъ заведеній, ни для лицъ, до коихъ могли коснуться заключенія сочинителя сказанной записки.»

Какія же обстоятельства содѣйствовали обнаруженію тѣхъ средствъ и цѣлей, которыми руководился Магницкій въ попыткахъ своихъ воздвигнуть гоненіе на философскія науки? Вопросъ этотъ приводитъ насъ къ изложенію катастрофы, которая прервала дѣятельность его по Казанскому учебному округу.

V.

Въ началѣ 1826 года, генералъ-майоръ П. Ѳ. Желтухинъ, проживавшій въ то время въ Казани и бывшій очевидцемъ всѣхъ преобразованій, сдѣланныхъ Магницкимъ, получилъ высочайшее приказаніе осмотрѣть подробно Казанскій университетъ. Отъ министерства дана была ему инструкція, состоявшая изъ 80 пунктовъ, и въ которой поручалось ему обратить одинаково строгое вниманіе на части учебную, нравственную и хозяйственную. Такъ какъ въ дѣлахъ касавшихся хозяйственнаго управленія, генералъ Желтухинъ не полагался на свои свѣдѣнія, то помощникомъ ему былъ назначенъ состоявшій при министерствѣ коллежскій совѣтникъ В. П. Есиповъ.

О ревизіи Желтухина имѣемъ мы подробныя свѣдѣнія, происходящія изъ совершенно различныхъ источниковъ: съ одной стороны его собственныя

донесенія и объяснительныя записки, съ другой — обширное оправданіе, представленное Магницкимъ, и въ которомъ онъ не довольствуется опроверженіемъ различныхъ обвиненій противъ себя, но слѣдитъ за каждымъ поступкомъ, за каждымъ словомъ ревизора, съ цѣлью набросить неблаговидную тѣнь на его образъ мыслей и характеръ. Понятно, до какой степени осторожно нужно обращаться съ этимъ послѣднимъ источникомъ, гдѣ главное мѣсто занимаютъ различные сплетни и слухи, не подкрѣпленные никакими доказательствами. Магницкій разсказываетъ, между прочимъ *), что когда разнесся въ Казани слухъ о назначеніи Желтухина, то самъ ревизоръ многимъ свидѣтелямъ, и въ томъ числѣ *одной важной духовной особѣ*, говорилъ, будто бы не понимаетъ, какую цѣль можетъ имѣть предполагаемый осмотръ, ибо Казанскій университетъ извѣстенъ всѣмъ съ самой блестящей стороны. Настроеніе это будто-бы измѣнилось тотчасъ послѣ пріѣзда въ Казань Есипова *съ нужными изъ Петербурга внушеніями*. «Чиновникъ этотъ, увѣряетъ Магницкій, убѣдилъ Желтухина, что привелъ неоспоримые документы важныхъ злоупотребленій въ университетѣ, что го-

---

*) Въ запискѣ, озаглавленной такимъ образомъ: *Истинное изложеніе неприличностей, неправильностей, противузаконныхъ и оскорбительныхъ дѣйствій генералъ-маіора Желтухина при осмотрѣ Казанскаго университета.*

нители мои пользуются большою довѣренностію и имѣютъ опору въ сильной противъ меня партіи; что дѣло идетъ о пораженіи меня одного; что университетъ въ большомъ на меня неудовольствіи и что легко будетъ, слѣдовательно, возбудить доносы и жалобы.»

Нерасположеніе къ попечителю со стороны Желтухина обнаружилось, опять-таки по словамъ Магницкаго, съ самаго перваго дня ревизіи, когда представлялись ему всѣ лица, служащія въ университетѣ, и студенты. Подойдя къ профессору богословія, протоіерею Нечаеву, Желтухинъ спросилъ его:

— Не фанатически ли вы учите Закону Божію?

— Извольте увидѣть изъ моихъ лекцій, отвѣчалъ тотъ.

— Какже должно любить Бога? продолжалъ ревизоръ.

— Выше всякаго фанатизма.

Странная бесѣда эта, замѣчаетъ Магницкій, предварила университетъ, какая ему участь грозитъ отъ осмотра.

Замѣтимъ, что изъ профессоровъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые своими мѣстами были главнымъ образомъ обязаны попечителю, многіе ревностно содѣйствовали ревизору въ обнаруженіи разныхъ злоупотребленій. И это обстоятельство приписано было Магницкимъ проискамъ Желтухина. Особенно него-

довалъ онъ на образъ дѣйствій ректора (Фукса) и директора (Никольскаго), которые не дерзали до сихъ поръ прекословить его волѣ. «Г. Желтухинъ, говоритъ онъ, избралъ этихъ людей, весьма слабыхъ и боязливыхъ, и устрашивъ ихъ сначала криками и грубостями, которыхъ они никогда не слыхивали, угрозами суда и взысканій, вдругъ началъ ихъ ласкать, склоняя на преданіе меня и университета. Сіи слабые люди, вѣкъ изъ губерніи не выѣзжавшіе, и пораженные важностью генерала, обѣщавшаго имъ награды, такъ исполнили его желанія, что совершенно отложились отъ своего начальника и не только не сообщали ему своихъ дѣйствій, но даже перестали ему и показываться.»

Впрочемъ, оставимъ пока въ сторонѣ эти нареканія, на которыя Магницкій былъ всегда великимъ мастеромъ, и прослѣдимъ, сколько возможно, настоящій ходъ дѣла.

Ревизія казанскаго университета начата была 8-го февраля 1826 года и продолжалась ровно мѣсяцъ. Въ половинѣ марта генералъ-маіоръ Желтухинъ представилъ уже министру подробное донесеніе, въ которомъ находился отвѣтъ на всѣ вопросные пункты, заключавшіеся въ данной ему инструкціи. Документъ этотъ представляетъ такую важность, что мы изложимъ здѣсь подробно его содержаніе, вмѣстѣ съ объясненіями, представленными Магницкимъ.

«Университетское начальство, такъ начинаетъ г. Желтухинъ, постановило себѣ правиломъ внушать студентамъ преимущественно уваженіе къ церкви. ....Но если при семъ принять въ соображеніе бывшія въ разное время предписанія: чтобы студенты при вступленіи въ университетъ имѣли непремѣнно Библіи; чтобы предъ завтракомъ и ужиномъ читались молитвы по канонику; чтобы во время самыхъ завтраковъ, обѣдовъ и ужиновъ одинъ изъ студентовъ дѣлалъ чтеніе изъ Библіи и иныхъ христіанскихъ книгъ; чтобы проступившіеся воспитанники назывались *грѣшниками*, отдавались на руки духовнику, который ихъ увѣщеваетъ, исповѣдуетъ и удостоиваетъ Св. таинъ; чтобы во время сего исправленія возносились общія молитвы сотоварищей и ихъ начальства объ обращеніи грѣшниковъ; если, наконецъ, допустить, что всѣ сіи правила, приличныя самымъ строгимъ монастырскимъ обителямъ, исполняются въ точности питомцами университета: въ такомъ случаѣ, можно имѣть справедливое опасеніе, чтобы въ сихъ молодыхъ людяхъ не укоренилось лицемѣріе, столь пагубное, подъ личиною благочестія скрывающее многіе пороки, вредные для благосостоянія гражданскихъ обществъ.» Упомянувъ о карцерѣ для провинившихся студентовъ, о желѣзныхъ рѣшеткахъ, распятіи и изображеніи страшнаго суда, Желтухинъ говоритъ: «Войдите въ разсмотрѣніе, какое впечатлѣніе должна имѣть

на пылкій умъ молодаго человѣка вся эта обстановка, среди которой ожидаетъ онъ духовника для увѣщанія! Не справедливо ли, что подобный порядокъ свойственъ болѣе монастырю нежели учебному заведенію? Не справедливо ли, что онъ можетъ истребить послѣднюю нравственность или породить лицемѣровъ?» Притомъ нельзя сказать, чтобы система эта ознаменовалась сколько-нибудь удовлетворительными результатами. Напротивъ, изъ числа 115 студентовъ, находившихся въ 1826 году въ университетѣ, около половины показано въ числѣ порочныхъ.* «При существованіи строгихъ правилъ, установленныхъ попечителемъ, продолжалъ Желтухинъ, необходимо было бы, по крайней мѣрѣ, избрать въ инспекторы студентовъ человѣка, извѣстнаго своими способностями и нравственными качествами, привыкшаго обращаться съ молодыми людьми, умѣющаго отличить порокъ отъ проступка, а между тѣмъ, званіемъ этимъ въ Казани облеченъ былъ нѣкто Б., иностранецъ изъ Евреевъ, недавно пріѣхавшій въ Россію, принявшій здѣсь православную вѣру, и которому привычки, образъ жизни, даже языкъ русскаго общества, совершенно незнакомы.»

Магницкій поспѣшилъ представить объясненія

*) Изъ списковъ, представленныхъ директоромъ, видно, что главнѣйшіе проступки заключались въ слѣдующемъ: холодность въ дѣлахъ вѣры, нетрезвость, писаніе предосудительныхъ стиховъ на начальство и буйный характеръ.

противъ этого пункта. «Правила для студентовъ говоритъ онъ, не вновь выдуманы и не произвольно собраны мною, но взяты изъ Ролленя, Боссюэта, Флери, Фенелона, цѣлою Европой признанныхъ законодателями въ воспитаніи; если г. ревизоръ хочетъ начала сіи осмѣивать, то я буду отвѣчать только, что Баконъ, Ролленъ, Боссюэтъ и Фенелонъ согласны съ нами въ способахъ монархическаго воспитанія. Пусть г. Желтухинъ осмѣиваетъ ихъ прежде насъ, пусть докажетъ, что его мнѣніе уважительнѣе ихняго....» По словамъ Магницкаго, въ лучшую эпоху Парижскаго университета, а именно до революціи, еще не такіе строгіе порядки господствовали въ немъ. Въ то время каждый профессоръ, предъ начатіемъ урока, становился на каѳедрѣ на колѣна и произносилъ молитву; экзаменъ на ученыя степени происходилъ въ комнатѣ, обитой чернымъ сукномъ, вокругъ стола, на которомъ, посреди двухъ зажженныхъ свѣчей, стояло распятіе. Если это было въ Парижѣ, говорилъ Магницкій, то отчего же этому не быть и у насъ? «Что касается карцера, читаемъ мы въ его донесеніи, то рѣшетки существуютъ тамъ для извѣстныхъ всякому причинъ, а распятіе и картина страшнаго суда, обращенная какъ бы въ посмѣяніе г. Желтухинымъ, нужны и должны быть тамъ, гдѣ обуздывается порочность страстей нравственными средствами, для приведенія сими священными изображеніями проступившагося

въ чувство раскаянія.» Говоря о характерѣ того направленія, которое господствовало въ Казанскомъ университетѣ, Желтухинъ упомянулъ о фанатизмѣ. Магницкій прицѣпился къ этому слову, и вотъ въ какихъ разсужденіяхъ подало оно ему поводъ. «Извѣстно, говоритъ онъ, что слово *фанатизмъ*, по счастію не русское, введено во Францію Вольтерами и Дидро, во время величайшаго нечестія, и означало тогда ругательное названіе христіанской вѣры. Послѣ того въ революцію, употреблялось оно единомышленниками Вольтеровъ и Дидротовъ. Наконецъ, съ прекращеніемъ сихъ несчастныхъ временъ выброшено изъ употребленія, и нынѣ едва и на самомъ французскомъ языкѣ можетъ выражать неистовства магометанства, идолопоклонства или шаманства, но никогда въ рѣчи не только о вѣрѣ православной, ниже о какомъ-либо христіанскомъ исповѣданіи, мѣста имѣть не можетъ: что же разумѣетъ г. Желтухинъ подъ словомъ фанатизмъ, говоря о греко-католикахъ?...» Отражая упрекъ касательно опредѣленія г. Б. въ должность инспектора студентовъ Магницкій прибавляетъ: «Г. Желтухинъ не одобряетъ, кажется, перемѣны вѣры еврейской на христіанскую, но чтò можетъ быть благонадежнѣе, какъ ученый Еврей, сдѣлавшійся христіаниномъ въ совершенномъ возрастѣ, по глубокому убѣжденію въ истинахъ вѣры? Г. ревизоръ называетъ его *перемѣнившимъ религію*, забывая, что такъ перемѣ-

нили ее и всѣ апостолы. Перемѣнившiи религiю называются *отпадшiе отъ истинной*, а принявшiе ее именуются *обратившимися*.»

При разсмотрѣнiи правилъ для студентовъ и послѣдствiй, вызванныхъ ими, неминуемо должна была всплыть наружу исторiя Бовина и Левенгофа, отданныхъ Магницкимъ въ солдаты безъ суда и приговора. По строгомъ изслѣдованiи дѣла оказалось, что первый изъ этихъ молодыхъ людей выпилъ бутылку полпива; не будучи, конечно, въ состоянiи опьянѣть отъ этого, онъ держалъ себя весьма пристойно, какъ совершенно трезвый человѣкъ, и только по запаху, случайно встрѣтившись съ нимъ, могъ заключить директоръ объ его поступкѣ. Впрочемъ, самъ директоръ до такой степени не придавалъ этому никакой важности, что донося попечителю о Бовинѣ (въ обычаѣ было доносить ему о всѣхъ мелочахъ), счелъ нужнымъ прибавить, что студентъ этотъ отличается вообще прекраснымъ поведенiемъ и значительными успѣхами въ наукахъ. Но Магницкому нуженъ былъ примѣръ. Онъ скрылъ въ представленiи своемъ министру все, что служило въ пользу несчастнаго Бовина, всѣ лестные о немъ отзывы и выставилъ его неисправимымъ пьяницей. По настоянiю его, Бовинъ, вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ своимъ, Левенгофомъ, охмѣлѣвшимъ отъ нѣсколькихъ рюмокъ ликера, выпитыхъ имъ въ кондитерской, былъ отправленъ на службу въ оренбургскiй гарнизонъ.

Молодые люди эти погибли бы безвозвратно, еслибы, по истеченіи трехъ лѣтъ, генералъ Желтухинъ не раскрылъ ихъ дѣла въ настоящемъ видѣ: главное правленіе училищъ поручило министру ходатайствовать объ ихъ прощеніи, и просьба эта была уважена.

Мы видѣли уже въ какомъ жалкомъ положеніи находилось преподаваніе наукъ въ Казанскомъ университетѣ. Свѣдѣнія объ этомъ заимствованы были нами изъ донесенія Желтухина, который изобразилъ убѣдительно весь вредъ, происходившій отъ безпрерывнаго перемѣщенія профессоровъ съ одной каѳедры на другую, отъ появленія въ средѣ ихъ лицъ неимѣвшихъ никакихъ ученыхъ степеней, отъ стѣснительныхъ инструкцій, которыя они получали безпрерывно, и отъ недостатка самыхъ необходимыхъ учебныхъ пособій. Необычайные успѣхи студентовъ, засвидѣтельствованные въ пресловутой рѣчи попечителя отъ 1825 года, существовали только въ его воображеніи: въ дѣйствительности же уровень познаній былъ крайне низокъ. Чтобъ опередить такое заключеніе ревизора, Магницкій утверждалъ, что генералъ Желтухинъ не былъ въ состояніи судить объ успѣхахъ студентовъ, ибо удѣлялъ весьма мало времени посѣщенію лекцій; имъ представлена была даже вѣдомость, съ показаніемъ сколько именно часовъ и минутъ оставался онъ въ аудиторіи каждаго профессора. Кромѣ того, онъ старался набро-

сить тѣнь на его познанія и образъ мыслей: ему хотѣлось выставить ревизора въ одно и то же время отчаяннымъ либераломъ и невѣждою. Отъ нѣкоторыхъ изъ профессоровъ, обязанныхъ своими мѣстами благосклонности Магницкаго и до такой степени привыкшихъ вѣрить въ его могущество, что имъ казалось невозможнымъ, чтобы не вышелъ онъ изъ ревизіи съ полнымъ торжествомъ, ему удалось получить оффиціальныя показанія, вполнѣ соотвѣтствовавшія его видамъ, и которыя онъ поспѣшилъ препроводить въ Петербургъ. Профессоръ зоологіи, Леонтовскій, разказывалъ, будто бы Желтухинъ спрашивалъ его: какъ можетъ онъ преподавать эту науку, не зная ни арабскаго, ни персидскаго языковъ? Послѣ нѣкотораго недоразумѣнія объяснилось, что *зоологію* смѣшивалъ онъ съ *филологіей* и оттого задалъ такой странный вопросъ. На лекціи русской словесности, слыша, что студенты разбираютъ 102 псаломъ Давида, доказывая превосходство его надъ произведеніями Гомера и Виргилія, и вообще приводятъ цитаты только изъ Священнаго Писанія, Желтухинъ воскликнулъ: «да что вы меня все текстами душите!» То же самое произошло и у профессора русской исторіи. «Не нужно ничего духовнаго, а отвѣчайте историческое,» говорилъ ревизоръ, когда студенты, на вопросы изъ исторіи русскаго государства, вдавались въ подробности объ исторіи церкви. «Удивительно, отчего и только и

слышу, что духовное?» повторялъ онъ преподавателю этой науки, Булыгину. «Безусловное повиновеніе и неизъяснимое уваженіе къ лицу, назначенному высочайшею властію, доносилъ Булыгинъ Магницкому, содѣлали меня безмолвнымъ при этихъ словахъ. Но въ случаѣ могущихъ послѣдовать за сіе нареканій со стороны высшаго начальства, прошу всепокорно ваше превосходительство не лишить меня вашей защиты и потребовать отъ меня подробныхъ объясненій по сему предмету.» Адъюнктъ и библіотекарь университета, Краузе, объяснилъ, что Желтухинъ выразилъ сильное негодованіе по поводу изъятія изъ библіотеки множества книгъ, сдѣлавшихся недоступными для профессоровъ и публики. «Какія это именно книги?» спрашивалъ онъ. «Мерзости (les abomiuations) Вольтера, какъ *la Pucelle*, и всѣ негодныя сочиненія его», получилъ онъ въ отвѣтъ, «сквернословія (les saletés) Дидерота и вообще всѣ сочиненія, писанныя противъ Бога и государя.» Здѣсь, по увѣренію Магницкаго, ревизоръ выразилъ будто бы мысль, что все это не что̀ иное какъ фанатизмъ, что самъ онъ не менѣе пяти разъ читалъ *la Pucelle* съ удовольствіемъ и намѣренъ еще читать ее. «Этимъ, — восклицаетъ Магницкій, — всякая мѣра пристойности забыта, и даже нарушены самые законы, воспрещающіе хвалить открытыя богохуленія и книги возмутительныя!» Подъ конецъ разговора съ Краузе, Жел-

тухинъ взялъ изъ шкапа одну изъ запрещенныхъ книгъ, *Confidences philosophiques*, и прочиталъ въ ней страницу, нашелъ будто бы, что она написана прекрасно, что воздвигать гоненія на произведенія такого рода есть чистый фанатизмъ, что довольно вѣрить во Христа, *а все прочее ничего не значитъ* и т. д. Безъ сомнѣнія, было бы трудно, на основаніи этихъ показаній, вывести какое-либо заключеніе объ истинномъ характерѣ ревизіи Желтухина; но каковъ бы ни былъ характеръ этой ревизіи, факты доставленные ею сами достаточно ясно говорятъ за себя.

Когда Магницкій, въ свое время, ревизовалъ Казанскій университетъ, онъ сильно возставалъ противъ чрезмѣрной, по мнѣнію его, траты денегъ и называлъ ее расхищеніемъ казны; съ негодованіемъ указывалъ онъ, что содержаніе этого университета съ 1805 до 1819 года потребовало 1,641,077 рублей. Между тѣмъ, въ его управленіе, не въ четырнадцать, а только въ теченіи семи лѣтъ израсходовано было 1,593,294 рублей, то-есть, почти ровно такая же сумма, и такъ какъ студентовъ, окончившихъ курсъ, выпущено было лишь немногимъ болѣе ста человѣкъ, то каждый изъ нихъ обходился въ 15,000 руб.! « Если принять въ соображеніе награды, замѣчаетъ Желтухинъ, которыхъ до 1810 года почти не существовало и которыми при прежнемъ попечителѣ правительство, такъ

сказать, осьмало профессоровъ и чиновниковъ Казанскаго университета, то можно утвердительно сказать, что начальство университета имѣло всѣ способы сдѣлать его отличнѣйшимъ!» Между тѣмъ, прибавляетъ онъ, «нельзя сказать, чтобы дворяне казанскіе охотно отдавали дѣтей своихъ въ университетъ. Нѣкоторые состоятельные помѣщики воспитываютъ ихъ дома, другіе отсылаютъ ихъ въ лицей. Значительное уменьшеніе числа студентовъ, сравнительно съ прежнимъ управленіемъ до 1819 года, болѣе всего показываетъ нерасположеніе публики къ сему публичному заведенію. Причины сего можно съ достовѣрностью приписать: 1) странному внутреннему распорядку, допущенному по предписанію попечителя, безъ утвержденія министерства, и имѣющему сходство съ самымъ строгимъ монастырскимъ установленіемъ, несообразнымъ по многимъ отношеніямъ съ цѣлію воспитанія благороднаго юношества; 2) господствующему въ университетѣ духу, въ преимущественномъ приготовленіи богослововъ, тогда какъ родители хотѣли бы видѣть въ дѣтяхъ своихъ людей, болѣе способныхъ для службы гражданской и военной, къ чему предназначаются они и самою грамотой, высочайше дарованною Казанскому университету; 3) несоразмѣрнымъ и гласнымъ наказаніемъ студентовъ за проступки, требующіе болѣе отеческаго исправленія нежели неумолимой строгости.»

Ревизія открыла, между прочимъ, одно вопіющее злоупотребленіе: ею обнаружено было самое безцеремонное обращеніе съ суммами, составлявшими достояніе университета. Оказалось, что попечитель и другіе члены управленія относились крайне неуважительно къ казенной собственности, исчезавшей безъ всякой отчетности. Ничто такъ не способствовало къ паденію Магницкаго, какъ изобличеніе этихъ злоупотребленій, вовсе не клеившихся съ правилами, которыя онъ проповѣдовалъ на каждомъ шагу. Г. Желтухинъ не замедлилъ открыть, что въ 1823 г., разрѣшено было употребить 40,000 руб. на покупку астрономическихъ и физическихъ инструментовъ для университета; профессоръ Симоновъ, нарочно съ этимъ порученіемъ посланный въ Парижъ, купилъ инструментовъ на 18,465 руб., и, за вычетомъ остальныхъ издержекъ, въ рукахъ попечителя осталось болѣе пятнадцати тысячъ рублей. Что сталось съ этими деньгами? Почему въ теченіи трехъ лѣтъ не представлено было никакого отчета объ ихъ употребленіи? Магницкій утверждалъ, что онъ хранилъ ихъ у себя для разчета за инструменты, заказанные за границей, но еще не присланные въ Россію;—не трудно было, однако, обнаружить, что заказовъ никакихъ не было сдѣлано, что никакихъ посылокъ для университета не ожидалось и, слѣдовательно, расплачиваться было не за что.

Непріятное открытіе это повлекло за собою множество другихъ, такого же свойства. При вступленіи Магницкаго въ должность, ассигнована была значительная сумма на исправленіе и постройку различныхъ университетскихъ зданій. Работы производились нѣсколько лѣтъ сряду, и никогда министерство не могло добиться ни малѣйшаго отчета въ употребленіи денегъ. Генералу Желтухину не удалось, находясь даже на самомъ мѣстѣ построекъ, уяснить сколько-нибудь этотъ предметъ. Изъ донесеній его видно, что смѣта была значительно превышена, такъ что, напримѣръ, крыша университетскаго зданія обошлась въ 26,800 руб., а между тѣмъ по первоначальному исчисленію требовалось на нее лишь 2,680 руб. На поставку матеріаловъ объявляемы были нѣсколько разъ торги, но потомъ попечитель приказывалъ отмѣнять ихъ и вступалъ въ сдѣлки съ подрядчиками, лично ему извѣстными. Учрежденъ былъ особый строительный комитетъ, въ которомъ главными членами были профессоръ Лобачевскій и адъюнктъ Васильевъ: но первый изъ нихъ занималъ, въ то же самое время, должность декана и три каѳедры; второй не менѣе былъ занятъ по преподаванію въ университетѣ, а потому работы происходили почти безъ всякаго надзора. Въ 1823 году Магницкій прислалъ изъ Петербурга чиновника Калашникова: при немъ строительный комитетъ потерялъ почти всякое

значеніе; Калашниковъ дѣйствовалъ какъ хотѣлъ, и когда слышались возраженія противъ нѣкоторыхъ его мѣръ, то онъ отвѣчалъ, что руководствуется особеннымъ предписаніемъ попечителя; счеты, представленные имъ, поражали громадными своими цифрами. Нѣсколько разъ выслушивалъ Магницкій жалобы на произвольный образъ его дѣйствій, но принялъ за правило оставлять ихъ безъ всякаго отвѣта: въ теченіи двухъ лѣтъ сряду обстраивалъ такимъ образомъ Калашниковъ университетъ, украшался за усердную свою службу орденами и получалъ ежегодно по 7,000 рублей жалованья.

Не будемъ, однако, вдаваться въ подробности хозяйственнаго управленія университета: достаточно сказать, что денегъ израсходовано было множество, отчетности въ этихъ тратахъ не существовало никакой, а между тѣмъ, не говоря уже о самомъ зданіи университета, различные кабинеты его находились въ упадкѣ. Химическая лабораторія терпѣла недостатокъ въ необходимѣйшихъ инструментахъ и снарядахъ, не смотря на то, что въ 1823 году выдано было попечителю 5,000 р. для пріобрѣтенія ихъ. Типографія не въ состояніи была принять никакихъ заказовъ, за неимѣніемъ литеръ и хорошаго шрифта; она затруднялась даже въ выплачиваніи жалованья наборщикамъ и служителямъ. Какъ не вспомнить было при этомъ тѣ ожесточенныя нападки, въ которыхъ прибѣгнулъ Магницкій въ 1819 году

противъ управленія хозяйственною частью университета, когда онъ самъ являлся въ качествѣ грознаго судіи и карателя злоупотребленій!

Лишь только убѣдился Магницкій, что ревизія не можетъ окончиться для него благопріятно, какъ предначерталъ уже себѣ планъ защиты. Онъ твердилъ, что дѣлается жертвою партіи, питавшей къ нему ненависть, за строгіе его принципы благочестія и уваженія къ существующему порядку; онъ старался доказать, что паденіе его послужитъ сигналомъ самыхъ вопіющихъ, по безобразію своему, явленій съ системѣ нашего народнаго образованія; онъ увѣрялъ, что въ его лицѣ мятежная партія грозитъ гибелью всему Казанскому университету, связанному будто бы самыми тѣсными узами съ своимъ попечителемъ. Когда приходилось Магницкому объясняться въ различныхъ злоупотребленіяхъ и превышеніи власти, онъ постановилъ себѣ правиломъ говорить не отъ своего имени, а отъ имени всего университетскаго сословія. »Г. Желтухинъ, писалъ онъ въ Петербургъ, произвелъ крайне невыгодное впечатлѣніе на университетъ, гдѣ почтеніе къ начальству и уваженіе къ властямъ имѣютъ глубокія корни. Я даже удивляюсь, что въ теченіи всей ревизіи ни на минуту не былъ нарушенъ порядокъ и сохранился добрый духъ студентовъ...» Въ маѣ 1826 года подалъ Магницкій на высочайшее имя два письма слѣдующаго содержанія:

«Исполняя высочайшую и всемилостивѣйшую волю вашего императорскаго величества, говорилъ онъ въ первомъ изъ нихъ, имѣю счастіе поднести у сего самое полное объясненіе на несправедливыя, злонамѣренныя и бездоказательныя обвиненія меня и университета, мною управляемаго, генералъ-майора Желтухина. *)

«Я не осмѣлился представить вашему величеству иного объясненія, какъ основаннаго на неоспоримыхъ фактахъ, кои готовъ, по первому повелѣнію, доставить, и на свидѣтеляхъ, которые также готовы всѣ показанія свои утвердить присягою.

«Тоже самое безпримѣрное правосудіе вашего величества, которое отвративъ слухъ отъ навѣтовъ и клеветъ, пожелало внять оправданію моему; то же самое правосудіе, государь, сія вѣрная порука въ счастіи Россіи, подъ мудрымъ царствованіемъ вашимъ, будетъ и нынѣ моимъ ходатаемъ; и я беззаботно ему предаю личную судьбу мою, честь и участь семейства моего. Но, Государь всемилостивѣйшій, державная власть, никогда не умирающая, облекла меня въ званіе начальника одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, коему ввѣрено образованіе народное въ двѣнадцати губерніяхъ, гдѣ уже семь лѣтъ распространяетъ онъ истинно русское воспитаніе,

---

*) Дѣло идетъ объ оправдательной запискѣ Магницкаго, о которой мы упоминали выше и которая была потребована отъ него, по приказанію государя императора.

моего девиз: Богъ и царь! Почтенное сословіе сіе, вѣрою и правдой служащее, и лично'мъ вашему величеству, не только по любви къ царямъ, въ крови каждаго Русскаго текущей, но по искреннему убѣжденію и по благодарности за правосудіе, ему оказанное, сіе вѣрное вамъ, государь, сословіе предстоитъ нынѣ, въ лицѣ моемъ, оклеветанное и публично всѣми способами поруганное генералъ-майоромъ Желтухинымъ, и помощникомъ его коллежскимъ совѣтникомъ Есиповымъ, оно всеподданнѣйше проситъ удовлетворенія за сіи жестокія и не заслуженныя обиды: и я въ качествѣ его ходатая, Кесаря нарицаю!»

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого письма, представилъ онъ другое, въ которомъ выражался такимъ образомъ:

«Оканчивая служебное дѣло мое всеподданнѣйшею просьбой объ увольненіи меня отъ такой должности, которую по разлукѣ моей съ семействомъ *) и убийственному въ мои лѣта климату Казани, я исправлять никакъ не въ состояніи, пріемлю смѣлость испрашивать у вашего императорскаго величества, какъ у августѣйшаго образца всѣхъ семейственныхъ добродѣтелей, святымъ ихъ именемъ, дозволенія возвратиться въ семейство мое, въ такомъ отношеніи къ службѣ или къ совершенному увольненію отъ оной,

*) Письмо это писано изъ Казани, а семейство Магницкаго находилось въ Петербургѣ.

какое ваше величество признать изволите справедливымъ.

«Семейство мое гибнетъ отъ тягостнаго со мною разлученія, ибо состояніе его совершенно разстраивается, болѣзненное положеніе жены моей усугубляется ежедневно горестями, а здоровье мое очевидной подвергается опасности, ибо по общему мнѣнію здѣшнихъ врачей, къ вредному климату Казани, въ мои лѣта, привыкнуть не можно.

«Подносимый у сего послужной списокъ о тридцатилѣтней, съ капитанскаго чина, безпорочной службѣ моей, да будетъ ходатаемъ за мое семейство, у котораго не только честь, но и самое домашнее благосостояніе похищено.

«Послѣ сего къ тому, кто при самомъ началѣ чудеснаго своего царствованія, въ правосудномъ милосердіи своемъ, посреди судебъ міра, занятіе его составляющихъ, не забылъ стараго слугу царскаго и однимъ своимъ словомъ спасъ его отъ беззащитнаго обезчещенія клеветою *); къ тому истинному и великому благотворителю моему припадаю со всеподданнѣйшею просьбой, послѣднею, можетъ-быть, на тридцатилѣтней службѣ, о *словѣ милостивомъ* университету Казанскому, за меня и за добрыя его начала гонимому.

---

*) Намъ неизвѣстно, на что тутъ намекаетъ Магницкій.

« Предъ Богомъ смѣю увѣрить ваше величество, что сильная уже у насъ, но еще сокрытая партія гонитъ и ищетъ обезчестить въ лицѣ сего заведенія тѣ святыя начала, кои отъ времени Владиміра до XVII столѣтія ограждали благословенное отечество наше отъ чужеземнаго невѣрія и возмутительныхъ правилъ. Управляя двѣнадцатью губерніями, Казанскій университетъ есть твердый оплотъ противъ сего потопа. Опасаются, чтобы правила его не были распространены на всѣ прочія заведенія, и единственно потому, въ теченіе сихъ лѣтъ, и его начальство и его всѣми средствами клевещутъ и гонятъ. И дѣйствительно преслѣдованіе сіе наконецъ доведено до того, что пользуясь и самымъ разстояніемъ его отъ столицы, посреди очевидныхъ свидѣтелей отличнаго его благосостоянія во всѣхъ частяхъ, — архіерея, начальника губерніи, губернскаго предводителя дворянства, отцовъ и матерей воспитываемыхъ имъ около 200, можетъ-быть, дѣтей въ вѣрѣ предковъ, въ вѣрности и любви къ природнымъ царямъ, — два человѣка: одинъ — фанатикъ противной университету партіи, другой — политически казненный: *), имѣли дерзость публично,

---

*) Такъ называлъ Магницкій [illegible], имѣя въ виду, что онъ подвергся, послѣ 1812 года, судебному приговору. По этому поводу министръ А. С. Шишковъ говоритъ, въ докладной запискѣ своей государю: «Почитая неприличнымъ обличать столь несправедливыя выраженія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго въ отношеніи къ др.

при всеобщемъ негодованіи на нихъ города, обругать сей университетъ и въ лицѣ начальства, и въ сословіи, и въ членахъ онаго, самымъ наглымъ образомъ; имѣли дерзость клеветы свои на него представить оффиціально на высочайшее усмотрѣніе.

« Заведеніе сіе такъ ими обезславлено, что единственно милостивое слово вашего императорскаго величества сильно возстановитъ его прежнюю честь. Возсозданіе сего по истинѣ русскаго университета, говорю по присягѣ моей предъ вашимъ величествомъ, достойно святыхъ дней, предваряющихъ вѣнчаніе ваше, государь, на царство, и правомъ и великими свойствами пріобрѣтенное; вѣнчаніе, котораго съ такою радостію ожидаетъ вся Имперія какъ священнаго запечатлѣнія благословенныхъ судебъ ея, на царственной главѣ вашей покоящихся.

« Да удостоится, государь всемилостивѣйшій, Казанскій университетъ вашъ изъяснить вашему величеству чувства его къ августѣйшей особѣ вашей, стѣсненныя доселѣ опалою, которую положили на него враги добрыхъ его началъ, но тѣмъ пламеннѣе къ правосудному защитнику его пылающія! »

цу, которое удостоено было особенной довѣренности вашего величества, долгомъ считаю всеподданнѣйше донести, что хотя коллежскій совѣтникъ Есиповъ и подвергся гнѣву блаженной памяти государя императора, но какъ по истеченіи не малаго времени, его величеству благоугодно было разрѣшить ему вступленіе на службу, то и не остается никакого справедливаго повода дѣлать ему столь обидные упреки.»

Донесеніе генерала Желтухина и оправданіе Магницкаго были внимательно обсуждены главнымъ правленіемъ училищъ и приговоръ его оказался не въ пользу попечителя. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, адмиралъ А. С. Шишковъ, былъ вовсе не такимъ человѣкомъ, чтобъ увлекаться духомъ какой-либо партіи, которая стремилась бы распространить въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ разрушительные или противные религіи принципы. Если и онъ явился въ числѣ главнѣйшихъ противниковъ Магницкаго, то это можетъ служить лишь доказательствомъ, что обвиненія противъ попечителя Казанскаго округа были слишкомъ убѣдительны и ясны. Существуетъ предположеніе, что Магницкій ненавистенъ былъ Шишкову какъ ревностный приверженецъ князя А. Н. Голицына, какъ одинъ изъ поборниковъ того направленія, противъ котораго въ 1824 году началась сильная реакція, — но едва ли это справедливо: Магницкій никогда не былъ искреннимъ приверженцемъ идей своего патрона; онъ проповѣдывалъ ихъ лишь въ угоду ему, точно также какъ въ былое время дѣйствовалъ заодно съ Сперанскимъ; при князѣ А. Н. Голицынѣ онъ ревностно заботился о распространеніи библейскихъ обществъ, а по выходѣ Голицына изъ министерства народнаго просвѣщенія поспѣшилъ явиться ихъ гонителемъ. Шишковъ могъ быть увѣренъ, что нашелъ бы вѣрное орудіе въ

Магницкомъ, рѣшившись оказать ему поддержку съ своей стороны, и если онъ не сдѣлалъ этого, то не отъ того ли, что честная душа его возмущалась средствами, къ которымъ прибѣгалъ этотъ неутомимый искатель почестей и фортуны?

Высочайшимъ приказомъ 6-го мая 1826 года Магницкій былъ уволенъ отъ должностей попечителя Казанскаго округа и члена главнаго правленія училищъ. Нѣсколько позднѣе наложено было запрещеніе на его имѣніе съ цѣлью покрыть значительные начеты, оказавшіеся на немъ: мѣра эта была принята послѣ того, какъ распространился слухъ, оказавшійся справедливымъ, что онъ выдалъ одному изъ ревностныхъ своихъ приверженцевъ, казанскому профессору Корабдинову довѣренность на продажу помѣстья принадлежавшаго ему въ Кіевской губерніи. Магницкому приказано было оставаться въ Казани до окончанія производившагося надъ нимъ дѣла; не подчиняясь этому распоряженію, онъ поспѣшилъ въ Петербургъ, чтобы личнымъ ходатайствомъ отстранить обрушившійся надъ нимъ ударъ, но былъ немедленно высланъ оттуда.

Впрочемъ, никакимъ образомъ не могъ бы онъ жаловаться на угнетенія и преслѣдованія. Во время семилѣтней службы его въ министерствѣ народнаго просвѣщенія щедро сыпались на него награды: въ званіи попечителя Казанскаго округа получалъ онъ жалованья 12,000 руб., тогда какъ остальные по-

печители получали лишь по 3,600 руб., а нѣкоторые и вовсе не получали жалованья. Въ 1819 году, сверхъ этихъ денегъ, приказано было выдавать ему по 6,000 руб. ежегодно изъ государственнаго казначейства; въ 1822 году отведено было ему въ аренду 6,000 десятинъ земли въ Саратовской губерніи, на берегу Волги.

Тотчасъ по увольненіи своемъ отъ должности обратился Магницкій съ просьбою на высочайшее имя о доставленіи ему средствъ существованія. «Имѣю счастіе всеподданнѣйше донести, писалъ по этому поводу министръ Шишковъ, что какъ Магницкій уволенъ отъ службы не по прошенію, а вслѣдствіе обнаруженныхъ, по управленію Казанскимъ университетомъ, недостатковъ, превышенія данной ему власти и неповиновенія начальству, то, по мнѣнію моему, и не можетъ онъ имѣть никакого права на единовременное или пожизненное пособіе отъ правительства.» Несмотря на это, Магницкому было назначено 6,000 рублей пенсіона.

